РЭЙ

КЛУУН

Пока мы рядом

Прощение — это тоже часть любви.

Даже с помощью самых лучших телескопов мы не можем увидеть окружающее нас космическое пространство. Мы видим лишь его прошлое. Мы окружены светом прошлого.

Бернар Вербер.
Новая энциклопедия относительного и абсолютного знания

POCKET & TRAVEL

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дэн и Кармен молоды, здоровы, обеспеченны и полны сил. Они любят друг друга и свою годовалую дочку Луну. Но их красивая, насыщенная, блестящая жизнь рушится в одночасье. Кармен смертельно больна. Ей поставлен окончательный диагноз. Шумные вечеринки и бары сменились на процедурные кабинеты, больничные палаты и врачебные консультации…

Голландец Рэй Клуун в своем дебюте «Пока мы рядом» беспредельно искренен и пристрастен — в 2001 году его жена умерла от рака груди… В память о ней он написал эту книгу.

- ПОКА МЫ РЯДОМ
  - ○
  - ○ Часть 1
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4
    - ■ 5
    - ■ 6
    - ■ 7
    - ■ 8
    - ■ 9
    - ■ 10
    - ■ 11
    - ■ 12
    - ■ 13
    - ■ 14
    - ■ 15
    - ■ 16
    - ■ 17
    - ■ 18
    - ■ 19
    - ■ 20
    - ■ 21
    - ■ 22
    - ■ 23
    - ■ 24
    - ■ 25
    - ■ 26
    - ■ 27
    - ■ 28

- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34

○ Часть 2

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 12
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37

        - 38
        - 39
    - Часть 3
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
        - 6
        - 7
        - 8
        - 9
        - 10
        - 11
        - 12
        - 13
        - 14
        - 15
        - 16
        - 17
        - 18
    - ЭПИЛОГ
    - БЛАГОДАРНОСТИ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63

ПОКА МЫ РЯДОМ

Вчера… мне казалось, больше нет проблем…

The Beatles, песня «Yesterday» из альбома «Help» (1965)

Посвящаю Ют и Наату

Рэмпл (сущ.), лит. — *письменный сэмпл:* фрагмент музыкального произведения или текста, включенный в отрывок письменного текста. *Рэмплировать* (гл.). Разновидность того, что в музыкальных стилях «хип-хоп» или «хаус» называется *сэмплом*; музыкальный фрагмент, ранее записанный другим исполнителем, который используется в качестве составной части нового музыкального произведения.

Монофобия — панический страх перед (сексуально) моногамной жизнью, вызывающий острую потребность в измене.

Часть 1
ДЭН И КАРМЕН

1

Какого черта я здесь делаю? Мне здесь не место…

Radiohead, песня «Creed» из альбома «Pablo Honey» (1993)

«Не хватало еще стать тут завсегдатаем», — говорю я про себя, заходя через вращающуюся дверь в госпиталь Синт Лукас третий раз в течение последних нескольких дней. Сегодня мне и Кармен предстоит подняться на первый этаж, в кабинет «105», как указано в карточке назначений моей жены. В коридоре первого этажа не протолкнуться. Как только мы погружаемся в эту людскую массу, пожилой господин с бросающейся в глаза накладкой из искусственных волос на голове тычет в дверь своей тростью:

— Сначала вам нужно зайти туда и сказать, что вы пришли.

Мы киваем и с волнением перешагиваем порог кабинета «105». *Доктор В. Г. Ф. Шелтема, специалист по заболеваниям внутренних органов* — читаем на табличке сбоку от двери. Мы попадаем в приемную — теперь я понимаю, что в коридоре толпятся те, кого не вмещает ее пространство. Сразу бросается в глаза резкое повышение, на десятки лет, среднего возраста пациентов. На нас устремляются пристальные и сочувствующие взгляды. В госпитале своя иерархия. Мы здесь не просто явные новички и туристы, мы чужие. Но у раковой опухоли в груди Кармен свои мысли на этот счет.

Женщина лет шестидесяти в инвалидной коляске, сжимая в своей костлявой руке такую же, как у Кармен, ламинированную карточку назначений, беззастенчиво оглядывает нас с головы до ног. Перехватив ее взгляд, я пытаюсь продемонстрировать хотя бы внешнее превосходство: я и моя жена молоды, красивы и здоровы, чего нельзя сказать о тебе, старая кошелка. Даже не думай, что мы здесь задержимся, мы пулей выскочим из этого онкологического отделения — но язык моего тела не поддерживает эту игру и выдает тревогу и неуверенность. Ощущение такое, словно я зашел в бар провинциального городка и по насмешливым взглядам догадался о том, что выгляжу расфуфыренным амстердамским щеголем. Я жалею о том, что напялил мешковатую красную рубаху со вставками из змеиной кожи. Кармен тоже неуютно. Хотя в реальности дело обстоит так:

отныне мы здесь не чужие, а самые что ни на есть свои.

В кабинете «105» своя регистратура. Медсестра за стойкой, кажется, читает наши мысли. Она тут же предлагает нам подождать в соседней комнате. И это очень кстати: я замечаю, что в глазах Кармен снова закипают слезы. Как хорошо, что не нужно толкаться среди ходячих трупов в приемной или в коридоре.

— Должно быть, это стало для вас страшным ударом, когда вы позавчера узнали о диагнозе, — говорит медсестра, заходя с двумя чашечками кофе. Мне сразу становится понятно, что история болезни Кармен ван Дипен обсуждалась на летучке. Медсестра смотрит на Кармен. Потом переводит взгляд на меня. Я пытаюсь взять себя в руки. Малознакомая медсестра не должна видеть, как я страдаю.

2

Среди мужчин, гоняющихся за множеством женщин, мы можем легко различить две категории. Одни ищут во всех женщинах свой особый, субъективный и всегда один и тот же сон о женщине. Другие движимы желанием овладеть безграничным разнообразием объективного женского мира[1].

Милан Кундера, роман «Невыносимая легкость бытия» (1984)

Я — гедонист с серьезной монофобией. Гедонист, живущий во мне, был в свое время сражен наповал моей будущей женой Кармен, и они сразу поладили. Впрочем, нельзя сказать, чтобы ее не беспокоил мой панический страх перед моногамией. Поначалу Кармен относилась к нему с некоторым сочувствием, находила наши свободные отношения забавными и видела в них скорее вызов, чем предостережение.

Но год спустя — мы не жили вместе — всплыл факт моей связи с Шэрон, секретаршей рекламного агентства «BBDvW&R/ Bernilvy», где я в то время работал. Вот тогда Кармен окончательно осознала, что я никогда не стану верным мужем и даже не буду пытаться создавать видимость. Уже много позже она призналась, что после эпизода с Шэрон была готова бросить меня, но поняла, что слишком сильно меня любит. Вместо этого она просто закрыла глаза на мои измены и стала считать их вредной привычкой, от которой невозможно избавиться. В самом деле, кто-то ковыряет в носу, кто-то транжирит деньги. Мои походы налево были из той же категории. Во всяком случае, это решение служило ей своеобразной эмоциональной защитой и помогало свыкнуться с мыслью о том, что ее муж «злоупотребляет сексуальными подвигами».

Тем не менее все годы нашей совместной жизни она продолжала грозить мне своим уходом, если я снова посмею сделать *это*. Она хотела, чтобы мои будущие интриги, по крайней мере, оставались для нее тайной. И я старался соответствовать ее ожиданиям.

В последующие семь лет мы были самой счастливой парой

Западного полушария и его окрестностей.

Пока три недели назад Кармен не позвонила мне в разгар рабочего дня, когда я вместе с Фрэнком боролся со сном под монотонный треп менеджера по продажам из компании «Холланд казино».

3

Это конец света, как мы это понимаем…

R E M, песня «It's The End of the World as We Know It» из альбома «Document» (1987)

Кто ходит в казино? Китайцы, жулики и тетки в платьях из вискозы. Ни разу еще не встречал в казино привлекательных женщин. Просто кошмар.

Неудивительно, что, когда объявился этот менеджер из «Холланд казино» и сообщил о своем желании стать клиентом нашего рекламного агентства «MIU Creative & Strategic Marketing», я поспешил заверить его в том, что просто повернут на казино.

► Мы, то есть Фрэнк и я, зарабатываем на жизнь рекламой. Люди, которые имели счастье обучиться какому-либо ремеслу, создают продукт. А есть люди, которые его продают. Конечно, не такое уж это респектабельное занятие, но, тем не менее, весьма полезное. Я и Фрэнк не продаем продукт. Мы продаем время, измеряемое часами. При этом мы ничего не делаем сами. Вся мозговая деятельность нашего агентства осуществляется коллективом из шести двадцатилетних мальчишек и девчонок, таких же сумасшедших трудоголиков, какими когда-то были я и Фрэнк, прежде чем начали работать на себя. А теперь мы с ним просто аккумулируем идеи, которые выдают наши двадцатилетние умники, переносим их на бумагу, после чего наша секретарша Мод — поистине роскошное создание — упаковывает их в красивую обложку, и мы, с великим апломбом, вручаем готовый проект нашим клиентам. Те реагируют с диким энтузиазмом, рассыпаются в благодарностях и дальше уже творят с нашим детищем, что хотят. А мы приступаем к разработке нового прибыльного проекта для того же клиента. Вот так, собственно, и работает наш бизнес.

«Холланд казино», как мы подсчитали, могло принести нам шикарные доходы. Так что утром следующего дня мы сидим в казино на Мо-Эве-Плейн в Амстердаме. Менеджер по продажам

захотел, чтобы мы «пришли и хотя бы одним глазком взглянули на его хозяйство». *Хозяйство.* Все верно, так оно и есть. Наши клиенты любят засорять язык подобными словечками. Я ничего не могу с этим поделать. Куда проще было бы пригласить нас «просто почесать языками».

Фрэнк задает вопросы, которые, как он считает, неизменно производят впечатление на клиентов, менеджер пытается загрузить в свой мозг полученную информацию, а я притворяюсь внимательным слушателем. Кстати, это искусство я отточил до совершенства. Клиент думает, что я глубоко вникаю в его маркетинговые проблемы. А на самом деле мысли мои блуждают вокруг секса, ночных клубов или «Аякса». Иногда я совсем не соображаю, о чем говорит клиент, но это абсолютно не важно. Мечтательная рассеянность в сочетании с морщиной на лбу и долгим загадочным молчанием — таков мой фирменный стиль ведения бизнеса. Кстати, это даже помогает поднять почасовые расценки на нашу работу. До тех пор пока я не засну, это срабатывает, как говорит Фрэнк.

Сегодня мне особенно тяжело дается борьба со сном. Я уже пару раз зевнул, чем вызвал раздражение Фрэнка. И вот, когда мои веки угрожающе опускаются, у меня в кармане звонит мобильник. Я с облегчением прошу меня извинить и достаю телефон. **КАРМЕН моб.**

— Да, любимая, — говорю я, отворачиваясь от стола.

Моя любимая плачет.

— Карм, в чем дело? — спрашиваю я с волнением. Фрэнк бросает встревоженный взгляд в мою сторону. Менеджер по продажам продолжает оживленно щебетать. Я жестом успокаиваю Фрэнка и отхожу от стола.

— Я в госпитале. — Кармен всхлипывает. — Плохие новости.

Госпиталь. Я и забыл, что на сегодня у нее назначен визит к врачу. Два дня назад, когда она спросила, не кажется ли мне, что у нее воспален сосок левой груди, я попытался убедить ее, что все дело в месячных. Или, возможно, натерла о бюстгальтер. Ничего серьезного. Как и полгода назад, всего лишь ложная тревога. Я посоветовал ей сходить к доктору Уолтерсу, если уж ее так это беспокоит, и расслабиться.

Перед плохими новостями я всегда пасую, чувствую себя беспомощным и сразу же пытаюсь убедить и себя, и других в том, что все образуется. Я как будто стыжусь того, что ситуация безвыходная и мне совершенно не подвластна. Такое со мной случалось и раньше — скажем, когда отец спросил у меня, как сыграла «Бреда», и мне пришлось сказать ему, что они продули «Веендаму» со счетом 0:1. Как бы то ни было, плохие новости

одинаково противно и сообщать, и выслушивать. Настроение, считай, испорчено на целый день.

— Послушай, Карм, расскажи спокойно, что они тебе сказали, — прошу я, старательно избегая слова «доктор», потому что Фрэнк поблизости.

— Он точно не знает. Ему показалось, что сосок выглядит странно, и его это беспокоит.

— Вот как… — вырывается у меня пессимистичное замечание. Кармен воспринимает его как сигнал к началу паники.

— Я же говорила тебе, что у меня грудь горит! — кричит она срывающимся голосом. — Черт возьми, я же знала, что добром это не кончится!

— Успокойся, дорогая, мы еще толком ничего не знаем, — говорю я поспешно. — Хочешь, я приеду к тебе?

Она задумывается на мгновение.

— Нет. Ты ничем не поможешь. У меня сейчас возьмут анализ крови, потом надо сдать мочу, и они назначат дату диагностической операции — как в прошлый раз, помнишь? — Кажется, она немного успокоилась. Когда рассуждаешь о практических вещах, легче подавить эмоции. — Было бы здорово, если бы ты смог забрать Луну из яслей. И в «Брокерз» я уже не поеду. Куда я с таким перекошенным лицом?! Надеюсь, освобожусь до шести. Что будем делать с ужином?

► «Брокерз» — уменьшительное от «Эдвертайзинг брокерз». Это фирма Кармен. Она увлеклась идеей создания собственной компании, когда я еще работал на «BBDvW&R/Bernilvy» — мадридский «Реал» в рекламном мире, как мы себя называли. Кармен ужасно раздражал этот замкнутый мирок. «Сборище напыщенных эгоистов, которые мнят себя выше клиентов, коллег и самого Бога, — помнится, говорила она. — Притворяются творческими личностями, а у самих на уме только одно: кататься на крутой тачке и грести деньги лопатой». Она решила, что неплохо встряхнуть это болото. На одном из приемов, который устраивало агентство «Бернильви», она как бы невзначай поинтересовалась у одного из наших клиентов («B&A Central»), почему они не продают права на свою рекламу неконкурирующим компаниям в других странах. «Что-то вроде брокерства идей, как с книгами, фильмами и телепрограммами», — предложила она. Клиенту эта идея показалась блестящей, и на следующий день он представил ее Рамону, директору «Бернильви». Рамон согласился, хотя и неохотно. Кармен

открыла свое дело. В течение полугода она продала права на рекламные ролики «B&A Central» компаниям в Южной Африке, Малайзии и Чили. Рекламный мир взорвался от злости. Корифеи считали это позором, плебейством. В самом деле, это же не рынок скота. Но Кармен стояла на своем. Она нащупала золотоносную жилу. И вскоре все вдруг захотели стать клиентами «Эдвертайзинг брокерз». Рекламные агентства увидели свою выгоду. Неожиданно, благодаря Кармен, они стали зарабатывать на своем креативе в четыре, а то и в пять раз больше прежнего. И их клиенты, которые — скрепя сердце — оплачивали почасовую работу по расценкам куда ниже, чем, скажем, в самом эксклюзивном «мужском клубе» Амстердама («Яб Юм»), очень скоро убедились, что дорогущие рекламные кампании приносят прибыль. И все только потому, что Кармен вовремя подсуетилась с идеей продавать рекламу агентствам в какой-нибудь тмутаракани. Через два года на Кармен уже работали двадцать человек, а ее клиентская сеть охватывала весь мир. Кармен гордится тем, что сама построила свою карьеру, и иногда, если ей того хочется, летит на встречу с кем-либо из своих заморских агентов — маршрут, конечно, должен быть заманчивым — и там отрывается на полную катушку. «Повезло!» — говорит она каждый раз, когда ей удается заполучить нового клиента.

Я не мог удержаться от смеха. Мы никогда не суетимся по поводу еды. Мы — из тех супружеских пар, которые уже ближе к полуночи вспоминают о том, что неплохо бы перекусить, а потом с искренним недоумением обнаруживают, что в холодильнике шаром покати, разве что детского питания для Луны всегда в избытке. Наши друзья не устают подкалывать нас, высчитывая, сколько мы тратим на пиццу «Доминоз», китайскую еду на вынос и всякую снедь из лавки на углу нашего дома.

— Что-нибудь придумаем. Главное, постарайся поскорее освободиться, чтобы я мог обнять тебя. И будем надеяться, все обойдется, — говорю я как можно более беззаботно и нажимаю клавишу «отбой». Но по моей спине струится пот. Что-то подсказывает мне, что нашей беспечной жизни пришел конец. Я пытаюсь заглянуть в ближайшее будущее. Нет, не может быть, чтобы все было плохо. Нужно спокойно сесть и разложить все по полочкам. Найти положительные моменты. Как-то утешить Кармен, которая сейчас находится одна в этом чертовом

госпитале.

Я делаю глубокий вдох и возвращаюсь за стол переговоров. Фрэнк продолжает охмурять менеджера, который как раз пустился в рассуждения о том, как превратить новичков казино в завсегдатаев.

4

Вы были чертовски счастливы,
но всему приходит конец.

Ян Волкерс, роман «Турецкие сладости» (1969)

Я паркую свой «шевроле-блейзер» у нашего дома на Амстелвеенсевег, прямо возле Амстердаме Бос, городского лесопарка.

Я ненавижу Амстердаме Бос, ненавижу Амстелвеенсевег, ненавижу наш дом. Пять лет мы прожили в самом центре города, в квартире на первом этаже, в районе Вонделстраат. Через два месяца после рождения Луны Кармен захотелось переехать. Ей осточертело каждый раз по возвращении затаскивать трехколесную (такую классную!) коляску вверх по лестнице, а перед этим минут двадцать объезжать квартал в поисках парковочного места. И после того, как мы однажды, едва расположившись на пикник в Вонделпарке с корзиной еды и двумя бутылками розового вина, обнаружили, что Кармен забыла захватить подгузники — «О, нет, только не это, тебе придется съездить за ними, Дэн!», — она развернула активную кампанию по поиску жилья в районе Амстелвеен. Срочно требовался дом с собственным садиком. Так мы оказались на Амстелвеенсевег.

► Наш дом числится под номером «872». Это типичный домик довоенной постройки, своеобразно отреставрированный прежними владельцами. Фасад окрашен в черный цвет, а деревянная остроконечная крыша зеленая, с белой окантовкой. Риэлтор назвал ее *живописной.* «Что он имеет в виду под живописной крышей, — подумал я, — ведь это же не Заандам, не заповедник, в конце концов». Но давление со стороны Кармен нарастало с каждым днем, и, черт возьми, я сломался под натиском доводов вроде того, что иначе нам придется влачить жалкое существование в каком-нибудь ужасном пригороде вроде Хет Гуи или Алмере. Так что теперь мы по-прежнему живем в Амстердаме, но ощущение такое, как будто мы все еще в Амстелвеене. С первых же дней после переезда я чувствую себя здесь не в своей тарелке. Стоит мне выехать на автостраду А10, ведущую из города, как меня охватывает чувство, будто я

на сафари. «Смотри-ка, зебра», — заметил я, когда мы впервые отправились смотреть дом. Не могу сказать, что Кармен была потрясена. Никаких трамваев, но мимо нашего дома проезжает рейсовый автобус. В общем, вы понимаете. Хотя, конечно, сойдет на пару лет, пока «MIU» и «Эдвертайзинг брокерз» не превратятся в кур, несущих золотые яйца, и мы сможем позволить себе полноценную квартиру в центре Амстердама. А пока приходится довольствоваться соседством зебры.

Чуть впереди припаркован черный «жук» — значит, Кармен уже дома. Я вытаскиваю Луну из машины, бегу к двери, делаю глубокий вдох и вставляю ключ в замочную скважину. Мои нервы напряжены до предела, совсем как в далеком девяносто пятом, когда «Аякс» на последних минутах матча с «Миланом» был вынужден отстаивать свое преимущество в один гол[2].

► Луна — мой маленький лучик солнца. У меня и у нее общий день рождения. Когда она родилась, я сразу с улыбкой подумал, что мои друзья наверняка придут ко мне на шестидесятилетний юбилей. Уж они-то не упустят шанс поглазеть на упругие тела очаровательных юных подружек моей дочери, снующих по дому.

Казалось бы, обычный тихий вечер. Как только Луна видит Кармен, личико ее расплывается в улыбке и как будто расплющивается. Кармен, как всегда, протяжно произносит: «ЛУУУНАААА!», — придает своему лицу глуповатое выражение, имитирует детскую походку вразвалку и, опускаясь на корточки, тянет к дочери руки. Луна издает в ответ истошно-радостный вопль: «МАМАААА!» Сегодня вечером эта сцена кажется мне особенно трогательной.

— Здравствуй, любовь моя, — говорю я и целую Кармен в губы. Мы обнимаемся, и она тотчас начинает плакать. Прощай, тихий вечер. Я крепко прижимаю к себе жену и смотрю поверх ее плеча в пустоту. Я уверяю Кармен в том, что все образуется, так же как и полгода назад. Других слов утешения мне так и не удалось придумать.

Когда мы ложимся в постель, я притягиваю Кармен к себе. Мы целуемся. По ее телодвижениям я догадываюсь, что она возбуждена. Не говоря ни слова, я сдвигаюсь к изножью кровати. На пике удовольствия Кармен прижимает к моему лицу свое влажное влагалище. «Возьми меня, сейчас же!» — шепчет она. Секс получается жестким. Она чувствует, что я вот-вот кончу, и умоляет взглядом: «Пожалуйста, в меня». Совершив несколько

последних толчков, я изливаю в нее свое семя, прикусывая губу, чтобы не крикнуть и не разбудить Луну в соседней комнате.

► Когда Кармен раздевается в спальне, я смотрю на ее груди. Впервые увидев ее обнаженной, я раскрыл рот, потрясенный красотой ее тела. С трудом обретя дар речи, я пролепетал, что ни разу в жизни в моей постели не было такого тела. Она рассмеялась и сказала, что еще в «Розаз Кантина», где мы ужинали в тот вечер, заметила, что я взгляд не могу отвести от ее глубокого декольте. После рождения Луны ее груди слегка опали, но я все равно нахожу их такими же привлекательными, как прежде. Кармен до сих пор может завести меня, лишь только раздевшись и обнажив свои фантастические сиськи. Каждый вечер это для меня праздник. Жизнь с Кармен всегда праздник и для тела, и для души.

Сразу после моего оргазма она снова принимается плакать.

— Перестань, дорогая, — шепчу я. Целую ее волосы и задерживаюсь в ней еще на пару минут.

— На следующей неделе твой день рождения, — говорит она, когда я выключаю свет. — Наверное, для меня это будет последний праздник.

5

В раскаянье своя закономерность:
Оно приходит с опозданьем в вечность…

Extince, песня «Op de dansvloer» из альбома «Binnenlandse funk» (1998)

Половина третьего ночи — а мне все не спится. Даже представить не могу, как в очередной раз сообщить нашим друзьям и родным страшную новость. Получается так, будто полгода назад мы их обманули, представив все как ложную тревогу. И вот мы снова в неизвестности, надо ждать биопсии. Это произойдет в следующую пятницу. Десять дней ожидания. Десять мучительных дней до диагностической операции. Они не могут выполнить биопсию раньше, так сказал Кармен доктор Уолтерс и заверил ее, что десять дней ничего не решают. Когда сегодня вечером я позволил себе грубое замечание по этому поводу, Кармен снова на меня напустилась: «А что, черт возьми, я должна была сказать, Дэн? Что мы сделаем биопсию сами?» После этого я заткнулся.

Доктор Уолтерс. Прошло шесть месяцев, да я и общался-то с ним всего полчаса, но лицо его до сих пор стоит у меня перед глазами. На вид лет пятидесяти пяти, седые волосы уложены в безупречную прическу с пробором, в круглых очках, белом халате. Полгода назад кошмар длился чуть меньше недели. Все началось с визита Кармен к нашему семейному доктору, Баккеру. Он порекомендовал пройти обследование в госпитале, на всякий случай. Мы пришли в ужас. В госпитале Синт Лукас нас направили к доктору Уолтерсу. Он осмотрел Кармен и решил, что нужно выполнить биопсию. Это напугало нас еще больше. И не потому, что мы толком не знали, что такое биопсия, а потому, что подобные новости страшны по определению: представьте, вы приходите в госпиталь, и вам предлагают сделать то, о чем вы никогда не слышали.

Когда мы лежали в темноте нашей спальни вечером накануне биопсии, я изо всех сил старался не выдать своего внутреннего напряжения. Еще раньше, в тот же вечер, я по глазам Кармен прочел, что она напугана до смерти. И я мог это понять. Потому

что рак убивает.

И вот прозвучал вердикт Уолтерса: «Клетки неспокойны, но мы не можем точно сказать, в чем дело, однако, в любом случае, это *не злокачественная* опухоль». Помню, он едва успел договорить, как мы уже вскочили с места и были готовы рвануть из его кабинета. Какое мы испытали облегчение, как нам не терпелось убраться прочь, прочь, прочь из этого госпиталя, вернуться в свою счастливую жизнь и жить долго и радостно, как мы и планировали! Время было на нашей стороне, а планов хватило бы на сотни тысячи лет[3]. Прямо на ступеньках госпиталя мы бросились друг другу в объятия. Мы были счастливы так, будто у нас только что родился здоровый ребенок. Я тут же позвонил маме Кармен, Томасу и Анне, Фрэнку и Мод и с ликованием сообщил им, что все в порядке. Кармен *здорова.*

Не злокачественная. Может, нам следовало разузнать у Уолтерса, что он имел в виду, когда говорил: «Мы не можем точно сказать, в чем дело»? Может, нужно было повторно проконсультироваться в другом госпитале? Не наша ли вина в том, что в конце концов прозвучал страшный диагноз? Может, мы просто позволили себя надуть? Да, Кармен пребывала в эйфории от счастья и облегчения, это понятно. Но, может, *мне* следовало проявить настойчивость и потребовать, чтобы доктор Уолтерс продолжил свои исследования, пока наконец не будет *знать точно,* в чем же там дело, черт возьми? Выходит, это я идиот, а не Уолтерс. В конце концов, *я* муж Кармен. Разве не должен я оберегать ее?

Возможно, все это можно было предотвратить — эти слова разрывают мой мозг.

Что ж, больше такого не повторится. Если на следующей неделе он заверит нас в том, что все хорошо, я прижму его к стенке и вытрясу из него всю душу. В этом я могу заверить *его.*

6

Улыбка — это мимика всего лишь…

Rita Hovink, песня «Laat me aleleen» из альбома «Een rondje van Rita» (1976)

«Онкология» — так называется отделение госпиталя Синт Лукас, где проводят биопсию, — я прочел это на табличке над дверью-вертушкой. Онкология. Это слово кажется смутно знакомым, но мне никогда даже в голову не приходило, что оно имеет отношение к раку. Ведь оно звучит так невинно. Можно подумать, это просто наука, которая исследует причины вымирания мамонтов, или что-то вроде того.

► **Госпиталь Синт Лукас.** Одни считают автостоянку «Европаркинг» самым безобразным зданием Амстердама. Другие называют здание «Нидерландского банка». Или высотки в районе Бийлмер. Я приглашаю их посетить Синт Лукас. Я выпал в осадок, когда увидел это чудовище, разлегшееся вдоль трассы A10.

Луна весело размахивает своим Элмо[4] — на прошлой неделе она получила его в подарок на день рождения. Кармен сидит на краю больничной койки. Мою жену только что взвесили и взяли у нее кровь на анализ. Черный пакет, в который Кармен сложила свои туалетные принадлежности, тапочки, ночную сорочку из персидского шелка — я и не знал, что у нее такая имеется, — и журнал «Мари Клэр», лежит на постели. Я сажусь рядом; на мне надет халат, в руках я держу две брошюрки, которые нам только что выдали: зеленая называется «Как жить с раком», а голубая — «Рак груди». На обеих обложках логотип Фонда королевы Вильгемины, знакомый мне по коллекционным монеткам. Я открываю голубую брошюрку — как каталог магазина дьюти-фри на борту самолета, просто так. *«Для кого эта брошюра?»* — вижу заголовок на первой странице. Читаю дальше, и оказывается, что я и Кармен принадлежим к целевой аудитории. Мне совсем не хочется принадлежать к какой бы то ни было целевой аудитории, тем более из читателей именно этой брошюры. Просматриваю оглавление. *Что такое рак? Протезы молочных желез. Как преодолеть боль.* Собственно, с какой стати

мы должны читать столь увлекательный материал? Разве мы здесь не для того лишь, чтобы пройти диагностику? Почему нас лишают надежды на благоприятный исход? Пусть это окажется обычной реакцией соска на воспалительный процесс в молочной железе, — хотя даже я, дилетант, заметил, что в последние дни он увеличился и покраснел еще больше, — вызванной, ну, скажем, гормональным сбоем или чем-то еще.

Ровно в девять утра в палату заходит медсестра. У нее в руках папка, на которой значится имя Кармен.

— А ты здесь и впрямь *своя,* — говорю я, кивая на досье.

Кармен смеется. Смех короткий и вымученный.

— Биопсия назначена на двенадцать часов, — сообщает медсестра.

Ей на вид лет пятьдесят. Она изо всех сил старается придать нашей беседе непринужденный характер. В какой-то момент даже кладет руку на колено Кармен. Кармен дружелюбна — впрочем, как всегда и ко всем. Я чувствую себя не в своей тарелке, и больше всего мне сейчас хочется отвезти Луну в ясли и как можно скорее вернуться в «MIU». Хотя я понятия не имею, что буду делать на работе, после того как покину этот чертов госпиталь. Наверное, попытаюсь провести день, как обычно.

Кармен замечает мое напряжение:

— Иди, я справлюсь сама. К тому же в «MIU» кофе гораздо вкуснее. — Она смеется.

— Когда ваша жена выйдет из наркоза, мы вам позвоним, — говорит медсестра.

Я и Луна по очереди целуем Кармен, и я успеваю шепнуть, что люблю ее. В дверях я посылаю ей воздушный поцелуй. Луна машет рукой.

Кармен отчаянно пытается улыбнуться.

7

Я прячу слезы за фальшивой улыбкой…

The Isley Brothers, песня «Behind a Painted Smile» из альбома «Soul on the Rocks» (1967)

В десять утра я открываю дверь нашего офиса. Он располагается в здании Олимпийского стадиона. С тех пор как мы получили собственный ключ, я чувствую себя здесь как дома, причем даже в большей степени, чем в собственном доме. Моя юность связана с этим стадионом. Для меня, шестнадцатилетнего подростка из Бреды, буйный Амстердам начала восьмидесятых был невероятно притягательным. По воскресеньям я садился на поезд до Амстердама, чтобы в понедельник утром рассказать всем своим товарищам в школе о массовых беспорядках на матче с участием «Аякса» (или «Оёкса», как мы называли клуб), о том, что творилось на девятом маршруте до стадиона «Де Меер» или на шестнадцатом до Олимпийского. Хотя сам я старался держаться подальше от буянящих толп болельщиков, просто потому, что жутко боялся. Впрочем, моим одноклассникам знать об этом было совершенно не обязательно.

► Фрэнк обожает красоту, а я обожаю «Аякс». Вот почему **наш офис** — прямо под сектором ТТ, где всегда стояли фанаты «Аякса», когда он играл на Олимпийском стадионе, — можно считать компромиссом. Я настоял на том, чтобы всю боковую стену занимала фотография размером семь на полтора метра. На ней засняты игроки, выходящие на поле перед последним матчем Лиги чемпионов[5], окруженные баннерами, в облаке красного дыма. Офис «MIU» выглядит совсем как моя спальня, когда мне было пятнадцать лет, только в десять раз просторнее. И гораздо, гораздо круче. Это влияние Фрэнка и дизайнера, педика-англичанина в невероятно хипповых очках. Дизайнер полагал, что мой футбольный фетиш из-за габаритов не вписывается в интерьер. Но я заявил, что это не обсуждается, и принял его творческую концепцию с одним условием: он не тронет фотографию. У меня очень жесткие принципы, когда дело касается

футбола. Англичанин скрепя сердце согласился, но в качестве компенсации потребовал карт-бланш в оформлении остальной площади офиса. «Не возражаю», — сказал я. И все остались довольны. Дизайнер настоял на том, чтобы свободное пространство перегораживали три цветных экрана из плексигласа — каждый по два метра в ширину и полтора в высоту, — красный, желтый и синий. Помимо этого ему захотелось, чтобы из-за книжных шкафов светили розовые флуоресцентные лампы, одна стена высотой пять метров была окрашена в цвет зеленого яблока, а другая обита персидскими подушками. Я сразу предположил, что пестрыми. И явно выбивающимися из бюджета. Фрэнк сказал, чтобы я не парился по этому поводу. В конце концов, я ведь позволил себе фотографию «Аякса»?

После этого педик и Фрэнк времени зря не теряли. И уже спустя несколько недель после нашего переезда Фрэнк торжественно объявил о предстоящих визитах журналистов (из «Хет Пароол», трех международных изданий по маркетингу и рекламе и какой-то газеты, пишущей о градостроительстве), двух групп архитекторов (одна из них приехала аж из Дании, а в ее составе оказалась такая роскошная женщина, что я перестал брюзжать о превышении бюджета, — «что сделано, то сделано») *и* нового клиента. В общем, в собственном маркетинговом бизнесе есть свои прелести.

— Привет, — говорю я, заходя в офис.

Все уже на местах. Первым делом я направляюсь к кофеварке, в нашу кухоньку, чтобы меня никто не видел. Дело в том, что в нашем офисе настолько свободная планировка, что даже в носу толком не поковыряешь — все сразу таращатся. Кофеварка — это приобретение Фрэнка, так что расходы на кофе вполне законны. Нажимаешь кнопку, и через полминуты твоя чашка наполнена. Сегодня меня такая скорость не очень устраивает. Когда мой кофе готов, я задерживаюсь у кофеварки еще на некоторое время. Потом собираю волю в кулак и прохожу мимо конторки Мод. Стараюсь не встречаться с ней взглядом.

Фрэнк вопросительно смотрит на меня, когда я сажусь за свой стол.

— Ну… что… она в госпитале, — отделываюсь я лаконичным ответом. Мод уже стоит рядом. И я спиной чувствую устремленные на меня взгляды остальных сотрудников. — Ладно, все в порядке. Подождем, что там будет.

Я включаю свой компьютер. С трудом удается сдерживать слезы. Мод кладет руку мне на плечо. Я накрываю ее своей ладонью и смотрю в окно. Если бы только я был маленьким. Тогда я смог бы убедить себя в том, что все плохое улетучится, стоит лишь о нем перестать говорить.

8

Все очень легко и все, в общем-то, просто:
Встречаются двое, любовь их захлестывает.
Но жизнь как тоннель, и несешься вперед,
Не зная, что скрыто в глубинах ее…

Bruce Springsteen, песня «Tunnel of Love» из альбома «Tunnel of Love» (1992)

В пять вечера мне звонит Кармен. Я как раз сел в машину, чтобы ехать в ясли. Мне даже не нужно спрашивать, как у нее дела. Я уже слышу это в ее голосе.

— Доктор только что ушел… Все ужасно, Дэн.

— Я еду. Только заскочу за Луной, и сразу к тебе.

У меня не хватает смелости расспрашивать Кармен.

■

Сердце учащенно бьется, когда я иду по коридору онкологического отделения с Луной на руках. Я захожу в палату, где сегодня утром оставил Кармен. Она уже одета и сидит на кровати, комкая в руках бумажный носовой платок, устремив взгляд в окно. Глаза у нее красные и воспаленные. Возле нее на кровати лежат еще два использованных носовых платка. Она видит нас и зажимает рот рукой. Ни слова не говоря, я подбегаю к ней и крепко обнимаю. Она утыкается головой мне в плечо и заходится в истерике. Мне по-прежнему недостает смелости задавать какие-либо вопросы. Я словно онемел. Луна тоже не издала ни звука с тех пор, как мы вошли в палату.

Кармен целует Луну, и ей все-таки удается выдавить из себя улыбку.

— Здравствуй, мое солнышко, — говорит она, поглаживая Луну по голове.

Я откашливаюсь.

— Рассказывай, — прошу я. Деваться некуда.

— Рак. Очень опасная форма. Диффузная, как они ее называют. Не опухоль, а воспалительная форма, и она уже распространилась по всей груди.

Шок.

— Они уверены в диагнозе? — Это единственное, что мне приходит на ум.

Она кивает, шумно сморкается в платок, который уже не впитывает влагу.

— Это называется карцинома… какой-то мастит. — Я киваю, как будто понимаю, о чем идет речь. — Если хочешь, можешь уточнить у доктора Уолтерса. Его кабинет дальше по коридору.

Уолтерс. Опять это имя. Всю неделю оно оставалось для нас запретным. Мы отмахивались от настойчивых вопросов, которые нам задавали Томас, Анна и мать Кармен — не допустил ли доктор страшную ошибку полгода назад? Может, рак уже и был, но даже тогда было бы поздно, отвечали мы. Тема закрыта. Страшно подумать, что Кармен может умереть из-за врачебной ошибки.

Уолтерс сидит за рабочим столом. Я тут же узнаю его, хотя и прошло полгода с нашей первой встречи. Он меня не узнает. Я стучу в открытую дверь его кабинета.

— Да-да? — Он хмурится.

— Приветствую, — нарочно произношу я грубовато-фамильярным тоном, чтобы он не забывал о своей вине. — Я — муж Кармен ван Дипен.

— О, прошу прощения, здравствуйте, мистер Ван Дипен. — Уолтер вскакивает со стула, чтобы пожать мне руку. — Присаживайтесь.

— Я постою. Меня ждет жена.

— Хорошо. Я так полагаю, вы пришли за результатами биопсии.

Нет, за результатами матча «Бреда» — «Аякс».

— Да.

— Хм… Видите ли, ситуация не слишком радужная.

— Я уже догадался. — В моем голосе звучат ноты цинизма, чего он, впрочем, как будто не замечает. — Вы мне можете четко объяснить, в чем проблема?

Уолтерс подробно рассказывает, почему на этот раз все обстоит так плохо. Я вполуха слушаю его объяснения, а понимаю и того меньше. Я спрашиваю, какова доля вероятности.

— Довольно высокая… Мы, конечно, еще проведем дополнительные исследования, но все указывает на карциноматозный мастит. В данный момент мы больше ничего не можем сказать.

Я киваю. Уолтерс жмет мне руку:

— Наберитесь мужества, вы оба, и завтра приходите на прием к доктору Шелтема. Она как терапевт будет вести дальнейшее

наблюдение и подробно расскажет вам о ходе лечения. Договорились?

Я снова киваю. И не прижимаю его к стене, чтобы вытрясти из него душу. Более того, я не говорю ничего. Ничего. Держу рот на замке. Если кто-либо из моих клиентов попытается запустить лапу в мои дела, я без колебаний ее отрублю. А вот сейчас, перед этим дурнем, который своей ошибкой полугодовой давности изгадил нам жизнь, я веду себя, как футболист лимбургской «Роды» во время первого в его жизни выездного матча на стадионе «Амстердам АренА».

■

Я возвращаюсь в палату; Луна сидит у Кармен на коленях, а та смотрит в окно, на опустевшую автостоянку госпиталя.

— Ты уже можешь ехать со мной или у тебя еще есть здесь дела? — спрашиваю я.

— Думаю, я готова, — говорит Кармен. Она оглядывается по сторонам, в поисках своего черного пакета. Я молча подхожу к столику, на котором лежит ее куртка, и помогаю ей одеться, чего, как правило, не делаю. Мне хочется чувствовать себя хоть в чем-то полезным.

— Чуть ближе, — говорит Кармен, когда я подаю ей куртку. — Мне больно заводить руки за спину из-за раны в груди.

— О… Извини… Давай, Луна, пошли, — говорю я и беру дочь на руки. Она по-прежнему поразительно спокойна.

Кармен заглядывает в кабинет медсестры и произносит: «Покаааа!» Медсестра — та самая, из утренней смены, — тотчас отодвигает свою тарелку с горячей едой, вскакивает со стула, энергично трясет руку Кармен и желает нам сил.

— Вы сегодня справитесь сами?

— Конечно, — решительно говорю я, кивая.

Мы втроем идем к лифту. Никто не произносит ни слова.

9

Времена трудны, и с каждым днем все труднее,
Я насмотрелся достаточно, куда уж больнее.
Запри наглухо дверь, погаси огонь,
Прикрой меня, детка, прикрой…

Bruce Springsteen, песня «Cover Me» из альбома «Born in The U.S.A.» (1985)

Уже из дома я звоню Фрэнку и сообщаю, что у Кармен рак груди.

— Боже всемогущий, — лаконично оценивает ситуацию Фрэнк.

Кармен звонит Анне. Сообщает ей страшную новость. Через час Анна и Томас уже стоят на пороге нашего дома. Анна задерживает меня в своих объятиях, а потом, не снимая пальто, бежит в гостиную, чтобы прижать к себе Кармен. Кармен тут же начинает плакать.

Томас неуклюже, по-медвежьи, обнимает меня.

— Как все это дерьмово, дружище, — бормочет он. Заходя в гостиную, он старается не встречаться с Кармен взглядом. Неловко переминается с ноги на ногу, смотрит в пол, понурившись, держа руки в карманах. Он в костюме и при галстуке — явно не успел переодеться.

► **Томас** родом из Бреды-Ноорд, как и я, и мы знакомы с начальной школы. «Нам были по душе одна и та же музыка, одни и те же песни, одни и те же шмотки»[6], — поет Брюс, и это как будто про меня с Томасом. Когда нам было по двенадцать, мы вместе отправились на матч местного клуба «НАК Бреда», в шестнадцать уже слушали панк-группы в «Парадизо», а в восемнадцать оттягивались по субботам в самом злачном уголке Бреды — баре «Де Суйкеркист». Томас был там невероятно популярен. А мне, прыщавому увальню в очках с толстыми стеклами, приходилось

довольствоваться «некондицией», забракованной Томасом.

После средней школы мы оба поступили в бизнес-колледж в Амстердаме, где и познакомились с Фрэнком. Томасу пришлось изрядно попотеть, чтобы получить диплом. Он никогда не был интеллектуалом. После колледжа он стал торговым представителем в компании, которая торгует технической солью для автодорог. Его клиенты — чиновники из городской администрации и Водного совета. Томас с ними на короткой ноге, и я думаю, причина их дружбы в том, что он, так же как и они, обожает анекдоты про бельгийцев, негров, блондинок и женщин на приеме у врача, а еще носит такие же безразмерные рубахи пастельных тонов фирмы «Креймборг». Я и Томас часто перезваниваемся. Встречаемся гораздо реже, во всяком случае, не как в былые времена. Он уже не так легок на подъем и выбирается разве что на карнавал в Бреде. По выходным он предпочитает сидеть дома, с тарелкой изысканного сыра и бокалом не менее изысканного вина, и смотреть фильмы, в которых много стрельбы, сисек и геликоптеров. Снижение его интереса к выпивке отчасти связано с тем, что несколько лет назад он начал лысеть, а его живот стал приобретать угрожающие размеры. «Черт возьми, Дэнни, все мы стареем с разной скоростью — я как молоко, а ты как вино», — однажды сказал он мне в сердцах, когда пришел к выводу, что убывание его популярности у женского пола приобретает структурную форму. Прагматик по натуре, Томас перешел к активным действиям. И когда, шесть лет назад, в офисе его компании появилась очаровательная молодая стажерка, он пригласил ее на ужин и с тех пор не отпускал от себя.

► Той стажеркой была **Анна.** Томас и Анна действительно созданы друг для друга. Анна питает ненависть ко всему ультрамодному (читай: из Амстердама), помешана на детях, сырах и винах и, так же как и Томас, выглядит хронически беременной. После рождения их детей — Кимберли (4), Линдси (3) и Дэнни (1) — Анна совсем расплылась. Она говорит, что семья и домашнее хозяйство куда важнее для нее, чем собственная внешность. Она носит леггинсы и футболки фирмы «Мисс Этам». Кармен называет это сознательным пренебрежением к внешнему виду. Но Анна этого не

знает. Кармен никогда не позволила бы себе обидеть Анну. И тому есть причина. Так случилось, что Анна со временем стала лучшей подругой Кармен. Они созваниваются каждый день, и, когда полгода назад Кармен пребывала в шоке от предстоящей биопсии, Анна безвылазно сидела у нас. Хотя меня и бесило ее постоянное присутствие в нашем доме, я был вынужден признать, что Анна знает толк в настоящей дружбе. Сегодня Кармен и Анна гораздо ближе друг к другу, чем я и Томас. Кармен рассказывает Анне все. Я не столь откровенен с Томасом. По крайней мере, после того как обнаружил, что он выбалтывает Анне все, чем я занимаюсь (и чем втайне мечтает заняться сам). Не успеваю я даже глазом моргнуть, как это доходит до ушей Кармен, что совсем ни к чему. Честность — это все-таки раздутая добродетель. Анна считает иначе. Но ей легко говорить. Ее внешность уж никак не сочтешь приглашением к сексуальному контакту[7]. Анна даже при всем своем желании не способна на измену.

Анна из всех нас самая здравомыслящая. Она советует нам составить список из вопросов, которые мы хотим задать завтра доктору. Мы находим ее план удачным. Садимся вчетвером и обсуждаем все, что хотим узнать. Я записываю.

Методика срабатывает. Постепенно рак становится для нас отвлеченным предметом, который мы можем анализировать критически и почти объективно. За этот час Кармен не пролила ни слезинки.

Томас и Анна уходят в половине десятого. Я звоню Фрэнку, а Кармен включает компьютер и заходит в Интернет. Когда я вешаю трубку, она спрашивает, не помню ли я, как звучит обиходное название ее формы рака груди.

— Уолтерс мне не сказал. Сообщил только латинское название, мастит… карцинозо…

— Карциноматозный, точно. — Она смотрит на экран монитора. — Воспалительная форма рака груди… и это означает рак, который — на поздней стадии — захватывает клетки крови. Верно?

— Ну… думаю, да, — осторожно отвечаю я.

— Черт, тогда это погано. Значит, — ее голос дрожит, — мои шансы прожить еще лет пять составляют менее сорока процентов.

Сорок процентов.

— Почему ты так уверена в том, что это именно та форма? — Я начинаю раздражаться. — Ты уверена, что прочитала

правильно?

— Да! Я же не умственно отсталая, Дэн! — взвизгивает она. — Здесь так написано! Взгляни сам.

Я не смотрю на экран монитора — вместо этого отключаю питание компьютера.

— Хорошо. Пора спать.

Сбитая с толку, она продолжает смотреть на черный экран, потом переводит на меня безжизненный взгляд. И тут же начинает горько плакать:

— О, боже, если бы только этот негодяй вовремя распознал болезнь, возможно, время не было бы так безнадежно упущено!

Я хватаю ее за руку и увлекаю наверх, в спальню.

После истерики, которой, казалось, не будет конца, она засыпает в моих объятиях. Я не могу сомкнуть глаз и даже не представляю, в каком состоянии встречу утро. Когда я просыпаюсь, меня пронзает мысль о том, что все это не сон, а самая страшная реальность.

У Кармен рак.

10

Дождь хлещет так сильно,
Что становится невыносимо…

Bløf, песня «Harder dan ik hebben kan» из альбома «Boven» (1999)

Доктор Шелтема здоровается с нами за руку, жестом приглашает сесть, а сама устраивается за своим рабочим столом.

Она просматривает историю болезни, помещенную в коричневый старомодный скоросшиватель. Я привстаю и вижу, что это та самая папка, которую позавчера держала в руках медсестра. В ней рентгеновские снимки (Кармен, как я полагаю), длинный, написанный рукой (доктора Уолтерса?) отчет, графический рисунок молочной железы, снабженный маленькой стрелочкой, и неразборчивый текст под ним. Шелтема читает документы так, будто нас нет рядом. В ее кабинете царит зловещая тишина.

► **Доктор Шелтема** не из тех, с кем можно расслабиться. Седые волосы, куча авторучек в нагрудном кармане халата, лицо ученого червя. Я и доктор Шелтема определенно из разного теста сделаны. Я догадался об этом по тому, как она оглядела мою тертую кожаную куртку, когда я зашел в ее кабинет.

Я сжимаю руку Кармен. Она подмигивает мне и, копируя мистера Бина, клюет носом, пока Шелтема по-прежнему, не говоря ни слова, вчитывается в бумаги, перелистывая их то вперед, то назад. Я отворачиваюсь от Кармен, чтобы не расхохотаться, поскольку, как мне кажется, это вовсе не укрепит наше с доктором взаимопонимание. Я снова обвожу глазами кабинет. На стене позади рабочего стола висит обрамленная копия картины художника-импрессиониста (не спрашивайте, кого именно, ведь я родом из Бреды-Ноорд, и с меня довольно и того, что я узнаю в этом холсте работу импрессиониста), а на стене возле двери — маленькая книжная полка с брошюрами, и среди новых для меня названий, вроде *«Как правильно питаться при раковых заболеваниях»*, *«Рак и сексуальность»*, *«Как победить боль*

при раке», я замечаю уже знакомую голубую книжицу *«Рак груди».*

Доктор Шелтема отрывается от папки.

— Как вы себя чувствуете несколько последних дней? — начинает она.

— Не очень, — классически сдержанно отвечает Кармен.

— Могу себе представить, — говорит доктор. — Ужасно, что все началось так давно. Это была… ммм… непростительная небрежность.

— И теперь уже слишком поздно, вы это хотите сказать? — бормочет Кармен.

— Послушайте, вы не должны так думать, — говорит Шелтема. — Мы еще поборемся. Нет смысла оглядываться назад, нужно пытаться делать то, что еще *можно* сделать.

Пораженный ее спокойным отношением («что сделано — то сделано») к врачебной ошибке коллеги, я взглядываю на Кармен. У нее на лице застыло выражение полной покорности. Я тоже сдерживаюсь.

— Значит, у меня тот самый «воспалительный рак груди», верно? — спрашивает Кармен.

— Официальное название — карциноматозный мастит, но да, можно сказать, что это и есть воспалительная форма… Хм, а откуда вам известны такие термины?

— Прочитала вчера в Интернете.

— Ну, Интернетом не стоит увлекаться, — с легкой обидой в голосе произносит Шелтема.

Еще бы, думаю я, ведь подкованные пациенты для вас, врачей, головная боль. Я мысленно злорадно ухмыляюсь, и если вчера я ругал Кармен за то, что она, начитавшись на разных сайтах о всевозможных формах рака груди, убедила себя в том, что дело дрянь, то сегодня я горжусь ею, поскольку она уже знает достаточно много, чтобы заставить врача чувствовать себя неуютно.

— А верно, что только сорока процентам женщин, у которых диагностирована эта форма рака, после этого удается прожить пять лет? — задает Кармен очередной вопрос.

— Боюсь, что этот процент еще меньше, — ледяным тоном произносит Шелтема, явно пытаясь отбить у Кармен охоту посещать веб-сайты. — Что касается вас, вы еще молоды, и это означает, что процесс деления клеток происходит гораздо быстрее, чем у пожилых людей. Опухоль в вашей левой молочной железе сейчас имеет размеры тринадцать сантиметров на четыре, и в течение последних нескольких месяцев она, вероятно, увеличилась.

Тринадцать сантиметров на четыре? Да это целый кабачок! И

неужели можно вырасти до таких размеров всего за несколько месяцев? Что ж, выходит, можно, предполагаю я. Даже доктор Уолтерс не мог бы пропустить такого монстра.

— А возможно ее удалить? — спрашивает Кармен. — Я понимаю, что это означает лишиться груди.

Я не верю своим ушам. Кармен готова пойти на то, чтобы ампутировали ее гордость, ее торговую марку…

Шелтема качает головой.

— На этой стадии оперировать сложно, — говорит она. — Опухоль слишком большая. Мы не можем точно определить, как далеко распространились раковые клетки. В случае если мы прооперируем молочную железу, существует опасность, что опухоль затронет рубцовую ткань ампутированной груди, и станет еще хуже. Операция возможна только тогда, когда мы знаем наверняка, что опухоль в груди съежилась.

Она сообщает это таким тоном, как будто мы должны обрадоваться.

— Есть еще один метод воздействия на опухоль, который мы иногда практикуем, — это гормональное лечение. (*Да, конечно, гормональное лечение! Я помню, что где-то читал об этом.*) Но он в вашем случае тоже не подходит. Анализ крови на рецепторы к эстрогену дал отрицательный результат. А это значит, что раковые клетки не среагируют на гормоны. Но хуже всего то, что, как показала биопсия, опухоль диффузная… (*Ну же, продолжайте!*) и, возможно, раковые клетки уже проникли в кровеносные сосуды, а это, сами понимаете…

Нет, я не понимаю, потому что естественные науки проходил только в школе и, пусть кому-то это покажется странным, до недавних пор преспокойно существовал, не задумываясь о раке. Поскольку по выражению лица Кармен можно догадаться о том, что и она не знает, о чем идет речь, Шелтема продолжает свою лекцию, напоминая мне диктора детского телевидения, разъясняющего, почему взрослые развязывают войны.

— В общем, все это выглядит так. Клетки крови курсируют по всему телу. А значит, и раковые клетки тоже. Онкомаркеры в вашей крови еще не достигли критического уровня, но все равно высока вероятность того, что раковые клетки уже распространяются по всему организму.

Я и Кармен долго и молча смотрим друг на друга. Я поглаживаю ее руку большим пальцем. Шелтема умолкает. Но лишь на мгновение.

— Если мы сейчас ничего не предпримем, боюсь, вы проживете лишь несколько месяцев. Год, в лучшем случае.

Ее реплика — не более чем логический вывод из всего

сказанного, но эффект от нее сравним с ударом обухом по голове. Итак, приговор наконец озвучен. И его страшный смысл примерно таков: *женщина идет к врачу и узнает, что жить ей осталось несколько месяцев.* Кармен начинает дрожать, подносит руку к губам и плачет, сотрясаясь всем телом. У меня внутри все сжимается. Я обнимаю ее одной рукой, а другой крепко держу за руку.

— Это, конечно, удар для вас, не так ли? — Шелтеме не откажешь в проницательности. Мы молчим. Сидим, обнявшись. Кармен в слезах, я в шоке.

— И что теперь? — спрашиваю я через некоторое время.

— Я посоветовала бы вам как можно скорее начать курс химиотерапии, — отвечает Шелтема, явно испытывая облегчение от того, что может вернуться к технической стороне дела. — Если возможно, прямо на этой неделе.

Химиотерапия. Смысл этого слова доходит до меня не сразу. Химиотерапия. Читай: лысый. Читай: безнадежно больной. Читай: мы-очень-хорошо-понимаем-что-это-ничуть-не-поможет-но-мы-ведь-должны-что-то-делать.

Шелтема продолжает:

— Химиотерапия воздействует на весь организм, поэтому лучше всего справляется с раковыми клетками.

— А как насчет радиотерапии? — спрашиваю я. Кармен тут же поднимает голову. «Да, радиотерапия, к ней тоже часто прибегают», — читаю я в ее взгляде, исполненном надежды. Почему-то слово «радиотерапия» звучит не так угрожающе, как «химиотерапия».

Шелтема качает головой. Глупый вопрос.

— Радиотерапия дает лишь локальный эффект, — поясняет она. — Потому что воздействует только на определенный орган. А мы должны попытаться изгнать рак из всего организма, так что в этом смысле химиотерапия гораздо надежнее. — Шелтема явно раздражена из-за того, что приходится объяснять такие простые вещи.

— Вы не могли бы нам рассказать подробнее об этой самой химиотерапии? — слышу я собственный голос, который звучит так, будто я задаю вопрос о системе спутниковой навигации новой «ауди-4».

Шелтема заметно оживляется. Сейчас она напоминает мне ребенка, который радуется тому, что его попросили рассказать о его любимой игре. Мы проходим ускоренный курс обучения азам химиотерапии. Принцип прост. Организм получает мощнейшую встряску от химии, которая призвана взбудоражить раковые клетки. Они теряют опоры и начинают шарахаться в разные

стороны, как футбольная команда в отсутствие полузащитника. Даже прорасти сквозь кости, восторженно произносит Шелтема, чересчур увлекшись в своем энтузиазме. Но в то же время они становятся более уязвимыми, в сравнении со здоровыми клетками. К сожалению, в процессе химической атаки все здоровые быстроразвивающиеся клетки тоже уничтожаются. «Скажем, ваши волосы, миссис Ван Дипен, вам придется с ними расстаться».

Шелтема снова седлает своего конька.

— Думаю, лучше всего вам подойдет курс терапии CAF. — Мы киваем, как будто понимаем, о чем идет речь. — CAF — это циклофосфан, адриабластин и фторурацил в сочетании с препаратами против тошноты и рвоты, вызываемых химиотерапией. — Мы снова киваем. — В процессе химиотерапии многие испытывают сильную тошноту в течение нескольких дней. Но вы получите лекарства, которые при необходимости сможете принимать после каждого курса. — Мы постепенно впадаем в состояние эмоционального ступора. — Как правило, пациенты начинают меньше есть. Конечно, тошнота в сочетании с потерей вкусовых ощущений не способствует аппетиту, к тому же существует вероятность диареи. Если это будет продолжаться более двух дней, вы должны обратиться к нам. — *Как будто говорит о протечке стиральной машины.* — Слизистая оболочка рта тоже может, воспалиться, и месячные могут стать нерегулярными или вообще прекратиться. И наконец, вы должны быть особенно осторожны, чтобы не подхватить простуду. Если поднимется температура, сразу звоните нам, даже среди ночи.

Я больше не хочу ее слушать, я больше ничего не хочу слышать. Кармен оцепенела после слов «волосы» и «расстаться». Но Шелтема продолжает как ни в чем не бывало:

— И еще. Раковые клетки в вашем организме могут не реагировать на CAF Но вероятность этого составляет лишь двадцать пять процентов.

— И что тогда?

— Попробуем другое лечение.

— О!..

— Но мы не будем настраиваться на худшее.

— Не будем.

— И вот что еще я хотела вам предложить, — говорит она и достает из ящика стола желтую брошюрку. — Если хотите, можете воспользоваться услугами нашего психотерапевта, здесь же, в Синт Лукасе. Она специализируется на работе с раковыми больными.

Кармен задерживает взгляд на брошюре и говорит, что да,

мы, наверное, к ней обратимся. Помимо всего прочего. Раз уж рак ворвался в нашу жизнь, надо атаковать его по всем направлениям.

Я заглядываю в заготовленный нами список вопросов. Шелтема замечает это и косится на часы. Я выискиваю вопрос, который явно не улучшит ей настроения.

— Не лучше было бы моей жене пройти лечение в госпитале Энтони ван Лейвенхок? Они ведь специализируются на лечении рака?

Шелтема реагирует в точности так, как Луи ван Гаал[8] на пресс-конференциях.

— Не вижу в этом никакого смысла. Мы находимся в постоянном контакте со специалистами из Энтони ван Лейвенхок. Раз в неделю мы вместе рассматриваем истории болезни всех наших пациентов.

Я смотрю на Кармен. Она торопливо кивает, выражая согласие. Ей совсем не хочется ссориться с врачом, который будет ее лечить. Я понимаю, что не стоит углубляться в дискуссию на столь щекотливую тему. Снова заглядываю в наш список. Вот еще один вопрос на засыпку.

— Последний вопрос. Правда ли, что Америка продвинулась чуть дальше, чем Европа, в лечении рака?

Шелтема смотрит на меня, как на школьника, осмелившегося заглянуть учительнице под юбку.

— Прошу прощения… Не подумайте, что я сомневаюсь в вашем профессионализме, — поспешно добавляю я, хотя на самом деле еще как сомневаюсь, просто мне не хочется произносить слов, за которые меня могут выгнать из класса. — Но мы ведь хотим сделать все возможное для моей жены, вы понимаете?

Шелтема совсем не понимает меня; это написано у нее на лице, как и то, что она не на шутку раздражена. Она вздыхает и продолжает говорить, только уже ледяным тоном:

— Мы читаем всю имеющуюся информацию по раковым заболеваниям и все публикуемые отчеты медицинских исследований, мистер Ван Дипен. Если в Чикаго или Лос-Анджелесе появляется что-то новое, мы узнаем об этом в тот же день. А в эпоху Интернета доступ к информации открыт для всех. Для вас в том числе. Ваша жена уже убедилась в этом…

О, как я ненавижу этот насмешливый тон, высокомерие, которое демонстрирует Шелтема, и это притом что она знает о «непростительной» ошибке, допущенной ее же коллегой.

— Что-нибудь еще?

Да, три ростбифа, сука.

Я смотрю на Кармен, которая качает головой. Она хочет

поскорее уйти отсюда. Вопросы, которые еще вчера казались существенными, теперь означают лишь продление мучительной пытки визитом к врачу.

— Нет. Довольно, — говорю я.

Мы встаем и надеваем куртки.

— Сообщите мне, когда вы решите начать химиотерапию. Я бы не затягивала с этим. — Доктор Шелтема трясет руку Кармен, теперь приторно-сладкая, как торт.

— Да, хорошо. Мы позвоним вам завтра.

— Вам тоже всего хорошего, — произносит она, снова холодная, как лед. Но рукопожатия я все-таки удостоен.

— Спасибо, что уделили время. До скорой встречи, — говорю я.

Мы идем по коридору, и я крепко держу Кармен за руку, ни на кого не смотрю. В коридоре ожидают приема пациенты, и я чувствую, как их взгляды впиваются мне в спину. Ощущение такое, как будто прогуливаешься по террасе с роскошной пташкой в дерзкой миниюбке: ты знаешь, что все смотрят, но делаешь вид, будто тебя это совершенно не волнует. Сегодня Кармен не в дерзкой мини-юбке, но у нее красные от слез глаза и в руке носовой платок. Я обнимаю ее за плечи, и мой взгляд устремлен в дальний конец коридора. Люди, должно быть, подталкивают друг друга локтями, кивают в нашу сторону, перешептываются. О, господи, такая молодая женщина, и такая красивая. Наверное, только что узнала, что у нее рак. И посмотрите на парня, что рядом с ней, он такой печальный. Я физически ощущаю их жалость, их тоску по сенсации. Жаль, что Луны сегодня нет с нами. Картина для них получилась бы еще более впечатляющей.

11

Я не верю в чудеса, но ради тебя поверю,
Только ради тебя, любимая…

Bruce Springsteen, песня «Countin' on a Miracle» из альбома «The Rising» (2002)

Кармен зачитывает выдержки из брошюры, которую нам вручила в госпитале доктор Шелтема. Психотерапевт следует методу Карла Симонтона. Судя по тому, что написано, он является «пионером в технике лечения раковых заболеваний, где важную роль играет не только тело, но и сознание».

— Претендует на роль племянника Эмиля Рательбанда[9], — саркастически замечаю я.

Спустя полчаса мы покидаем книжную лавку с двумя книгами доктора Симонтона.

■

Уложив Луну в постель и отключив телефон, который в этот вечер не умолкает, я и Кармен берем по одной книге доктора Симонтона. Кармен выбирает «Путь к исцелению». Я раскрываю «Иду на поправку».

— Кто-то решит, что мы пытаемся вселить ложную надежду, что, предлагая людям влиять на ход болезни, мы навязываем им нереалистичные ожидания. Но, как нам кажется, в такой ситуации надежда — куда более здоровая установка, нежели отчаяние, — читаю я.

В следующее мгновение «Путь к исцелению» летит через всю гостиную.

— Боже правый, и я здесь сижу и читаю про рак! Я НЕ ХОЧУ ЧИТАТЬ ПРО РАК! — кричит Кармен. — ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО, ЭТО НЕПРАВДА, ЭТО НЕВОЗМОЖНО!

Я более чем согласен с ее оценкой, но все, что я могу, это крепко прижать к себе мою драгоценную Кармен, дрожащую, бьющуюся в истерике, гладить ее, целовать и шептать: «Успокойся, любимая, ну же, успокойся…»

Все это происходит вечером накануне официального Дня рождения королевы. Пока весь город стоит на ушах в преддверии праздника, в доме «872» на Амстелвеенсевег крепко сжимают друг

друга в объятиях два несчастных создания.

12

И я хочу танцевать,
танцевать, танцевать,
Танцевать на вулкане…

De Dijk, песня «Dansen op de vulkaan» из альбома «Wakker in een vreemde wereld» (1987)

В четверть десятого раздается звонок в дверь: на пороге Фрэнк. Я чуть не падаю в обморок от удивления, потому что в выходные день для Фрэнка начинается не раньше обеда.

► **Фрэнк** — ленивый, эгоцентричный сноб, и он мой лучший друг. В отличие от Томаса, Фрэнк знает обо мне все. Мы работаем вместе сутками. Он знает, что я думаю, какие мне нравятся сэндвичи, знает и то, что в «BBDvW&R» я трахал не только Шэрон, но еще Лайзу, Синди и Диану и регулярно разминался с Мод, когда случались размолвки с Кармен и, соответственно, перерыв в сексе. Он знает даже то, как шумно я кончаю — потому что за годы нашей дружбы делил со мной и номера в отелях, и квартиры.

Либидо Фрэнка — полная противоположность моему. Когда мы еще не были хорошо знакомы, я думал, что он тайно справляет сексуальную нужду в борделях, но теперь-то я знаю, что он попросту равнодушен к этому делу. Был и остается до сих пор. Очень, очень редко женщине удается *расшевелить* его игривым воркованием, и тогда между ними случается секс. На моей памяти так было раза три, и это за пятнадцать лет нашего знакомства. Мне кажется, я раскусил, в чем причина. Фрэнк считает себя центром вселенной, и ему уютно в этом качестве. Больше ему никто не нужен. Ни жена, ни семья, ничего. И деньги он тратит исключительно на себя, любимого. Причем суммы немалые. Уйму. Впрочем, тратит с умом и очень разборчиво. У Фрэнка свой стиль, и он хочет, чтобы об этом знали все. Фрэнк посещает правильные выставки, правильные рестораны. И только у него обновки из самой последней коллекции «Прада», которой в магазинах еще и в помине нет (он никогда не

упускает возможности как бы невзначай обмолвиться об этом за ланчем в нашем офисе). Большая часть денег уходит у него на умные игрушки для его пентхауса на Болемграхт. Пентхаус размером с танцзал, и все в нем очень дорогое. Одна только кухня стоит больше, чем вся мебель в моем с Кармен доме на Амстелвеенсевег. А ведь Фрэнк не часто захаживает на кухню: он не умеет готовить. Фрэнк также не умеет гладить. И стирать, делать покупки, менять колесо на велосипеде. Более того, у Фрэнка нет домработницы, нет водительских прав, как нет ни малейшего представления о том, как обзавестись столь земными вещами. Иногда из Бреды приезжает его отец и выполняет все рутинные работы по пентхаусу. Его мать ведает уборкой и стиркой. Дважды в неделю он приходит к нам поесть и рассматривает как нечто само собой разумеющееся возможность прокатиться с нами на машине, куда бы мы ни направлялись. Он всегда ездит с нами, потому что компенсирует это одним очень важным качеством. Фрэнк — Друг. Да-да, именно с большой буквы.

— Не могу же я оставить вас одних в Koninginnedag[10]. — В отличие от Томаса, Фрэнк не стесняется обнять и поцеловать меня. Когда мы встречаемся в офисе после отпуска, когда у него и у меня день рождения или когда получается новый проект, мы всегда целуемся. Мне это нравится. Сразу возникает ассоциация с той дружбой, которая бывает только в песнях Брюса Спрингстина или в рекламе пива. Настроение в клане «Дэнни и Кармен» заметно улучшается. Кармен приятно удивлена, а Луна светится от счастья. Она без ума от Фрэнка, а Фрэнк — от нее.

Мы садимся в кухне за стол, Фрэнк с радостью принимает приглашение Кармен позавтракать круассанами и спрашивает, как у нас дела. Кармен рассказывает ему всю историю, я изредка комментирую. Каждый раз, когда ей становится трудно говорить, он накрывает ее руку ладонью. Фрэнк внимательно слушает наш отчет о том, что стало известно вчера. Объяснения доктора Шелтемы, химиотерапия, что мы чувствовали, пока шли по коридору госпиталя.

Я заметно сник. Только что я выходил в туалет, хотя мне туда и не надо было, и вот теперь не знаю, что делать. К счастью, я улавливаю легкий запах детской неожиданности.

— Поднимусь наверх, сменю Луне подгузник.

Я поднимаю дочку на руки и ухожу из кухни. В моих глазах стоят слезы, пока я подтираю попку Луны и надеваю свежий

памперс. Луна наблюдает за мной, притихшая, с высоты пеленального столика. «Моя девочка… Моя любимая малышка…» Я застегиваю лямки ползунков. Потом снова беру дочку на руки, крепко прижимаю к себе и, пока слезы катятся по моему лицу, смотрю в окно. Я все еще не могу осознать происходящее. Мне и Кармен по тридцать пять, у нас чудесная дочка, у каждого свой бизнес, мы живем круто, у нас полно друзей, есть все, чего нам хочется, и вот мы, в Koninginnedag, вынуждены сидеть все утро дома и говорить только про рак.

Когда я провожаю Фрэнка (он спрашивает, действительно ли мы не хотим составить ему компанию и прогуляться — Кармен не поддается на уговоры), мне становится совсем невмоготу. Еще утром Кармен сказала мне, что не хочет проводить день в окружении орущих толп. Я, конечно, все понимаю, но перспектива провести остаток дня в скорби и печали сводит меня с ума. Лишить Дэнни вечеринки — это куда страшнее, чем отнять у Луны куклу. Особенно сейчас. Я хочу выйти из дому, я хочу напиться, я хочу веселиться, да что угодно, только бы не продолжать разговоры про рак.

Я демонстративно вздыхаю и возвращаюсь за кухонный стол.

— Мог бы не устраивать шоу, показывая, как все это тебе надоело, — цепляется ко мне Кармен. — Я ничего не могу поделать с тем, что у меня рак.

— Представь себе, я тоже, — огрызаюсь я.

13

Я хочу убежать и где-нибудь скрыться,
Я хочу снести стены, что держат меня взаперти…

U 2, песня «Where the Streets Have No Name» из альбома «The Joshua Tree» (1987)

Через час это уже становится невыносимо. Кармен сидит, листая журнал «Мир интерьеров», и я знаю, что она даже не понимает, что читает.

— К черту все! Что мы делаем дома, скажи мне, ради бога! — взрываюсь я.

Она смотрит на меня, вот-вот заплачет. О нет, только не это, стотысячная истерика за последние сутки. Я заставляю себя успокоиться, бросаюсь к ней и крепко обнимаю:

— Дорогая, я думаю, нам в самом деле будет лучше выйти из дому. Так мы ничего не высидим. Давай хотя бы сводим Луну в Вонделпарк.

Она смахивает слезы:

— Хорошо… Да, пожалуй, так будет лучше.

■

На время Koninginnedag Вонделпарк оккупируют дети из Южного Амстердама, аристократического района города. Даже юные таланты, которые выступают здесь, очень южноамстердамские. Два маленьких мальчика — голоса у них такие, что им место в детском хоре, — продают домашний апельсиновый пирог. Я в детстве никогда не пек пироги и не представляю, чтобы кто-то из моих друзей в Бреде мог это делать. Девочка, выглядящая слишком серьезной для ее возраста («Если бы у меня родился такой ребенок, я выступала бы в защиту постнатальных абортов», — говорит Кармен), декламирует стихи. Кто так воспитывает детей, лепит из них невыносимых умников? Поэзия — это ведь как помпезный рок, как тактическое построение 4 — 3 — 3 в футболе, как китайская кухня — я не знаю никого, кто в наше время читает поэзию, разве что мой старый учитель голландского да литературные критики в «Хет Пароол». Я и Кармен явно утомились от детей, под строгим оком гордых родителей декламирующих стихи, скребущих по нервам

смычками, жонглирующих и раздражающих все сильнее. Малышка в оранжевом платье, с конским хвостом, вынуждает нас послушать, чему она научилась на уроках игры на скрипке. «Я бы скорее отправил Луну в тюрьму, чем на уроки скрипки», — шепчу я Кармен на ухо. Она фыркает от смеха. Мама ребенка в оранжевом платьице в ее стараниях явно не находит ничего смешного.

— Было здорово, правда? — спрашиваю я, неся Луну на плечах, когда мы идем по улице, спускаясь вниз по Корнелис Шуйстраат до автобусной остановки на Де Лайресстраат.

Кармен целует меня в щеку и подмигивает.

14

Не вернуть того дивного лета,
Того лета, что пришло еще в мае,
Нам казалось, не кончится это,
Только лето, обманув нас, растаяло…

Gerard Cox, песня «Het is weer voorbij die mooie zomer» из альбома «Het beste van Gerard Cox» (1973)

Через три месяца кончается и лето, и начальный курс химиотерапии. Кармен лысеет. В машине, по дороге в госпиталь на первый сеанс терапии, я вдруг отчетливо вспомнил все, о чем можно было благополучно забыть этим летом. Воскресные поездки на взморье в Блюмендаал? Нет, Кармен вряд ли придет в восторг от этой идеи, если придется расстаться с волосами. С таким же успехом можно выбросить из головы наш план съездить в Нью-Йорк на день Вознесения, если химия приживется в ее организме. Футбол в парке в четверг вечером? Забудь. Ты должен быть дома, чтобы покормить Луну и уложить ее спать, потому что Кармен будет лежать наверху, страдая от приступов рвоты. Конечно, я мог бы запросто позвонить Фрэнку или Мод и попросить их прийти посидеть с моей женой, пока я буду гонять мяч в свое удовольствие…

И это я еще не задумывался о том, какая жизнь начнется после лета, после курса химии. Я даже не начинал строить догадки на этот счет — мне страшно заглядывать в будущее. Это как на матче «Аякс» — «Ювентус» на стадионе «АренА» в последние дни пребывания Луи ван Гаала на посту тренера. Счет 0:2 в первой половине первой встречи, а впереди еще три тайма[11].

Пока мы едем по кольцевой дороге, начинает моросить. Отлично. По мне, так пусть все хоть замерзнет этим летом. Я выключаю радио. Эдвин Эверс, диджей, сегодня для меня слишком болтлив. Я нажимаю клавишу «CD». Майкл Стайп поет о том, что нельзя сдаваться, если день слишком долгий, нельзя

сдаваться, даже если жить надоело и если все идет наперекосяк. Мы оба молчим. Кармен тоже вслушивается в слова песни. Смахивает слезинку. Я крепко сжимаю ее ногу. *Нет, нет, нет, ты не одна. Держись. Держись.* Кармен накрывает мою руку ладонью. *Держись. Держись*[12].

Кармен тяжело вздыхает, когда смолкают финальные аккорды песни.

■

Мы проходим мимо кабинета Шелтемы, в конец коридора. Сначала анализ крови. Не помню, для чего он нужен — кажется, что-то связанное с белыми кровяными тельцами. Или красными. В вену Кармен суют иглу, потом дают ватку, чтобы прижать к месту прокола, и мы возвращаемся в коридор. Ждать. Что я усвоил, наведываясь в госпиталь, так это то, что ожидание — самый естественный в мире процесс. Время, указанное в талоне назначений, на самом деле означает лишь подготовительную стадию. В первую четверть часа я успеваю прочесть свежий номер «Волькскрант», который купил в местном киоске. Я успел заметить в коридоре на столике «Футбол Интернешнл» среди женских журналов, но мне уже известен счет матча Голландия — Аргентина, состоявшегося во время прошлогоднего Кубка мира. Наконец нас приглашают к доктору Шелтема. Сегодня мне она кажется даже приветливой.

— Ну что, к бою готовы? — говорит она, напоминая мне командира игрушечной дивизии у подножия горы в Арденнах из компьютерной игры «Акелла».

Кровь у Кармен в порядке. Терапию можно продолжать. Доктор Шелтема предлагает нам подняться в кабинет химиотерапии на третьем этаже.

■

Я никогда не был на сеансе химиотерапии, но что-то подсказывает мне, что это далеко не пикник. Я пообещал Кармен, что буду ходить с ней каждый раз. Она явно обрадовалась этому, заметив, как это мило с моей стороны, что я захотел ее сопровождать. «Захотел?» — ухмыльнулся я про себя. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы Кармен ходила туда одна. Не представляю, чтобы кто-то мог искренне *хотеть* присутствовать на сеансе химии.

И я не ошибся. Судя по всему, мужья и жены других пациентов сейчас дома, на работе, да где угодно, только не в этом кабинете.

Когда мы заходим туда, перед нами открывается новый мир. Это не обычная больничная палата, далеко нет, кто-то определенно приложил усилия к тому, чтобы создать здесь уют. У

окна столик, на нем два термоса, стопка одноразовых чашек и блюдо с ломтиками имбирного пряника. На половину ломтиков намазано масло, остальные лысые — как и положено при химиотерапии. Два других круглых столика накрыты скатертями. На одном из них стоит маленькое растение (не спрашивайте какое) с чахлой листвой. Низкие стульчики окружают оба стола. Все обустроено так, чтобы создать ощущение обычной комнаты в обычном доме. Стыдно, конечно, говорить об этом, но пациенты все-таки портят впечатление. У них на руках огромные пластыри, из-под которых торчат прозрачные пластиковые трубки, подсоединенные к похожим на вешалки стойкам на колесиках; со стоек свисают мешочки с красной жидкостью и прозрачной. Как я успеваю заметить, жидкость капает по трубкам и исчезает под пластырем, а после этого, боюсь, попадает в тело. Зрелище нездоровое и, разумеется, неприятное.

Трое из четырех пациентов прикреплены к таким вот вешалкам. Один мужчина — с виду жизнелюб, украшенный потускневшими татуировками, — сидит без капельницы, и это означает, что он, так же как и я, сопровождающий. Во всяком случае, я так предполагаю. Должно быть, он принадлежит толстой пожилой женщине, что сидит рядом с ним и чью руку он крепко сжимает. Его жена подключена к капельнице с мешочками. И у нее очень жидкие волосы, выкрашенные в темно-красный цвет. Сквозь них просвечивает кожа головы. На низком стуле рядом с ней сидит мужчина лет пятидесяти, такой же лысый, как Пьерлуиджи Коллина, итальянский арбитр. У него какие-то странные, выпученные глаза. От него тоже тянутся трубки к вешалке. Приглядываясь к нему с близкого расстояния, я замечаю, что не глаза делают его таким странным, а отсутствие бровей и ресниц.

Третья вешалка предназначена стильному молодому парню в кепке «Гэтсби». Я дал бы ему на вид лет двадцать. Он был здесь и на прошлой неделе, я помню, что видел его в коридоре у кабинета доктора Шелтема. Тогда он был со своей девушкой, миниатюрной, похожей на итальянку, с копной черных кудрявых волос до плеч. Роскошная малышка. Помню, я тогда обрадовался, что мы не единственные молодые с раком. А где же сегодня девушка? Наверняка бросила парня, потому что у него рак яичек или что-то в этом роде. А если не бросила, тогда она еще большая дура, иначе почему она не рядом со своим бойфрендом на сеансе химии? «Нет, я все-таки не такой мерзавец», — самодовольно думаю я.

— Доброе утро, меня зовут Дженин, — приветствует нас косоглазая медсестра.

— Здравствуйте, я — Кармен, — благожелательно произносит Кармен.

— Привет. Дэн, — спокойно говорю я, пожимая руку Дженин.

Косоглазая медсестра жестом показывает на застенчивую девушку лет двадцати, тоже в белом халате:

— А это Иоланда, наша практикантка.

Практикантка? *Практикантка*? Какая-то двадцатилетняя соплюшка будет присутствовать на нашем посвящении в химию, которое, как я уже чувствую, не обойдется без слез, и для нее это всего лишь *практика*? А вечером, в пабе, она будет делиться впечатлениями со своими однокурсницами: «Сегодня на химии была одна женщина, такая симпатичная, не больше тридцати пяти, Кармен, что ли, ее зовут, очень дружелюбная, с ней был ее друг, высокомерный бабник, тот не проронил ни слова. Так вот, эта женщина, она пришла в первый раз, и все плакала, и мне пришлось присматривать за ней… Слушайте, может, возьмем еще по пиву? Кстати, а как у вас с практикой, говорят, вас отправили на переэкзаменовку?»

Сука.

Косоглазая Дженин говорит Кармен, что препараты уже заказаны в аптеке госпиталя и процедура не займет много времени, потому что сегодня народу не так много. Иногда бывает по восемь пациентов одновременно, и тогда сеанс затягивается, потому что аптека не успевает приготовить растворы.

Я не совсем понимаю, в чем тут дело, но догадываюсь, что этим летом узнаю много нового. Скажем, на какое время раньше нужно приходить, если хочешь, чтобы тебя обслужили быстро. Ну, это как я точно знаю, в котором часу вечером прийти в «Парадизо», чтобы не томиться в очереди, но при этом не оказаться в пустом клубе.

Звонит телефон. Дженин снимает трубку.

— Готовы препараты для миссис Ван Дипен, — говорит она практикантке, кладя трубку. — Может, сходишь, принесешь?

Та кивает и выходит.

— Она хорошая девочка, — говорит Дженин, доверительно склоняясь к нам, — чего не скажешь о большинстве практикантов.

— Да, — улыбается Кармен, — я знаю.

— У вас тоже были практикантки?

Кармен и Дженин радостно щебечут о плюсах и минусах работы с практикантами. Кармен в очередной раз удивляет меня своим умением завязать дружеский, непринужденный и беспечный разговор. Я знаю, что она сейчас жутко нервничает, что химиотерапия представляется ей непреодолимой высотой, но ей все-таки удается с интересом выслушивать историю бывшей

практикантки Дженин.

Я не слушаю. И не то чтобы я намеренно веду себя грубовато, просто каждый раз, когда я прихожу в госпиталь, это происходит само собой. Я ничего не могу с этим поделать. Я ненавижу рак, я ненавижу то, что он делает с нашей жизнью. Я ненавижу свой новый статус мужа раковой больной. Я взбешен, и я чувствую себя беспомощным. Меня раздражают и доктор Уолтерс, и доктор Шелтема, и медсестры с практикантками, и другие пациенты, и тот, кто построил этот богом забытый, унылый госпиталь Синт Лукас, и парень в машине на светофоре сегодня утром, который забыл о том, что зеленый горит уже целую вечность, и Дженин, которая так дружелюбна, что даже при большом желании я не могу назвать ее коровой.

И я злюсь на себя за то, что так злюсь. Я злюсь оттого, что не могу взять себя в руки, не могу смириться с тем, что у Кармен рак, а я ей муж, как ни крути. Да, сегодня я пришел вместе с Кармен, и я, конечно, гордился собой вчера, когда услышал, как Кармен по телефону рассказывает своей матери и Анне о том, что я любезно предложил сопровождать ее на химиотерапию. И конечно, я верю, что мы вдвоем будем бороться с раком, мы не дадим болезни нас победить. КОНЕЧНО, я все это знаю! А что еще мне остается делать? Сказать Кармен, что я утешаю ее, шепчу нежные слова, целую в щеку и в макушку, поглаживаю по руке, когда мы идем по коридору, только потому, что *заставляю* себя это делать? Исключительно из чувства долга, которое говорит: «Ты должен быть внимателен к жене, у которой рак»? Да, к великодушию меня призывает моя честь, сознание того, что «следует поступить именно так». Но само собой ничего не бывает. Мне приходится величайшим усилием воли поднимать любовь с колен.

Практикантка возвращается с массивным пластиковым контейнером, крышка которого зафиксирована двумя железными скобами.

— Быстро ты управилась, — с радостной улыбкой говорит Дженин. — Сейчас позову врача, чтобы установил капельницу.

Врач — скромный молодой человек в белом халате.

— Капельницу этой даме, Франс, — говорит Дженин, показывая на Кармен.

Франс, доктор, здоровается с Кармен за руку и краснеет. Что, приятное разнообразие после всех этих старых калош? Франсу повезло: Кармен в широком свитере, иначе у него запотели бы очки. Когда я вижу, как другие мужчины реагируют на Кармен, я становлюсь самодовольным, как кобель с семью членами, и демонстрирую свой фирменный стиль, окидывая соперника

ледяным взглядом. Ну что, болван, нравится красотка? Мечтай-мечтай! В этот момент меня так и распирает от гордости тем, что я муж Кармен.

С высот своих фантазий я спускаюсь на грешную землю, потому что Кармен плачет, и все из-за того, что Франс, который нервничает все больше, говорит, что придется начинать все заново. Выясняется, что он не сумел попасть безумно толстой иглой — полсантиметра в диаметре, какой ужас! — в нужную вену. Я свирепо таращусь на Франса, но он этого не замечает, поскольку вместе с Дженин отчаянно пытается остановить кровь, текущую из руки Кармен.

Вторая попытка Франсу, кажется, удалась. Я заключаю об этом по обнадеживающему тону, которым он произносит: «Так-то лучше», и по тому, как нежно он похлопывает Кармен по руке.

— Да, получилось, — тут же подхватывает Дженин, с видимым облегчением. Она берет левую руку Кармен и поглаживает ее, в то время как я — еле сдерживая слезы — сижу рядом с Кармен с другой стороны и прижимаю ее голову к своей груди, чтобы она не видела всех тех безобразий, что с ней творят.

— Прошу прощения, что так долго. У вас не так просто обнаружить вены, — с виноватым видом произносит Франс. Он неловко пожимает левую руку Кармен, бормочет: «До свидания», не глядя на нас, и спешно покидает кабинет.

Дженин спрашивает, не хотим ли мы сесть рядом с другими пациентами, которых, кажется, нисколько не смутили слезы Кармен — раковые больные ко всему привычны, — или предпочитаем пройти в соседнюю комнату. Я смотрю на Кармен, которая свободной рукой стирает со щеки остатки слез.

— Нет, пойдемте туда, где сидят остальные. В компании веселее. — Она улыбается.

Я не уверен, что в такой компании будет веселее. Мне немного стыдно перед этими людьми. Все они — и парень в кепке «великого Гэтсби», и мужчина без бровей, и женщина в белом свитере со своим жизнерадостным мужем — видели, как я усердно целовал Кармен в макушку. И наверняка заметили, что мне с трудом удается сдерживаться. Преданно утешать кого-то — все равно что снимать штаны. Ты обнажаешь свою самую интимную сторону. Но возможно, Кармен права. Пожалуй, стоит присоединиться к остальным. Нам все равно придется к этому привыкнуть. Если не выходит так, как хочется, тогда пусть идет, как идет[13].

Я направляюсь к столику с чаем. Кармен подходит и встает рядом со мной, ждет, пока я наполню чашки. У меня такое ощущение, что ей не хочется оставаться одной среди товарищей

по несчастью.

— Нелегко все это, верно? — говорит толстуха в белом свитере с жидкими волосами. В ее руку по трубке течет красный раствор.

— Да уж, — соглашается Кармен.

— Я так полагаю, у вас это первая процедура?

— Да.

— Не волнуйтесь, привыкнете.

— Надеюсь…

— Конечно, ничего веселого в этом нет.

— Это как визит в налоговую, — бодро подхватывает ее муж. В его голосе звучит сильный амстердамский акцент.

— Хочется верить, что за нами будут ухаживать лучше, чем за растениями, — продолжает толстуха, кивая на чахлое деревце. Смех. Кармен присоединяется, я тоже. Глядя на нее, я думаю, что постараюсь выжать из этого дня максимум положительных эмоций. Начинает пищать одна из хитроумных коробочек — кажется, та, что прикреплена к парню в кепке «Гэтсби».

— Кто-то поставил что-то в микроволновку? — спрашиваю я, соревнуясь в чувстве юмора с мужем толстухи.

— Да, это я! Картофельные крокеты и сырное суфле! — шумно радуется он, подыгрывая мне.

Снова звучит смех, и Кармен тоже смеется. Практикантка подбегает к парню в кепке и переставляет трубки в аппарате. Я вижу, что из трех мешочков на его вешалке два уже пустые.

Я и Кармен садимся за свободный стол. Все места за другим столом заняты. Жаль. Только-только обстановка стала налаживаться.

Кармен получает свою вешалку — к счастью, от Дженин. Пусть она и косоглазая, но я бы все-таки предпочел, чтобы нами занималась она, а не практикантка. Бог его знает, какие ошибки может наделать этот ребенок. Дженин подвешивает два мешочка с прозрачной жидкостью («Один раствор против тошноты, мы будем вводить его сразу») и мешочек с содержимым красного цвета («Это адриамицин»). Красная бурда выглядит в точности так, как я себе и представлял. Пугающая. Ядовитая. Ничем не пахнет. Так вот она какая, химия. И эта гадость будет вливаться в тело Кармен, поражать раковые клетки, а потом сделает Кармен лысой.

Тонкая трубка, что выходит из-под пластыря на руке Кармен, вставляется в прозрачную трубку большего диаметра, которая тянется к прибору с крохотными красными цифрами и стрелками, прикрепленному к вешалке. Другая прозрачная трубка, соединенная с одним из мешочков с прозрачной жидкостью,

крепится к крышке прибора. Дженин говорит, что солевой раствор подается через двадцать минут, и нажимает пару кнопок на приборной панели, где послушно высвечивается цифра «20».

— Когда будет готово, раздастся сигнал, и вы должны будете позвать меня проверить, идет ли раствор.

Я уже в курсе того, как все это происходит, спасибо парню в кепке.

— Круто… у меня теперь собственный химиомобиль. — Кармен подмигивает.

Мы начинаем заметно глупеть.

— Господи, она и впрямь косоглазая, ты не находишь? — шепчу я Кармен на ухо.

Кармен кивает и щиплет себя за щеку, чтобы не расхохотаться.

— Может, нам стоит называть ее Кларенс?[14] — с невинным видом спрашиваю я.

Кармен чуть не захлебывается чаем. Я делаю вид, будто, вздрагивая от удивления, едва не опрокидываю капельницу. После чего, в притворном раздражении, разворачиваюсь и с выражением лица мистера Бина якобы замахиваюсь, чтобы швырнуть ненавистный агрегат в дальний угол. Конечно, пока Дженин не видит.

— Пожалуйста, Дэнни! — Кармен взвизгивает от смеха.

Дженин оборачивается и улыбается, радуясь тому, что Кармен смеется.

— Похоже, вам стало лучше, — говорит она и подмигивает мне. Я краснею, понимая, что она догадалась о разыгранной за ее спиной пантомиме. Еще я понимаю, что косоглазая Дженин сделает все от нее зависящее, чтобы облегчить жизнь своих пациентов, пусть хотя бы на одно утро, на один час, на минуту. И если юмор помогает в этом, значит, надо шутить. Рядом с этой косоглазой Дженин я как будто съеживаюсь и чувствую себя ничтожеством.

Я снова сажусь рядом с Кармен. Она целует меня и шепчет на ухо, что любит меня. Я с нежностью смотрю на нее и испытываю гордость за нас обоих. Театр Смеха помог нам отразить первую химическую атаку.

15

Молчи, не говори,
От слов твоих так больно…

No Doubt, песня «Don't Speak» из альбома «Tragic Kingdom» (1995)

Я захожу в офис «MIU», и Мод спрашивает, как все прошло.
— Не так уж плохо. Мы даже смогли посмеяться над этим.
— Это хорошо. И как себя чувствует Кармен?
— Нормально. Ей дали мини-гору противорвотных таблеток.
— Где она сейчас?
— Дома. С ней ее мать.

► Мод — моя бывшая подружка. Мы встречались в сезоне 1988/89. Мод была моделью, пока ей не стало ясно — гораздо позже, чем ее агенту, — что толку из нее не будет. Она забросила модельный бизнес и диеты. У нее пропала талия, размер бюста увеличился вдвое, и с этими параметрами Мод устроилась на работу в отель и службу кейтеринга. Когда мы искали секретаря, я уговорил Фрэнка дать ей шанс. Мод — девушка непосредственная и далеко не глупая, но именно размер ее бюста, который произвел впечатление даже на Фрэнка, оказался решающим фактором в пользу принятия ее на должность. Так Мод получила работу.

На заре становления союза «Кармен и Дэн» я иногда все-таки встречался тайком с Мод, но пришло время, когда она сама захотела прекратить наши отношения. Объяснив это тем, что Кармен слишком хороша, чтобы ее обманывать. Сейчас мы лишь обмениваемся невинными поцелуями в память о былом, хотя во время прошлогодней рождественской вечеринки чересчур увлеклись и забылись на дизайнерских подушках в комнате отдыха нашего офиса (педик-англичанин вовсе не для того их замышлял), но на этом все прекратилось. В последнее время Мод даже начала отчитывать меня за супружеские измены, чего я никогда за ней не замечал в пору нашей близости. Однажды (к примеру) она даже

испортила белую юбку Шэрон, пролив на нее бокал розового вина, когда Шэрон чересчур интимно приветствовала меня в «Де Пилсвогель». Разумеется, я согласен с аргументами Мод, когда она призывает меня хранить верность жене. Ведь в противном случае, говорит она, я ставлю под угрозу самые красивые отношения, какие только были в моей жизни. Но все-таки я предпочитаю жить по принципу Дэна, проверенному и доказанному на практике: сначала выпивка, потом ни к чему не обязывающий секс, и разбегаемся. Избавиться от монофобии мне не под силу.

Мод была в шоке, когда узнала, что у Кармен рак груди.

Между тем я уже включил свой компьютер. Мне больше не хочется говорить о раке.

— Не звонили из «Холланд казино»? Как они, согласны с нашей сметой?

Фрэнк отрицательно качает головой.

Отлично. Это дает мне шанс устроить кому-то хорошую взбучку.

— Черт возьми, так позвоните им сами! Что, так и будем ждать у моря погоды? Звони этому придурку! Господи, неужели мне все нужно делать самому в этой сраной дыре?

Фрэнк пропускает мою тираду мимо ушей.

А я тем временем открываю в своей электронной почте письмо от Кармен, которое она отправила десять минут назад. Читаю:

От кого: Carmenvandiepen@xs4all.nl
Кому: Dan@ceativeandstrategicmarketingagencymiu.nl
Дата: Вторник, 4 мая 1999,14:29
Тема: Сокровище…

Привет, сокровище!

Меня немного тошнит, но все терпимо. Я просто хотела сказать тебе: я так счастлива, что ты ходишь со мной, и мне не будет одиноко на следующих сеансах.

Кармен.

P. S. Люблю тебя, мое сокровище.

Я встаю из-за стола и, не глядя на Фрэнка, торопливо иду в

туалет. Там я даю волю слезам, которые мне удавалось сдерживать весь день.

Спустя несколько минут я вытираю слезы, высмаркиваюсь, ополаскиваю лицо холодной водой, проверяю в зеркале, прилично ли выгляжу — нет! — хлопаю дверью кабинки, как будто у меня был длительный запор, снова вздыхаю и возвращаюсь на рабочее место.

Восемь моих коллег ведут себя так, словно ничего не заметили.

16

Когда я постарею
И шевелюрой поредею,
Будешь ли ты слать мне «валентинки»,
Подарки к дню рождения, бутылки?
Буду ль тебе нужен?
Накроешь ли мне ужин?
Когда мне будет шестьдесят четыре…

The Beatles, песня «When I'm Sixty-Four» из альбома «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» (1967)

Мать Кармен снимает трубку телефона:

— Алло?

— Привет, это Дэнни. Как Кармен?

— За это утро ее вывернуло наизнанку. Сейчас она спит.

— Отлично. Я заеду за Луной в ясли, по пути домой заскочу в супермаркет. Что купить?

— О, да что угодно, можно что-нибудь из полуфабрикатов.

— Как ты думаешь, Кармен захочется чего-нибудь?

Мать Кармен со смехом отвечает:

— Разве что новый тазик?

► **Мать Кармен** — настоящее сокровище. Она выросла в Йордане, рабочем квартале Амстердама. Она — очаровательное гламурное создание, в прямом смысле этого слова. Я не знаком с отцом Кармен. Он ушел из семьи десять лет назад, после двадцати одного года брака. Оставил лишь записку на кухонном столе, вот так. Мать Кармен не могла поверить своему счастью. Уже через месяц у нее был новый бойфренд. Кармен показалось, что она его узнала: однажды он что-то чинил у них в доме. (Кстати, замечательный анекдот по этому поводу. Когда мать Кармен (тогда ей было 54) представила своего нового бойфренда (60) дочери (27), та спросила его: «А чем занимается ваш отец?») Но Боб-

строитель уже в прошлом. Спустя несколько месяцев после того, как он закончил ремонт в доме, куда только что переселилась мать Кармен, и привел его в божеский вид, она начала сомневаться в том, что любит его по-настоящему. Боб, на выход. Теперь мать Кармен снова живет одна, в превосходно отреставрированном доме в Пурмеренде. Время от времени ей удается подцепить очередного колоритного персонажа, но отношения не заходят дальше единственного рождественского ужина или празднования дня рождения. «В ближайшие лет десять мой дом не нуждается в ремонте», — говорит мать Кармен.

В супермаркете на Груут Гелдердандплейн я обращаю внимание на одну пару, обоим супругам лет за восемьдесят. Шаркающей походкой, держась за руки, они бредут мимо винных полок. Старик тычет своей тростью в бутылку красного вина по специальному предложению. Его жена берет бутылку и кладет в корзину, которую держит в руке. Он что-то говорит ей, но я не могу разобрать. Женщина звонко смеется и щиплет мужа за руку. Я крепче сжимаю руку Луны и быстро отворачиваюсь.

Пожилая пара все еще влюбленных друг в друга супругов вызывает у меня чувство зависти. Мне и Кармен не суждено состариться вместе.

17

Все, что когда-то казалось
нам важным,
Увы, унеслось, как дым…

Bruce Springsteen, песня «The River»
из альбома «The River» (1980)

Противорвотные таблетки не помогают. Целых два дня Кармен страдает от тошноты.

С четверга ей становится лучше. Нам удается провести первый вечер без слез.

В пятницу Кармен возвращается на работу, в «Эдвертайзинг брокерс». Повседневная жизнь продолжается. До следующего сеанса химиотерапии, который предстоит через две недели, мы пытаемся вести себя так, будто ничего не происходит, хотя оба и сознаем, что всего лишь притворяемся.

Райской жизни приходит конец.

18

И в твоей голове чувства
Бродят, да не те…

Oasis, песня «Sunday Morning Call» из альбома «Standing on the Shoulders of Giants» (2000)

— Здравствуйте, я — Герда. Так вы пришли вместе? Замечательно, — говорит психотерапевт, встречая нас долгим рукопожатием. Я уже вижу, что за типаж передо мной. Герда из тех, кто всегда усаживается на стол, даже если в комнате полно свободных стульев.

— Да, мы подумали, что так будет лучше, — отвечает Кармен.

Лично я так не думаю. У меня стойкое ощущение, что это будет куда хуже, чем химиотерапия. Даже в страшном сне я не мог бы представить себя на сеансе у психотерапевта.

Кабинет Герды больше напоминает темницу размером два на три. Из обстановки — пара низких стульчиков («сидя на низких стульях, легче общаться»), пуфик, традиционная настольная лампа, длинный стол с допотопным кассетным магнитофоном. Фирма «Йоко», очень похож на мой первый кассетник. Первая песня, которую я записал на нем, помню, была «Мне нравится треск битого стекла» Ника Лоу. О да, и еще «Псих-убийца» группы «Токинг Хэдз».

Герда извиняется за тесноту.

— К счастью, скоро мне дадут другой кабинет, более просторный, с окнами, так что можно будет видеть дневной свет, а пока приходится довольствоваться тем, что есть. Сожалею, но кофе у меня нет. Хотя я и не переживаю по этому поводу. Лучше выпьем чаю. Вам с сахаром?

Она наливает нам чаю и садится на низкий стул. Кармен усаживается на другой стул, а я устраиваюсь на пуфе.

— Итак, — начинает Герда беседу — как я полагаю, с терапевтическим уклоном.

— Да, — говорит Кармен.

— Что ж, вот такие у нас дела!

— Да. Можно и так сказать.

Должен признать, Кармен легко настраивается на нужную

волну. Чего нельзя сказать обо мне. Я изо всех сил пытаюсь не демонстрировать отсутствие интереса к происходящему, но подозреваю, что это написано у меня на лице, и расшифровать меня Герде не составит труда. Впрочем, на то она и профессионал, и ее нисколько не смущает мое плохо скрываемое раздражение. Она по-прежнему возмутительно любезна.

— Вам тяжело сидеть с психотерапевтом и обсуждать болезнь, которая может убить вас? Как вы переживаете это, находясь в самом расцвете сил?

Постой-ка! Куда ты так гонишь? Герда четко знает, на какие кнопки нажать. Я в испуге смотрю на Кармен. Ну вот, опять слезы. Я крепко сжимаю ее руку и начинаю поглаживать. В последние недели, с тех пор как у Кармен обнаружили рак, я глажу ей руки чаще, чем за все семь лет нашей совместной жизни. Герда ничего не говорит. Я смотрю на руку Кармен. Мне неуютно, как будто меня просвечивают рентгеном, чтобы узнать, насколько искренне я переживаю болезнь жены и перспективу летального исхода. Склонившись к Кармен, я спиной чувствую взгляд психотерапевта и сознаю, что она уже вынесла свой вердикт: он не любит ее, потому что не пролил ни слезинки.

— Рассказывайте, Кармен, не держите в себе, — подает голос Герда.

Кармен говорит, что в последние недели мы упали с небес прямо в ад. Что все было так хорошо, и мы были так счастливы втроем, и вдруг, неожиданно, удар, шок, потрясение, и все рухнуло.

— Не проходит и минуты, чтобы я об этом не думала, — признается она Герде.

Это для меня новость, но, разумеется, я не собираюсь делиться этим с Гердой. Что касается меня, я могу часами об этом не думать. Да что там говорить, стоит мне утром переступить порог «MIU», как я разом отключаюсь от раковой тематики. Я думал, что и у Кармен так же. Взять хотя бы вчерашний вечер. Мы все дома, наслаждаемся семейным уютом, как в старые добрые времена, когда никакого рака не было и в помине: Луна в своей кроватке, «Может, чайку?», Кармен на диване, листает журнал «Эль», я перед телевизором, и все так спокойно. Конечно, я старательно избегаю волнующих разговоров, задаю лишь туповато-невинные вопросы. «Тебе вафли или кусочек торта, дорогая?» «Хочешь стакан минералки или немного вина?» «Посмотрим „Клан Сопрано“ или фильм на, „Канале-плюс“?»

— В последние дни вы не замечали, что, предположим, вы занимаетесь чем-то и это вас успокаивает? — спрашивает Герда.

Кармен задумывается.

— Ну, может, когда ты играешь с Луной или укладываешь ее спать? — подсказываю я в попытке реабилитировать себя в глазах Герды, представ не «мужем, который не пролил ни слезинки», а конструктивно сочувствующим, любящим партнером.

— Нет. — Кармен решительно качает головой. — Это всегда напоминает мне о том, что я могу не увидеть, как подрастает моя дочь.

Коробка с носовыми платками на столе Герды заметно пустеет. Черт, как я мог сморозить такую чушь? Я готов сгореть от стыда. Уж лучше помалкивай, Дэнни.

— Хотя, постойте, я кое-что вспомнила… — говорит Кармен. — В прошлый уик-энд, когда я работала в саду, мне стало легче, — прибавляет она. Теперь, похоже, черед Герды вызывать у Кармен слезы. Только психотерапевт делает это намеренно, в то время как я просто ляпнул.

— Но тогда вы должны были подумать, что не увидите, как ваш сад зацветет на следующий год…

О, господи. Шлюзы открыты, и уже ничто не остановит этого потока слез. Герда озвучивает то, о чем мы даже не задумываемся: Кармен может не дожить до следующего года. Своим согласием на химиотерапию мы как будто отгородились от столь зловещего сценария.

Теперь и я в роли подопытного кролика. Герда приступает к перекрестному допросу.

— А вы, Дэн, скажите, только откровенно, разве вы не задумываетесь о том, что вы такого сделали, чем заслужили все это? Не задаете себе таких вопросов?

Удар под дых.

То, что оказалось не под силу Кармен, Фрэнку, Мод, Томасу и Анне, удалось Герде, причем при первом же обращении в мой адрес. Герда бьет по моему самому больному месту. Я никому об этом не говорил. Я скрываю это под плотной маской, но это правда. Я чувствую, что рак наносит мне такой же страшный удар, как и моей жене. У меня такое ощущение, будто я пойман с поличным.

Я опускаю голову, киваю и чувствую, что глаза на мокром месте. Черт. Почему сейчас, при первой же атаке Герды на *мою* душу? Черт возьми, почему я не выдавил из себя слезы раньше, когда это пошло бы на пользу имиджу безутешного мужа? Когда я мог показать Герде, как сильно я люблю Кармен? Почему я раскололся сейчас, когда Герда начинает копаться в *моих* чувствах, почему вдруг именно сейчас у меня случилось недержание слезной жидкости? Бьюсь об заклад, Герда считает меня самовлюбленным идиотом, который делает вид, будто

переживает за жену, а на самом деле нарушает неписаное правило супругов раковых больных: не предавайся жалости к самому себе. С поникшей головой, комкая в руке носовой платок, который мне протянула Кармен, я горько плачу.

— Вы чувствуете свою вину в том, что жалеете и себя тоже? — спрашивает Герда.

— Да… отчасти… — всхлипываю я, испытывая жуткий стыд. Который день уже в моей голове звучит противный голосок, который издевается надо мной, хихикает, когда я читаю эти чертовы книжки Симонтона, сопровождаю Кармен на консультации к врачам и сеансы химиотерапии, твердит, что все это не в счет. На последнем сеансе не было той лысеющей женщины — отдыхает? вылечилась? сдалась? умерла? — не было и ее мужа. А тот парень снова был в кепке «Гэтсби», но опять без своей девушки. Такое ощущение, будто все то хорошее, что я делаю, перечеркивается моей гнусной нескончаемой потребностью в самоудовлетворении. Это как у педофила, который годами сдерживается, но все равно постоянно чувствует себя виноватым, потому что не может избавиться от своих грязных мыслей о детях.

— Не надо так расстраиваться, Дэнни. На самом деле тебе, возможно, еще хуже, чем мне, — вдруг говорит Кармен.

До меня не сразу доходит смысл ее слов. Я смотрю на нее удивленно.

— Да, — продолжает Кармен, — ты здоров, ты, конечно, не ожидал всего этого, и вот тебе приходится сидеть здесь со своей женой, которая постоянно плачет, ноет и… — Она всхлипывает, замолкает и через мгновение добавляет: — Скоро останется без волос на голове.

Я вижу, что она искренне так думает. Она действительно считает, что все это ужасно для меня. *Для меня.*

Все происходящее кажется мне полным бредом. После нескольких недель рака наш психоэмоционально-поведенческий статус выглядит так.

1. Кармен, больная раком, испытывает комплекс вины, потому что заставляет страдать своего мужа.

2. Дэнни, муж Кармен, больной раком, испытывает комплекс вины вследствие чрезмерной, как ему кажется, жалости к самому себе.

И мы оба еще долго плачем, по-домашнему, обнимая друг друга.

— Хорошо, — подводит итог Герда.

Она говорит, что в следующий раз мы приступим к медитации по методике Симонтона.

— Я думаю, что это пойдет вам на пользу. С помощью медитации вы научитесь силой мысли бороться с раком.

Кармен кивает, как будто считает это привычным и совершенно естественным занятием.

— Мы подкрепим это упражнениями по визуализации, — продолжает Герда.

Я принимаю мудрое решение помалкивать.

— Эта техника тоже способствует душевному равновесию.

— Да, меня все устраивает, — снова кивает Кармен.

Я тоже киваю. Хотя не помню, чтобы Кармен излучала спокойствие, когда кидалась книгой Симонтона.

— Если вы будете выполнять эти упражнения, я смогу записать на пленку порядок их выполнения, и вы возьмете ее с собой, чтобы заниматься дома, — говорит Герда, показывая на кассетник.

— Мм… было бы неплохо, — говорит Кармен.

— И вот еще о чем я попрошу вас обоих. (*«Вас обоих», надо же.*) Сделайте по одному рисунку с изображением опухоли в груди. (*Вот когда пригодилась моя многолетняя практика участия в бестолковых мероприятиях, когда приходилось выслушивать бесконечную маркетинговую трепотню.*) Вы тоже можете поучаствовать, Дэн, просто представьте себе, как выглядит опухоль в груди Кармен (*Да уж, это очень просто!*), потом покажите, как химия проникает в злокачественные ткани (*«Монти Пайтон»! Да это просто летающий цирк «Монти Пайтон»!*), и отразите те мысли, что приходят вам в голову. (*Ну, да, а что если в моих мыслях возникает только ассоциация с членом, выпускающим струю мочи?*)

— Вас это устраивает, Кармен?

— Да… думаю, что да.

— А вас, Дэн?

— Да, идея кажется очень даже неплохой.

— Что ж, отлично, тогда до встречи через неделю!

— Да, до встречи.

Она крепко жмет нам руки.

— До свидания, Кармен! До свидания, Дэн.

— Покаааа, — говорим мы.

В лифте я искоса поглядываю на Кармен. Ее распирает от смеха.

Слава богу. С мозгами у нее по-прежнему все в порядке.

19

И меня всегда умиляет,
Что на исходе трудного дня
Люди все еще на что-то надеются…

Bruce Springsteen, песня «Reason to Believe» из альбома «Nebraska» (1982)

Я должен признать, что беседа с Гердой пошла нам на пользу.

Нам показалась блестящей идея откровенно рассказывать друг другу о своих ощущениях и переживаниях. Поэтому теперь я могу сказать Кармен, что этим летом мне совсем не хочется ехать в Блумендаал, а больше всего хочется, чтобы у доктора Уолтерса развилась скоротечная чахотка, и как здорово, что, каждый раз, переступая порог офиса «MIU», я попадаю в зону, свободную от рака. Кармен, в свою очередь, честно говорит о том, что больше не в силах терпеть эти муки, что уже за два-три дня до сеанса химии ее начинает колотить нервная дрожь при мысли об игле.

Запретной темой по-прежнему остается все, что может стать реальностью после химиотерапии: метастазы, ампутация груди и смерть — это самые страшные последствия. Совершенно неожиданно я нахожу поддержку у доктора О. Карла Симонтона: в своей книге он пишет, что негативные мысли подавляют развитие болезни. Симон, как окрестила его Кармен, уже не вызывает во мне неприятия; более того, после прочтения глав «Интеллектуальное воздействие на рак», «Управляйте своим здоровьем», «Научные доказательства правильности нашего подхода» я прихожу к выводу, что Симон — это Луи ван Гаал в медицине.

Я вывожу для себя простую формулу жизни: если статистика — наш враг, а Симон со своей американской беспечностью игнорирует все цифры и рейтинги выживаемости, значит, он друг. Так что за последнюю неделю мы уже рассказали всем, кому это было интересно, о том, что метод Симона, призывающий бороться с раком с помощью позитивного мышления, упражнений по медитации и приемов визуализации, научно обоснован (хотя, если честно, я все-таки умолчал о том задании с рисунком, что мы получили от Герды). И если кого и можно назвать чемпионом в позитивном мышлении, так это Кармен.

Все подтвердили, что мы абсолютно правы в своем настрое.

Если Симон говорит, что можно победить рак, значит, у Кармен получится.

Мы убеждаем всех в том, что дух может быть сильнее тела. Да что я говорю — он *действительно* сильнее! Мы обязательно справимся. И пусть все, кому мы небезразличны, поддерживают нас в этой борьбе, помогают нам держаться за эту единственную спасительную соломинку! Хвала Симону!

20

Волосы светлые, голубые глаза,
Чем не принцесса из сказки…

Bloem, песня «Even aan mijn moeder vragen» из альбома «Vooral jong blijven» (1980)

У Кармен начинают выпадать волосы. По утрам, когда она просыпается, ее подушка усыпана волосами. Со вчерашнего дня Кармен может совершенно безболезненно снимать с головы целые пучки.

— Прошу внимания, — с серьезным видом произносит она, встречая меня вечером дома, — я практиковалась целый день…

Она встает передо мной, придает своему лицу испуганное выражение, широко раскрывает глаза, закусывает губу, подавляя притворный крик, и обеими руками выдергивает из головы пучок волос. Новая шутка из ее репертуара а-ля мистер Бин.

— Неплохо, правда? — говорит она, заливаясь истерическим смехом.

■

Поздно вечером, в ванной, она смотрит на себя в зеркало, пригнув голову:

— Волос заметно поубавилось, ты не находишь?

— Хм… Все равно еще много осталось.

— Это ненадолго. Посмотри, — говорит она, приподнимая прядь волос на макушке. Я вижу под ней островок голой кожи.

— Ну, это смотрится вполне естественно, когда разделяешь волосы на пробор…

Она почти не слушает меня.

— Мне кажется, я этого не вынесу. Мне становится так страшно, когда представлю, что однажды я появлюсь на работе или зайду в кафе, и все сразу увидят это.

Она злится и одновременно едва сдерживает слезы. Мистер Бин благополучно забыт.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я.

Момент, которого я с ужасом ждал все это время, приближается с пугающей быстротой.

— Может, мне совсем их остричь? — нерешительно предлагает Кармен.

— Ты хочешь, чтобы я это сделал? — спрашиваю я, глядя на ее отражение в зеркале.

Господи, неужели это говорю я?

— А ты можешь… ты действительно этого хочешь? — нервно произносит она, борясь со смущением.

Не знаю, как это мне удается, но я киваю и улыбаюсь:

— Конечно, я это сделаю для тебя.

Она снова смотрит на себя в зеркале, задумывается на мгновение и произносит:

— Тогда делай.

— Отлично, — говорю я и достаю из шкафчика электрическую машинку для стрижки волос.

— Как ты собираешься это делать? — неуверенно произносит она.

— Сначала машинкой, а потом ножницами?

— Да, думаю, так будет лучше. Получится гладкая голова. Я не хочу чесаться под париком.

Я беру белый носовой платок и накрываю Кармен плечи. Она не отрывает взгляда от зеркала. Я разглядываю ее макушку, профессионально, как настоящий парикмахер, кручу головой. Черт возьми, кто-нибудь может сказать мне, откуда начинать? Наверное, лучше с затылка, чтобы она не видела, как обнажается кожа головы под машинкой? Да, пожалуй.

— Ну что, приступим, дорогая…

Я делаю глубокий вдох, включаю машинку и, поднимаясь от затылка, выстригаю дорожку шириной сантиметра в четыре. При этом я успеваю поцеловать Кармен в щеку. В зеркале она видит, как на белый платок ложится длинная прядь волос, зажимает рот рукой и начинает плакать. Я сглатываю подкативший к горлу ком, но упорно продолжаю стрижку, покрывая ее голову поцелуями. Мы оба молчим.

Уже через десять минут Кармен лысая.

21

Можно забиться под одеяло
И тихо страдать от боли своей,
В молитвах напрасных жизнь прожигая…

Bruce Springsteen, песня «Thunder Road» из альбома «Born to Run» (1975)

— *Аааа!* Эта чертова штука сведет меня с ума! Чешется ужасно!

Я отрываюсь от своего музыкального журнала.

За домом на террасе жарко. От ветра ее защищают соседская пристройка с одной стороны и высокая живая изгородь с другой. Только за садом, у ручья, который служит водной границей между городом и лесопарком Амстердаме Бос, иногда можно уловить дыхание ветерка, но мы почти никогда туда не спускаемся. Хотя, оказавшись там, ощущаешь себя в настоящем лесу. Более неестественной картины и представить себе нельзя. Иногда я и Луна ходим туда кормить уток, но вообще-то для меня сад заканчивается за деревянными перилами нашей террасы. Мы сидим под большим прямоугольным тентом. Даже мне жарко, и это притом что я не в парике.

«Колючка» — так называет его Кармен со вчерашнего дня. Она носит парик вот уже неделю, но лишь вчера температура поднялась выше двадцати градусов. До этого было замечательное лето с точки зрения париковой технологии: не выше семнадцати градусов, много дождей и ни единого дня на пляже.

— Ты не можешь его снять?

— А как же Мод? Она вот-вот приедет с малышкой.

Луна ночевала у Мод, а сегодня дочке захотелось в зоопарк. Я был на седьмом небе от счастья, когда Мод предложила свои услуги. Во вторник состоялся очередной сеанс химиотерапии, и если к выходным Кармен чувствует себя заметно лучше, то я совершенно разбит. Три дня я честно ухаживал за Кармен и Луной, в промежутках забегал на час-другой в «MIU», так что все это измотало меня до предела. Благодаря Мод мне удалось выспаться сегодня утром, и теперь во мне столько энергии, что я был бы не прочь завалиться на дискотеку в «Бичпоп». Но пока я не

раскрываю Кармен свой подлый план.

— Ну и что с того? Разве ты не у себя дома? Всем пора привыкнуть к тому, что ты лысая, — говорю я. И добавляю самым что ни на есть беспечным тоном: — Кстати, Мод не задержится надолго, она хотела сходить в «Бичпоп» сегодня вечером. Ты знаешь, это в Блумендаале. Они снова открываются сегодня.

— Я даже думать об этом не хочу. — Кармен явно не в духе. — И не хочу, чтобы ты туда ходил. Не оставаться же мне одной с Луной на руках.

— Да нет, я и не собирался, дорогая. — Приходится врать. Черт!

— Вот и хорошо, теперь ты знаешь, — говорит она, не отрываясь от своего журнала мод.

— Да… Разве я не сказал, что у меня не было таких планов?

Молчание.

— О, эта ЧЕРТОВА ШТУКА! — кричит она и впивается пальцами в парик.

— Боже правый, Карм, сними ты этот идиотский парик!

— Нет! Не хочу выглядеть смешной и нелепой. Заруби себе это на носу.

«Ну тогда терпи», — думаю я.

Спустя несколько минут раздается звонок в дверь. Я встаю и иду открывать.

— Она такая прелесть, — говорит Мод и гладит Луну по волосам. Малышка спит в своей коляске.

Мод задерживается у нас еще на час. Потом ей нужно домой, чтобы переодеться в свои хипповые шмотки. Ей уже не терпится поскорее попасть в «Бичпоп». Кармен щебечет с ней и радостно смеется. Я улыбаюсь.

— Фрэнк и еще кое-кто из наших тоже придут, — сообщает Мод.

— А мы прекрасно проведем время дома, — говорит Кармен.

22

Мне нечего делать, я просто болтаюсь,
Смотрю в окно бесцельно и тупо,
Чешу себе задницу, выпивкой балуюсь,
Флейту терзаю в приступе скуки…

De Dijk, песня «Bloedend hart» из альбома «De Dijk» (1982)

— И что теперь? — спрашиваю я.

На постели ножницы, картонная коробка, как из-под пиццы, с толстыми гелевыми бинтами, какие-то обрезки. И рядом молодая, обнаженная, лысая женщина, у которой одна грудь красивая и здоровая, а другая обезображена пластырями, язвами и пестрым орнаментом из заплат сожженной кожи — желтых, розовых, фиолетовых, красных, бордовых. Этот вулканический пейзаж дополняют все еще заметные черные линии, прорисованные на больной груди пять недель назад, перед сеансом лучевой терапии.

Кармен приподнимает голову и смотрит на пораженную грудь. Бинт изнутри покрыт гелем, чтобы не содрать верхний слой облученной кожи при перевязке. Одной рукой она придерживает наложенную повязку, а другой показывает мне, что делать дальше.

— Медсестра надрезала повязку, кажется, вот здесь. Иначе она не ложится по форме груди и топорщится.

— Понял. И как глубоко мне резать?

— Оо… думаю, сантиметров на пять.

Доктор Шелтема была вполне удовлетворена результатами четырех сеансов химиотерапии. Онкомаркеры в крови Кармен выглядели обнадеживающе, и опухоль в груди слегка съежилась. Доктор даже решилась заикнуться об операции.

— Но сначала давайте все-таки убедимся, что опухоль стала еще меньше, иначе мы рискуем потревожить ее во время хирургического вмешательства, и она расползется в кожные ткани. Станет еще хуже, чем было вначале, — сказала она.

Из госпиталя Энтони ван Лейвенхок пригласили

рентгенолога, и он согласился с Шелтемой. Радиотерапия. Семь недель ежедневных сеансов в Энтони ван Лейвенхок. А там посмотрим.

Первые четыре недели радиотерапии были легкой прогулкой в сравнении с тем, что испытывала Кармен после каждого сеанса химии. Но после двадцатого облучения, как и предсказывал рентгенолог, начала отслаиваться кожа.

— Может, надрезать еще немного, как ты думаешь?

— Мм… нет, достаточно, — нервно произносит Кармен. — Стоп! Хватит! — Она боится, что я случайно задену болезненный участок кожи. Я откладываю ножницы и, высунув от усердия язык, осторожно приподнимаю края повязки, расправляю ее на груди, стараясь не надавливать. Все тип-топ. Грудь герметично запаяна.

Кармен осматривает результат моего труда.

— Да, — кивает она. — Хорошо. Спасибо.

Я стираю пот со лба, складываю в коробку кусочки защитной фольги и неиспользованные бинты, собираю обрезки и иду выбрасывать весь этот хлам в мусорную корзину. Когда я возвращаюсь, Кармен уже спит. Радиотерапия берет свое.

Будильник показывает половину восьмого. За окном еще светло. Вчера вечером она легла спать в восемь, следом за Луной. Из чувства солидарности я тоже улегся в постель. Но смог уснуть лишь ближе к полуночи.

Я на цыпочках подхожу к ней и целую в лоб. «Спокойной ночи, любимая», — шепчу я. Она не просыпается.

Спустившись вниз, я достаю из холодильника бутылку пива. Хотя на самом деле не прочь выпить бокал розового вина. Я убираю пиво и открываю бутылку вина. Достаю из шкафчика пакетик крекеров. Потом проверяю, нет ли мне текстовых сообщений. Одно есть, от Рамона.

> ► Я и Фрэнк знаем **Рамона** еще по работе в «BBDvW&R/Bernilvy». Рамона назначили помощником Фрэнка по бухгалтерии. Если Фрэнк помешан на стиле, то у Рамона стиль полностью отсутствует. Своим телосложением он напоминает крепко сколоченный шкаф, так обычно выглядят либо работяги, либо педики, но Рамон точно не педик. Он гордится своим телом, и, должен признать, по праву. Оно придает ему уверенности, и это ему на руку. Иногда, если у него плохое настроение или кто-то заденет его (или его машину, или его пиво), он становится агрессивным. Рамон чувствует себя хозяином мира, и мир против этого, кажется, не возражает. К тому же у него

внушительный член, и это позволяет ему излучать еще больше самоуверенности.

Не могу назвать Рамона своим верным другом, как Фрэнка или Томаса, но я и он одной крови. Рамон тащится от клубов вроде «Бастилии», «Хетт Феест Ван Юп», «Сюрприз Бар». Я знаю только одного человека с подобными отклонениями, и этот человек — я. Что еще у нас общего, так это всеядность и зверский аппетит в отношении женщин. Мы хватаем все, что попадает в поле зрения, и не перегружаем себя обязательствами. Мы также искренне считаем, что воздержание — это добродетель исключительно тех, кто всегда уходит с пустыми руками.[15] А еще нас объединяет то, что мы оба южане: я родом из Бреды, а Рамон из Чили. Когда ему было девять лет, его отец эмигрировал в Нидерланды вместе с семьей. Отец Рамона был учителем и слишком яркой личностью для режима Пиночета. Семья поселилась в одной из высоток на юго-востоке Амстердама. Сверстники Рамона тяготели к кокаину и прочей дури, кто в качестве потребителя, кто в качестве дилера. Рамон пошел в университет. Он хотел сделать карьеру, как сам говорил. Спустя десять лет не Фрэнк, а именно Рамон был назначен директором рекламного агентства «BBDvW&R/Bernilvy». Фрэнк не смог смириться с тем, что его боссом стал такой мерзавец, как Рамон, и уволился. С тех пор в присутствии Рамона он не перестает хвастать успехами «MIU». Рамон говорит, что ему плевать, что думает о нем Фрэнк (и все остальные жители планеты).

«Мы встречаемся в пятницу на Лейдсеплейн?[16]» — хочет он знать.

Черт возьми, что за вопрос?

Я и так с этой химиотерапией забросил свой еженедельный футбол в Вонделпарке, дружеские посиделки в баре после работы, но «Ночную пятницу» Дэнни никто не отменял.

Правда, сегодня только вторник, а у меня уже нет сил. Я включаю телевизор. На спутниковом канале повторение вечернего шоу «Большой брат». Я уже его видел, мы теперь каждый день смотрим его в семь вечера. Срочно нужно чем-то заняться. На RTL фильм во вкусе Томаса. Жан-Клод ван Дамм. Я отправляю Томасу сообщение, спрашиваю, смотрит ли он. По каналу SBS6 — матч «Эвертон» — «Саутгемптон» на Кубок

Англии. Я ненадолго задерживаюсь. Пустая игра. На «Канале-плюс» французский фильм. Значит, нечего там делать. Остается MTV. R&B, и здесь облом. Спортивные новости на Третьем канале начнутся только в четверть одиннадцатого.

Я поднимаю с пола газету и просматриваю статью о транспортной системе Амстердама. Дохожу только до середины. В столе у меня лежит роман Харри Мюлиша «Открытие небес», который я усердно читаю вот уже два месяца, но осилил лишь шестьдесят семь страниц. Я с отвращением открываю книгу, читаю до семьдесят первой страницы и, вздыхая, снова расстаюсь с ней до лучших времен. Ага, сообщение! Это Томас, говорит, что смотрит фильм, и спрашивает, как Кармен. Я отвечаю, что она уже в постели, потому что измучена облучением, а сам я умираю от скуки. Прежде чем отправить сообщение, я удаляю концовку про себя и скуку. Томас годами сидит дома на диване. И Анна тотчас догадается, на что я намекаю.

Я наливаю себе еще вина и жму кнопки на пульте, просматривая телетекст. Страница 601. Новостей негусто. 703. Погода на неделю замечательная. То, что нам нужно. Возвращаюсь на SBS. По-прежнему 0:0. А что там на AT5? О боже, какая-то корова перечисляет все дорожные работы, которые будут производиться в Амстердаме в ближайшие дни. Между делом я включаю компьютер и захожу в Интернет. Оставляю неоткрытыми четыре письма от американской чат-группы по теме воспалительного рака груди. А вот письмо от Анны. Как себя сегодня чувствует Кармен? Она завтра сама расскажет.

Хакан пишет Фрэнку, Рамону и мне, что поедет с нами в Майами в последний уик-энд октября.

Ответ от Фрэнка: он говорит, что лучше бы забронировать места заранее, на всякий случай, и рекомендует зайти на сайт www.pelicanhotel.com, потому что этот отель принадлежит Ренцо Россо из «Дизеля» и он просто классный.

> ► **Хакан.** Из второго поколения турок. Успешный, и это сразу бросается в глаза. Девиз: одеваться, чтобы произвести впечатление. Что между нами общего? «BBDvW&R/Bernilvy» и повышенный интерес к футболу и женщинам. Этого вполне достаточно, чтобы двое мужчин считали себя лучшими друзьями.

Хакан тут же отвечает. Он слышал, что «Пеликан» уже вышел из моды. Я пишу ребятам, что мне совершенно все равно, в каком отеле мы остановимся, если мы вообще поедем. Я пропускаю спортивные новости, потому что звонит мать Кармен, узнать, как она себя чувствует. Ровно без четверти одиннадцать. У меня сна

ни в одном глазу. Я заглядываю на сайт Bol.com. Вышел новый диск группы «Маник Стрит Причерз». Щелкаю кнопку «Заказать». Читаю онлайн-обзор по группе «Продиджи». Заказываю компакт-диск певца Игл-Ай Черри, как раз с той песней, что так нравится Кармен. Сами видите, сидеть дома накладно. Гораздо дешевле выйти в свет. Я наливаю себе еще стаканчик розового вина и убираю подальше пакетик с крекерами, пока со скуки не прикончил его. Четверть двенадцатого. Через полчаса начнется порно на «Канале-плюс». Я просматриваю старый номер газеты «Де Тийд», потом берусь за «Путь к исцелению» Симонтона. Осиливаю четвертую часть. Кармен все это уже читала. Я ставлю в холодильник бутылку вина, опорожненную на три четверти, убираю со стола, включаю посудомоечную машину, накрываю детский столик для завтрака Луны и возвращаюсь в гостиную. Ага, уже началось. Сегодня итальянское порно. Там почти всегда красивые девчонки с настоящими сиськами. Мне не нравятся накачанные силиконом баллоны в американском порно. Мы с Кармен трогательно единодушны в этом: лучше большие настоящие сиськи, пусть и слегка обвисшие, чем искусственные, которые не шелохнутся, даже когда трахают их хозяйку. Я уже и забыл, когда мы в последний раз вели свои научные споры на тему телевизионных сисек. Если вдруг Кармен случайно попадает на порнофильм на «Канале-плюс», ее это уже не заводит. Для Кармен порно осталось в прошлом. Чего нельзя сказать обо мне. Я просматриваю две сцены, кончаю, вытираю бумажным полотенцем живот, иду к мусорной корзине, запихиваю влажную бумагу под кипу старых газет и ложусь в постель. Через десять минут я засыпаю рядом с Кармен.

23

Поверьте,
Были времена, когда от одиночества
Хотелось плакать.
И утешенья я искал в клоаках…

Simon and Garfunkel, песня «The Boxer» из альбома «Bridge Over Troubled Water» (1970)

Кармен шапочно знакома с Рамоном. Они встречались несколько раз, на корпоративных вечеринках «BBDvW&R/ Bernilvy». Кармен произвела сильное впечатление на Рамона. («Послушай, amigo, как насчет того, чтобы поиграть в свингеров? Да не дрейфь, я не собираюсь делать тебе минет».)

Он никогда не приходит к нам домой. Мы всегда договариваемся встретиться на Лейдсеплейн, в баре «Палладиум».

► **«Палладиум»**. Именно сюда испокон веков водят своих подружек игроки «Аякса». Ходят слухи, что однажды здесь просадил все деньги Вим Йонк[17].

Там мы проводим с полчаса, треплемся о делах «Бернилви» и «MIU», поглядываем на упругих молодых девчонок, а потом отправляемся на свою территорию охоты, где мы, толстые дядьки, разменявшие четвертый десяток, чувствуем себя более комфортно, — в кафе «Бастилия».

► В **«Бастилии»**, как нигде, понимают, что в жизни главное — система, поэтому здесь раз в час крутят что-нибудь из репертуара Андрэ Хазеса[18]. Клиентура состоит в основном из перезрелых женщин (лет 30–40, разведенных, распознаваемых по серьезным инвестициям в косметику и солярии, которые они рассчитывают отбить). С такими хищницами легко остаться без штанов.

В «Бастилии» сразу приступаем к делу. Взгляд привычно

устремляется к группке женщин, потягивающих коктейли у стойки бара. Рамон вступает в беседу с женщиной с кожаным ремнем от «Москино». Я выбираю дамочку, чью блузку Кармен нашла бы слишком откровенной (а по мне, так она ей очень идет), и с задницей, которая еле умещается в юбке (и как это она умудрилась натянуть ее, даже я не пролез бы). Но в контексте «Бастилии» все это не выглядит слишком вульгарно. После получасовой трепотни ни о чем мы уже целуемся и обнимаемся. Через час я в третий раз спрашиваю, как ее зовут, и во второй — живет ли она в Амстердаме. Я не могу избавиться от ощущения, что моя популярность у женского пола идет на спад. В какой-то момент дамочка говорит, что у нее есть бойфренд, и вообще она здесь с подругами. Потом начинает жаловаться на то, что народу в кафе слишком много, что ей пришлось десять минут стоять в очереди в туалет, а потом еще и оказалось, что он платный. Но я уже устал от жалоб, в последнее время я только их и выслушиваю. Я спрашиваю у Рамона, не хочет ли он со своей компанией передвинуться в «Сюрприз». Рамон отрицательно качает головой. Я пожимаю плечами и покидаю «Бастилию».

► **«Сюрприз»** — это, можно сказать, предбанник «Бастилии». Если основной контингент «Бастилии» составляют женщины зрелые, то в «Сюрпризе» посетительницы в среднем на десять лет моложе. Это девушки, только что расставшиеся со своими бойфрендами и вступающие в короткий и насыщенный период развлечений. Каждую из них неизменно сопровождает подруга, которая пребывает в той же стадии отношений. Два-три раза в неделю они вместе ходят в «Сюрприз» (а после трех часов утра отправляются в «Кулдаун» или «Хетт Феест Ван Юп»). Вскоре их уже начинает узнавать чуткий персонал бара, где они оставляют приличные суммы, и в конце концов — это статусная прерогатива постоянных посетительниц «Сюрприза» — им разрешают оставлять на хранение бармену свои сумки и пиджаки. Бармен обязательно угощает девушку и ее подругу бесплатным коктейлем по прибытии. Это прагматичный подход к клиенту, потому что, чем больше будет таких девушек у стойки бара, тем больше мужчин слетится на них. Вскоре девушка влюбляется в кого-то из посетителей «Сюрприза», и парочка, приличия ради, продолжает встречаться в баре, однако все реже и реже, потому что роман плавно перетекает на диван в их новом доме в Алмере. Через

несколько лет они разводятся, и тут в игру вступает «Бастилия». Вот так Лейдсеплейн дирижирует круговоротом своей клиентуры.

Я задерживаюсь в «Сюрпризе» всего на десять минут. Совершенно очевидно, что даже по здешним меркам я выгляжу похотливым павианом. Девушки не реагируют. Что делать? Пойти в «Парадизо» и танцевать там в одиночку? Или же… О черт, что за мысли?

— Раусдалкаде, — говорю я таксисту.

Из чувства стыдливости я прошу таксиста высадить меня не на той стороне улицы, где стоят проститутки, а у канала, где я могу сделать вид, будто направляюсь в один из жилых домов. Когда такси исчезает из виду, я перехожу улицу и, пройдя вверх-вниз три раза, убеждаюсь в том, что в столь поздний час работают явно не лучшие из лучших. В конце концов я останавливаю выбор на африканке. Она в черном неглиже, которое тесновато для ее мясистых грудей. Когда она раздевается, они чуть провисают, но, черт возьми, по крайней мере, их две и они не сожжены радиацией.

Спустя полчаса я раздеваюсь дома. Оставляю одежду в гостиной и на цыпочках крадусь по лестнице в спальню. Осторожно забираюсь под одеяло.

— Хорошо погулял? — сонно спрашивает Кармен.

— Да. Посплетничали, потанцевали. С Рамоном все-таки здорово.

— Ммм… — тепло произносит она. — Отлично. Ты этого заслуживаешь.

В темноте я целую ее в щеку:

— Спокойной ночи, любовь всей моей жизни.

— Спокойной ночи, мой лучший в мире друг.

24

Почему мужчины проявляют такой интерес к женским грудям? Что в них особенного? Серьезно, если вдуматься, это ведь всего лишь две молочные железы. У каждого второго в мире имеются. Выглядят они странно, предназначены для выработки молока. У твоей матери они тоже есть. Ты, должно быть, видел их тысячи. С чего вдруг такой ажиотаж вокруг них?

Фильм «Ноттинг Хилл» (1999)[19]

Кто бы мог подумать, что мне доведется провести неделю отпуска в отеле «Сентер Паркс» в Порт Зеланде? Могу объяснить свой выбор всем и себе, не проблема. Тем более что логика, на мой взгляд, железная.

1. Для Кармен слишком рискованно ехать куда-то далеко, поскольку ее организм напичкан химией.
2. Кармен в парике, поэтому все направления с температурным режимом выше двадцати пяти градусов отпадают сами собой.
3. Развлечения, вечеринки, осмотр достопримечательностей исключаются ввиду возраста Луны (однолетнего) и состояния Кармен (нулевого).
4. Отель «Сентер Паркс» — клиент «MIU», поэтому я могу частично оправдать свое пребывание в нем необходимостью «исследований на местах».

К тому же через месяц мне ехать с ребятами в Майами, и я рассудил, что хотя бы ради приличия можно пережить неделю в Порт Зеланде.

Но все оказалось куда хуже, чем я предполагал. Порт Зеланде не назовешь райским местечком. Более того, это сплошное разочарование. Отдыхающие меня бесят, погода отличная и, соответственно, слишком жаркая для парика, Кармен такая же колючая, как и парик, и, словно для того, чтобы окончательно добить меня, Луна начала отказываться от дневного сна, из-за

чего к вечеру устает и капризничает, доводя до белого каления взрослых членов семьи.

И наконец, какое может быть настроение, если через три дня Кармен должна звонить доктору Шелтема, чтобы узнать, какое принято решение насчет операции. Вот так мы отдыхаем.

Доктор Шелтема, вместе с рентгенологом и доктором Уолтерсом, так объясняли суть дела. Представьте себе метод встречного огня, который используют для борьбы с крупными лесными пожарами. Участок леса намеренно выжигается, после чего растительный покров выравнивается и, в конечном итоге, происходит активное восстановление растительности. Облучением груди Кармен доктор Шелтема, доктор Уолтерс и рентгенолог рассчитывают добиться точно такого же эффекта. Химиотерапия уже привела к сокращению размера опухоли. Теперь очередь за радиацией, которая сделает ее еще меньше, и тогда можно будет вплотную подойти к апофеозу всего процесса — удалить опухоль хирургическим путем.

Шелтема сказала, что у Кармен есть одно важное преимущество: большие груди. И велика вероятность того, что путем ампутации груди хирург сможет полностью удалить опухоль, которая начала развиваться от соска.

В четверг утром тандем Шелтема — Уолтерс проводит консилиум с рентгенологом и хирургом.

Не только медицинский Амстердам, но и весь круг наших друзей и родных активно вовлечен в широкую дискуссию по теме грудей моей жены. Все надеются на то, что врачи дадут зеленый свет операции (никто не называет ее ампутацией).

— Что я слышу, все-таки есть шанс, что они смогут оперировать Кармен?

— Да…

— Но… это обнадеживает, не так ли?

— Да, можно и так сказать, потому что вначале они боялись рисковать, а теперь, наверное, возьмутся за операцию, так что да, новость хорошая.

— О, фантастика! Значит, все будет в порядке, да?

Конечно! Господи, как же будет здорово, какое облегчение наступит для Кармен! И ей уже не придется отшучиваться, как в тот раз, когда я вышел из ванной, а она лежала, обнаженная, на кровати, с ухмылкой на лице и прикрывающими соски желтыми листочками, на одном из которых было написано «Красиво», а на другом «Не правда ли?».

И есть еще я. Я тоже испытаю огромное облегчение!

Облегчение оттого, что вместе с ее грудью будет ампутировано кое-что еще — неуправляемое, бесстыдное,

вульгарное раздражение, в котором она пребывает с тех пор, как лишилась волос. Не спрашивайте меня почему, но Кармен внушила себе, что, облысев, потеряла всякую привлекательность. Хотя я не устаю повторять ей, что она красива даже без волос. Кстати, для полноты картины я даже обрил ей редкие волоски на лобке, оставшиеся после химии, и, забравшись к ней под одеяло, сказал, что тащусь от этой нежной и гладкой кожи. Кстати, ее это тоже завело — по крайней мере, в первый вечер. Но потом переживания из-за безволосой головы взяли верх над возбуждением от безволосого лобка. Конец сексу. Отлично, не правда ли?

После ампутации груди в нашей спальне наступит вечный праздник. Сколько бы я ни говорил, что все равно нахожу ее привлекательной, каждый раз, глядя в зеркало, она не видит прежней Кармен.

Кармен боится потерять грудь, а я боюсь потерять ту Кармен, которую знаю. Я в одиночку страдаю, ни с кем не делюсь своими гнусными мыслями. Неужели для меня грудь Кармен важнее, чем ее жизнь?

Мы с Кармен почти не говорим об операции, хотя она становится все ближе и ближе. Мы оба знаем, о чем думает каждый из нас, когда мы едим мидии в ресторане Порт Зеланде, когда валяемся на пляже, когда по вечерам в своем бунгало смотрим ток-шоу Дэвида Леттермана: все наши мысли крутятся вокруг ее груди. А когда спим, то нам снится эта грудь. Все это мы знаем, но молчим.

Вечером накануне Телефонного Звонка мы лежим в постели. Я целую Кармен и переворачиваюсь на бок.

— Погасить свет?

— Да, пожалуйста.

— Спокойной ночи, любовь моя.

— Спокойной ночи, мое сокровище.

Я щелкаю выключателем.

Проходит несколько минут.

— Дэнни?

— Да?

— Ты еще не спишь?

— Нет.

— О…

— В чем дело?

— Как ты думаешь, что они завтра скажут?

— Не знаю, дорогая.

— И на что ты надеешься?

— Я надеюсь, что они все-таки рискнут.

— Но ты же повернут на сиськах, Дэн. А скоро у тебя будет жена с лысой башкой и только одной сиськой.

Я поворачиваюсь к ней и крепко обнимаю:

— Я надеюсь, они рискнут оперировать, Кармен.

— Правда?

— Правда.

Я чувствую, как на мое плечо капает слеза.

— А *ты* как думаешь, что они скажут завтра?

— Я надеюсь, что они согласятся на операцию.

— Ну вот и хорошо.

— Но все-таки это ужасно, не так ли?

— …

— Дэнни?

— Да, это ужасно, дорогая. Но пусть лучше ты будешь с одной грудью, чем тебя не будет вовсе.

■

На следующий день мы лежим на пляже. Уже почти полдень. Я то и дело поглядываю на Кармен, но не осмеливаюсь спросить, не пора ли нам позвонить в госпиталь.

— Я пойду в бунгало, позвоню, — говорит она.

— Может, лучше отсюда? — предлагаю я, кивая на свой мобильник.

Она отрицательно качает головой:

— Нет. Я хочу четко слышать все, что скажет Шелтема, а здесь очень ветрено.

«Конечно, она не хочет звонить с пляжа, дурень, — думаю я. — Сидеть на пляже, в окружении счастливых людей, и выслушивать приговор…»

— Может, вместе пойдем? — предлагаю я.

— Нет. Я предпочитаю одна. Ты останься здесь с Луной.

Она надевает юбку поверх бикини и уходит.

Я смотрю ей вслед, пока она не скрывается из виду.

И вот ее нет уже сорок пять минут. Все это время я пытаюсь развлекать Луну ведрами, лопатками и водой. Я себя чувствую будущим отцом, который в приемной роддома ожидает появления первенца.

— Привет, — вдруг слышу я за спиной.

— Привет! — говорю я, пытаясь угадать по ее лицу, что сказала Шелтема.

— Они пока не знают.

— Они пока не знают?

— Нет. Шелтема говорит, что хирург хочет осмотреть мою грудь, прежде чем принять решение.

— Господи, — вздыхаю я, — и когда он собирается это

делать?

— На следующей неделе. Мы договорились, что я приду к нему на прием в понедельник.

Еще четыре дня в подвешенном состоянии.

— Хм… Почему так долго? Тебя не было почти час.

— У Шелтемы был перерыв на ланч.

25

Мы будем идти вперед,
Пусть даже в окопах, без света…

Ramses Shaffy, песня «Wij zullen doorgaan» из альбома «Wij zullen doorgaan» (1972)

Хирурга зовут доктор Йонкман. Его кабинет находится по соседству с кабинетом доктора Уолтерса, в отделении онкологии. Симпатяга, судя по реакции Кармен, которая за его спиной облизывает губы и подмигивает мне.

— Что, запала? — тихо шепчу я ей на ухо. Она с энтузиазмом кивает.

— Если он прикоснется к твоим сиськам, я набью ему морду, — шепчу я. Кармен смеется.

Йонкман — вылитый герой больничных романов. Лет сорока, с мальчишеским лицом, длинными волосами, седеющими на висках. Оденьте его в костюм от Пола Смита, и вот вам достойный бухгалтер рекламного агентства. Ему гораздо легче войти в наше положение, чем доктору Шелтема или доктору Уолтерсу, которые лет на пятнадцать старше. Возможно, у него самого жена — ровесница Кармен и, судя по его внешности, красавица. Это создает невидимую связь между нами.

Но прежде всего он врач. Как только он раскрывает медицинскую карту Кармен — теперь я узнаю ее по обложке — и переключается с Кармен-женщины на пациентку К. ван Дипен, он сразу становится похожим на депутата Европарламента. Тщательно подбирая слова, он объясняет, что согласится оперировать лишь в случае абсолютной уверенности в том, что это улучшит ее шансы на выживание.

— Вы — красивая молодая женщина, и после абляции… (*Мы недоуменно смотрим на него.*) Мм… это медицинский термин… после ампутации у вас останется маленький горизонтальный шрам, сантиметров десять, на том месте, где сейчас у вас грудь… (*Нет, нам это совсем не нравится.*) Возможно, потом мы сможем поместить туда имплантат, но все равно грудь уже никогда не будет такой, как сейчас. — Он делает паузу и в упор смотрит на Кармен. — Речь идет о тяжелом увечье.

Тяжелое увечье. От его слов мне становится не по себе, хотя я

и сознаю, что он намеренно прямолинеен. Он хочет знать, готова ли Кармен к такому испытанию. Мне нравится этот парень. Йонкман — единственный, кто понимает, что грудь для молодой женщины и ее мужа не просто выпуклость, пусть даже — как в случае Кармен — и с воспалением внутри.

— Вы позволите осмотреть вашу грудь?

Кармен снимает блузку и бюстгальтер, ложится на кушетку. Йонкман начинает ощупывать груди моей жены. Кармен подмигивает мне, и я улыбаюсь.

— Хм… — произносит он через некоторое время. — Хорошо. Одевайтесь. — Он моет руки. — Я бы сказал, что сейчас опухоль имеет размеры шесть на два сантиметра.

— И значит?..

Кармен не осмеливается закончить вопрос.

— Думаю, можно рискнуть и, чтобы повысить ваши шансы на выживание, ампутировать молочную железу.

Кармен никак не реагирует, но я вижу, что для нее это удар. Йонкман спешит продолжить.

— Абляцию можно провести на третьей неделе октября, — говорит он, заглядывая в настенный календарь. — В это время я буду в отпуске, значит, оперировать вас будет доктор Уолтерс.

Имени Уолтерса в сочетании со словом «операция» достаточно, чтобы вызвать у Кармен поток слез.

— Не хотелось бы, — мрачно произношу я.

— Почему? — удивляется Йонкман. По его лицу нетрудно догадаться, что он не в курсе ситуации. Великие махинаторы. Уолтерс и Шелтема предпочли сохранить в тайне врачебную ошибку.

— Год назад доктор Уолтерс ошибся в диагнозе, когда обследовал мою жену. Поэтому мы сейчас здесь. Я и моя жена не хотим, чтобы он прикасался к ее телу.

Всхлипывая, Кармен смотрит в пол. Йонкман профессионально быстро схватывает суть дела и, не задавая лишних вопросов, деловым тоном произносит:

— Хорошо. Тогда я прооперирую вас, только неделей позже.

Кармен кивает и шепчет еле слышно:

— Отлично… спасибо вам.

— Мой ассистент уточнит с вами дату операции.

Операция назначена на четверг, 31 октября.

Через четыре дня после Майами, вдруг доходит до меня. Значит, о поездке можно забыть. Чертов рак. Одна сиська и лучший уик-энд года — таковы потери после разговора с хирургом.

26

Выйду на улицу
И говорю что вздумается.
Если я на улице,
Не хочется грустить.
Мне не одиноко,
Если я на улице,
Кругом мелькают лица,
И среди них я дома…

Bruce Springsteen, песня «Out in the Streets» из альбома «The River» (1980)

И на восьмой день Бог создал Майами. Да, вы не поверите, но я здесь! Оушн-драйв, Майами-Бич, Флорида.

Пока едем в такси по Оушн-драйв, мы — Рамон, Хакан и я — не успеваем крутить головой, чтобы разглядеть всех роскошных девчонок, попадающихся на глаза. Просто какое-то нашествие, даже Фрэнк это признает.

Кармен сама завела разговор.

— Езжай с ребятами, пока есть возможность, — сказала она. — Потом будет операция, а после нее ты мне действительно будешь нужен.

Я едва не подпрыгнул от радости и на следующий день скупил все розы в цветочном магазине напротив Олимпийского стадиона. Кармен была так тронута, что даже подбросила мне идею каждый месяц устраивать себе уик-энд на выезде.

Мы останавливаемся у отеля «Пеликан». Здание мятно-зеленой окраски. Соседний отель — розовый, а следующий за ним — бледно-голубой. Дежурная по этажу, смуглая блондинка с огромным бюстом, выпирающим из глубокого декольте футболки с логотипом фирмы «Дизель», спускается по лестнице на террасу. Она видит, что я в ступоре, смеется и говорит: «Привет». «Привет», — киваю я.

За стойкой администратора пуэрториканка. Боже правый, амстердамскому отелю «Ханс Бринкер» такое и не снилось. «Боюсь, я не достоин», — заикаясь, лепечет Рамон. Девушка смеется, сверкая белоснежными зубами, и выдает нам ключи. Я чувствую себя в точности так, как двадцать лет назад, когда впервые оказался в Лорет де Мар.

Поскольку у меня и Рамона общие ночные интересы, Фрэнк отправляет нас в один номер. Он называется «Лучший бордель». А сам вместе с Хаканом занимает номер под названием «Я — Тарзан, а ты Неудачник». Комнаты небольшие, но в этом отеле главное — стиль, а не комфорт, объясняет мне Фрэнк.

Всем приказано быстро принять душ и спуститься вниз через полчаса. Фрэнк заказал столик в «Делано», и там, судя по всему, приветствуют пунктуальность.

И дресс-код тоже. Я догадываюсь об этом, когда вижу Фрэнка и Хакана. На Фрэнке черный пиджак в полоску с гордым лейблом какого-то японского дизайнера, о котором я даже не слышал. Фрэнк как бы невзначай говорит, что купил его на Медисон-авеню в Манхэттене. В ответ на это Хакан замечает, что пиджак отличный, но пиджаки другой фирмы — он произносит название, которого я тоже не слышал, хотя, как выясняется, на нем самом сейчас рубашка и туфли производства именно этой фирмы — еще лучше. Похоже, я отстал от жизни в своих штиблетах из змеиной кожи. Да и совершенно очевидно, что мои белые брюки и пурпурная рубашка находятся в другом ценовом сегменте, если сравнивать с прикидом Фрэнка, хотя лично мне кажется, что я выгляжу достаточно круто, чтобы чувствовать себя полноправным игроком в борьбе за внимание женщин Майами. Рамон в обтягивающей футболке. Она ему действительно идет. К счастью, если говорить о соперничестве, он в черных кожаных брюках, которые в последний раз были в моде, когда «Аякс» играл на своем старом стадионе «Де Меер».

■

За ужином под пальмами, на террасе возле бассейна отеля «Делано», мы углубляемся в дискуссии. Смогут ли голландцы стать чемпионами Европы (я: да; Рамон и Хакан: нет; Фрэнк: не знаю); как дела в «MIU» (Фрэнк: фантастика! Я: нормально); кто, в бытность нашу сотрудниками «BBDvW&R/Bernilvy», трахал Шэрон (я: я; Рамон: конечно! Хакан: всего лишь минет; Фрэнк: отстаньте!); действительно ли отель «Сейнт Мартин Лейн» в Лондоне круче, чем «Делано» (я: не знаю; Рамон: не знаю; Фрэнк: нет; Хакан: да); будем ли мы сегодня вечером пробовать экстези, что захватил с собой Рамон (я: да! Рамон: неужели? я думал, ты не решишься; я: хватит дразнить и дай попробовать; Хакан: не сегодня; Фрэнк: конечно нет). Рамон дает мне таблетку. Я немного нервничаю. До сих пор я расслаблялся только с помощью алкоголя. Кармен категорически против наркотиков. Я запиваю таблетку глотком пива. Фрэнк смотрит на меня и качает головой.

► «Делано» — произносится как Де́лано, но только

не Дела́но, как это делаю я, — отель куда более дорогой в сравнении с «Пеликаном». Это потому, что он принадлежит к гостиничной сети Яна Шрагера, как объясняет мне Хакан. Он произносит это имя с таким уважением, что я даже боюсь спрашивать, кто такой этот Ян Шрагер. Клиентуру «Делано» составляют агенты по недвижимости с Оушн-драйв, рекламщики и бизнесмены. Никто не смеется. Еда, коктейли, декор и женщины в «Делано» возмутительно дорогие. Но в этот уик-энд деньги для нас не проблема, так мы решили.

Мы едем на Вашингтон-авеню, за Оушн-драйв. Здесь находится большинство клубов и дискотек Майами-Бич, по крайней мере, так говорит Фрэнк, который знает в этом толк. Откуда ему все это известно — для меня загадка, но он знает. Кажется, сейчас он ведет нас в «Хаос», где все и происходит (опять же со слов Фрэнка). Хакан пытается протестовать. Он говорит, что слышал, как бармен в «Делано» говорил, будто Вашингтон-авеню — это уже не актуально и нам следует пойти в клуб «Тантра», в другом конце города. Я и Рамон отвергаем возражения Хакана; к нашему великому восторгу, мы уже успели разглядеть длинную очередь из красивых девушек, выстроившуюся у дверей «Хаоса». За бархатной веревкой, сложив на груди руки, стоит вышибала, вылитый брат-близнец Мистера Ти. Не знаю почему, но мне уже не терпится попасть внутрь. Рамон, похоже, солидарен со мной. Он прорывается в самое начало очереди и сразу вступает в разговор с вышибалой, несет всякую чушь вроде того, что он диджей из амстердамского «Рокси».

► «Рокси». Можно сказать, что «Рокси» — это клубный ответ Марко ван Бастену, которому из-за серьезных травм (клуб-то выгорел полностью) тоже пришлось рано уйти из футбола. Соответственно, и статус «Рокси» сопоставим со статусом небожителя Марко. Я много слышал об этом заведении, но побывать в нем так и не удалось. Жаль, «Рокси» выпал из моей биографии. Кармен никогда не была фанаткой клуба. Впрочем, как и я, хотя, должен сказать, мой интерес к нему резко возрос, когда я услышал, что даже Фрэнк восхищается роскошными девицами, которые слетались туда, как мотыльки на свет. Рамон тоже ходил туда каждую неделю, после наших посиделок на Лейдсеплейн. Я-то шел в «Парадизо» или на дискотеку в «Кьюа» танцевать с уродинами. А теперь уже поздно.

Приходится довольствоваться байками Рамона и Фрэнка.

Даже не глядя на Рамона, Мистер Ти красноречиво кивает, давая понять, что мы с таким же успехом можем поцеловать его толстую черную задницу, и нам приходится идти в хвост, мучаясь вопросом, впустит ли вышибала нас в клуб, когда подойдет наша очередь.

Через полчаса нас ожидает отказ.

— Вас четверо, парни?

— Да.

— Без вариантов.

Рамон готов броситься на верзилу, но вовремя осознает, что это не лучшая идея. Я не нахожу ничего смешного в этой ситуации. Мне *необходимо* попасть внутрь. Я стараюсь не выказывать раздражения, тем более перед Фрэнком, но, если бы мне довелось еще минут пять простоять в этой очереди, я был бы готов броситься на дверь, как тигр из книги сказок Луны.

По соседству с «Хаосом» находится клуб «Ликвид». Фрэнк припоминает, что, когда мы подъехали на такси, у входа стояло всего человек пять. Теперь же там очередь длиною в обводной канал вокруг стадиона «АренА». Проклятие. И черт возьми, таблетка начинает свое магическое действие. Хакан пытается уговорить нас взять такси и поехать в «Тантру». Мы не отвечаем и угрюмо бредем по Вашингтон-авеню. Каждый раз, когда мы проходим мимо клуба, Хакан протестует. Слишком много народу, слишком мало народу, вид какой-то непрезентабельный, забегаловка и тому подобное. К счастью, Фрэнк грозит вернуться в отель, если мы не попадем в ближайший клуб *сейчас же*. Этим клубом оказывается «Баш». Здесь нет очереди, и «диджейские байки» Рамона заинтересовывают местного вышибалу. Хотя и не так, как он планировал.

— «Рокси»?

— Да, дружище! В Амстердаме.

— Ну и что ты там крутишь?

— Дипхаус. Каждый четверг.

— Каждый четверг?

— Да, на прошлой неделе у меня был пятичасовой сет.

— Неужели?

— Да!

— А разве «Рокси» не сгорел несколько лет назад?

Молчание.

— Ха-ха-ха, ладно, проходите, — говорит вышибала, сопровождая свое милостивое разрешение отборным матом.

Даже Рамон затихает. Мы послушно платим по двадцать

долларов с носа, что не слишком дорого по меркам Майами. Плохое предзнаменование. Как и то, что впустили нас, мужчин, да еще вчетвером.

В туалете мы расправляем воротнички рубах, придирчиво оглядываем свои прически, хлопаем друг друга по рукам, подбадривая себя возгласами «Вперед!», «Удачи!», и выходим, полные надежд и энергии, в общий зал. Внутри всего девять человек. Включая нас.

Хакан тотчас начинает ворчать. Рамон сканирует двух девиц у стойки бара, я выхожу один на танцпол, Фрэнк топчется у окошка кассирши. Через полчаса народ подтянется, говорит он нам, возвращаясь.

И он прав. Через полчаса нас уже тринадцать. Хакан все настойчивее призывает покинуть это убогое заведение. Фрэнк ноет, что начинает сказываться «джетлэг» и ему хочется спать. Но на меня с Рамоном это не действует. Мы в ударе.

В семь утра «Баш» встречает утро. Рамон покидает клуб с какой-то девушкой; я бреду пешком, мокрый от пота, рот до ушей, с Вашингтон-драйв до Оушн-драйв. Вот уже почти тридцать часов я на ногах. У меня был фантастический вечер, я даже не изменил жене, хотя и стал на четыреста долларов беднее. Ну и черт с ними, с деньгами. Я хватаю пиво из мини-бара и плюхаюсь на кровать, где пытаюсь заснуть. Перед глазами возникают картины близости с Шэрон, с Мод, с Кармен год назад. Увлеченный потоком воспоминаний, я засыпаю, зажав в руке свой приподнявшийся член, а на дизайнерской тумбочке возле кровати остается недопитая банка пива.

27

Тебе кажется, я сильный,
Но это не так…

Robbie Williams, песня «Strong» из альбома «The Ego Has Landed» (1999)

Через полтора часа я просыпаюсь. Сна ни в одном глазу. Ничего себе, денек начинается. Рамона еще нет. Я хватаю телефонную трубку и набираю номер Томаса и Анны, у которых в этот уик-энд гостит Кармен.

— Анна слушает.

— Привет, Анна, это Дэнни! — произношу я с энтузиазмом.

— О… Привет, Дэн. Я сейчас позову Кармен, — говорит Анна, в голосе которой энтузиазма явно меньше, чем у меня. Неужели я ее разбудил? Нет, в Голландии сейчас уже за полдень.

— Здравствуй, — раздается голос Кармен. Я чувствую дистанцию между нами, но делаю вид, будто ничего не замечаю, и говорю, что отель — полное безумие, все время звучит музыка, даже в туалетах. Смеясь, я рассказываю об ужине в «Делано», про наши похождения, после которых чувствую себя разбитым. Она почти не реагирует. Я спрашиваю, как ей у Томаса и Анны. С какой-то особой интонацией, совершенно ей не свойственной, она говорит, что они сидят дома, все замечательно, они ведут приятные беседы. На какое-то мгновение меня посещает мысль, не ошибся ли я номером и той ли Анне позвонил.

Разговор становится невыносимым, и я спрашиваю, в чем дело — может, я что-то не то сказал или сделал. Я слышу, как она спрашивает Томаса, можно ли воспользоваться телефоном в спальне. Короткая пауза. Потом щелчок, и снова голос Кармен. «Я чувствую себя ужасно, Дэн, — говорит она, сморкаясь. — Я даже не думала, что буду так страдать… как подумаю, что ты проводишь время в окружении секс-бомб с огромными сиськами, в то время как я сижу здесь с лысой головой и сожженной грудью…»

Я отвечаю, что на это мне нечего сказать. Но ни с какими женщинами я время не провожу.

— Ты говоришь так, будто это какое-то достижение, — произносит она резко. Я слышу вздох. Потом, уже более миролюбиво, она прибавляет: — Ладно, потерпи меня еще

немного. Все пройдет. Развлекайся там на всю катушку и передай Фрэнку огромный привет.

Она попыталась произнести это как можно более искренне. Я говорю, что люблю ее и прошу передать привет Томасу и Анне. Помолчав, Кармен говорит:

— Не думаю, что это такая уж хорошая идея, Дэн.

И вешает трубку.

■

Внизу, на террасе, Хакан и Фрэнк уже сидят за завтраком в пляжной одежде. Я присоединяюсь к ним. Мы вместе завтракаем и идем на пляж. Там мы встречаем Рамона, выглядящего раздражающе атлетичным. Со счастливой ухмылкой он сообщает нам, что трахал свою добычу всю ночь и все утро и не спал ни минуты.

На пляже Фрэнк читает «Уолпейпер», журнал, о котором я даже не слышал. На его страницах представлен богатый ассортимент аксессуаров для дома, мне уже знакомых по пентхаусу Фрэнка. Я, Хакан и Рамон рассуждаем о жизненных ценностях. Стоит ли «Аяксу» придерживаться тактического построения 4 — 3 — 3, какой процент женщин глотает сперму, каков процент неверности среди мужчин и женщин. Я с видом знатока одну за другой излагаю теории Дэнни. Потом Рамон поднимает тему о том, как часто каждый из нас занимается сексом с женой. У Хакана этот показатель составляет четыре раза в неделю, у Рамона — шесть (Хакан: «Нет, считается только секс с *собственной* женой!»). Когда подходит моя очередь, я говорю, что мне нужно отлить, и ныряю в море, оставляя вопрос открытым.

■

— Дэнни, как ты смотришь на то, чтобы пропустить по стаканчику? — спрашивает Фрэнк, когда мы возвращаемся в «Пеликан». Рамон и Хакан отсыпаются. Фрэнк заказывает две «Маргариты» у нашей Любимой Официантки. — Ловко ты убежал от ответа.

Я смотрю на округлые груди официантки, когда она наклоняется, чтобы поставить на столик коктейли.

— Знаешь, я тащился в Майами не для того, чтобы обсуждать рак.

— Понимаю. Ты уже звонил Кармен?

— Сегодня утром, — отвечаю я со вздохом. — Она не слишком обрадовалась. И Анна тоже.

— Ничего удивительного, — замечает Фрэнк. — Анна наверняка считает, что с твоей стороны неприлично было ехать в Майами, будто ничего не случилось. Так же думает и Томас. Он не может понять, как ты умудряешься делать вид, будто тебя это

не касается, и вообще весь ты в шоколаде.

— Боже правый! — кричу я. — Да какой там, к черту, шоколад!

Фрэнк кладет руку мне на плечо:

— Мне ты можешь не объяснять.

Меня вдруг прорывает. Я рассказываю Фрэнку о том, как это невыносимо, что мы с Кармен больше не выпиваем вместе, не ходим по ресторанам, не занимаемся сексом. Он кивает.

— Ты можешь себе представить, что будет, когда у нее отнимут грудь, Фрэнк? — продолжаю я. — Даже если рак будет уничтожен, Кармен уже никогда не станет прежней. И я думаю, что наши отношения не выдержат такого испытания…

Он берет меня за руку. Мы смотрим друг на друга. Я вижу слезы в его глазах. Мы оба молчим. Это самое красивое мгновение за всю нашу поездку в Майами.

Мы чокаемся бокалами и потягиваем вторые порции коктейля, которые наша Любимая Официантка только что, не спрашивая, поставила перед нами.

— Она хороша, но у Кармен сиськи больше, — говорю я, провожая ее взглядом. — По крайней мере, сейчас…

«Маргарита» Фрэнка расплескивается по столу.

28

Я буду дома в понедельник,
К полудню, не позднее,
Ты только не сердись…

The Little River Band, песня «Home on Monday» из альбома «Diamantina Cocktail» (1977)

В тот вечер нам удалось получить столик в «Тантре», спасибо ребятам из «Пеликана». «Тантра» — турецкий ресторан, а турецкая кухня невероятно популярна в Майами, как мы узнаем от нашего бармена. Хакан едва не лопается от гордости.

После ужина в «Тантре» начинается самое интересное. За диджейским пультом Роджер Санчес, с восторгом объявляет Хакан. Фрэнк демонстрирует такой же энтузиазм. Мне это имя ни о чем не говорит. Я знаю о диджеях ровно столько, сколько Кларенс Зеедорф[20] — о пенальти. Должен признать, кухня в «Тантре» просто фантастическая. Как и Роджер Санчес. И все женщины вокруг. Ну, и впечатление усиливают таблетки. Сегодня я возбужден еще больше, чем вчера. Я говорю ребятам, что считаю нашу затею блестящей, что нам нужно каждый год выбираться куда-нибудь, предлагаю в следующий раз поехать в Барселону или Нью-Йорк. Нет, в Тель-Авив, говорит Хакан, на сегодняшний день это самое крутое место. Нет, Рио, возражает Рамон. Да, Рио, соглашаюсь я. Потом мы объясняемся друг другу в любви, клянемся, что не бросим друг друга в беде, а после этого Рамон говорит, что назначил свидание вчерашней знакомой и ему пора. Фрэнк смотрит на него волком. Я примечаю пухлую девицу в черной прозрачной блузке. Обменявшись с ней игривыми взглядами, я выхожу на танцпол. Под блузкой у толстушки черный лифчик (чашечка «С»).

— Привет. Как тебя зовут? — Я, как всегда, оригинален.

— Линда. А тебя?

— Дэн, — отвечаю я, вдруг сознавая, что больше мне нечего ей сказать. Даже представить себе не могу, о чем говорить с таким ребенком.

— Откуда вы, парни? — спрашивает она. О, да. Традиционный вопрос.

— Из Амстердама.

— Моя сестра там была! Говорит, Дания — очень красивая страна.

— Это точно, — соглашаюсь я, сгорая от стыда и одновременно радуясь тому, что ребята нас не слышат. По мне, так все нормально, тем более что в этот вечер интеллект — не главное.

— А ты откуда? — спрашиваю я. К чему умничать?

— Из Северной Каролины. Но этим летом я переехала во Флориду. Мне здесь все нравится — и погода, и пляж.

— А… ну да, конечно! — киваю я. Что я здесь делаю?

Она вдруг хватает меня за шею и целует прямо в губы.

О, да. Вот зачем я здесь. Теперь вспоминаю. Я крепко прижимаю ее к себе. Она удивительно податлива. Ее подруга восхищенно подмигивает. Итак, первый тест пройден. Пройдет ли она тест у Хакана и Фрэнка, не могу сказать, поэтому я поспешно увожу ее в угол. Попутно отмечаю, что задница у нее таких впечатляющих размеров, что и уик-энда не хватит, чтобы ее обследовать. Как только мы скрываемся из виду, я начинаю тискать девицу Моя рука скользит по нежной ткани ее прозрачной блузки. На мгновение пышка высвобождается из моих объятий и робко предупреждает, что ее формы не слишком изящны. Ты не кокетничаешь, мысленно говорю я, но вслух замечаю, что не люблю тощих женщин, и щиплю ее за задницу. Она смущенно хихикает. Потом я беру ее руку, прикладываю ладонь к губам и начинаю лизать. Когда девица догадывается, к чему я клоню, снова начинает хихикать.

— Ты *баловник,* — говорит она, качая головой.

— Спасибо, — ухмыляюсь я. Пора менять место действия.

— Ты женат? — спрашивает она в такси по дороге в «Пеликан».

— Нет, — говорю я, пряча у нее за спиной руку с окольцованным пальцем. И тут же впиваюсь ей в губы, чтобы не растерять сексуальный азарт. В момент поцелуя я спешно избавляюсь от кольца, убирая его в карман брюк.

В лифте я расстегиваю ей блузку и задираю лифчик. У Линды большие ареолы. Мне это нравится. И Линда без комплексов. Мне это тоже нравится. Тяжело дыша, она расстегивает мне ширинку и опускается на колени. И как раз в тот момент, когда она берет в рот мой член, твердый, как сиденья на стадионе «АренА», двери лифта открываются, и я вижу прямо перед собой Фрэнка. Его взгляд опускается на ритмично движущуюся голову Линды. Та замечает, что я каменею, в испуге смотрит вверх и краснеет, как свекла. Я неловко застегиваю ширинку, пряча с глаз долой своего невезучего дружка.

— Линда, познакомься, это Фрэнк. Фрэнк, это Линда.

— Привет, Линда, — говорит Фрэнк, не отрывая глаз от грудей Линды.

— Привет, Фрэнк, — говорит Линда, застегивая свою прозрачную блузку.

— Ну все. Хватит болтать, — сворачиваю я разговор. — До завтра, Фрэнк!

Фрэнк кивает.

— Пока, Фрэнк, — говорит Линда.

— Пока, э-э…

— Линда.

— Пока, Линда.

Я и Линда идем по коридору; Линда держит меня под руку. Я спиной чувствую, что Фрэнк провожает нас взглядом. Я достаю ключ от своего «Лучшего борделя» и остаток ночи преподаю Линде урок секса по-флоридски.

■

Рамон будит меня, когда возвращается в номер. Я судорожно ощупываю постель. Никого. Линда ушла. Рамон зашелся бы от хохота, увидев рядом со мной толстуху Линду. Он плюхается на кровать, еще не просохшую от пота наших тел. Рамон слишком устал, чтобы прочувствовать влажность простыней; он сразу засыпает. Я не могу спать. Я встаю, поднимаю с пола свои брюки и опускаю руку в левый карман.

Меня как будто пронзает током. Кольца нет. Правый карман. Пусто. Я обливаюсь потом. Задние карманы. Там тоже пусто. Я ложусь на пол и заглядываю под кровать и под батарею. Рамон просыпается и спрашивает, чем я занимаюсь. Я отвечаю, что ищу свои контактные линзы. Он снова засыпает. Я еще раз обшариваю карманы. И еще раз. Проверяю ящики дизайнерского ночного столика. Ванную. Нигде ничего. Черт. Думай, Дэнни, думай. Где я мог потерять его?.. Та девка! Линда! Эта корова сперла мое кольцо! О боже! О нет. Кармен…

Я снова ползаю на животе, обыскивая пол комнаты. Потом ложусь на кровать. Это национальная катастрофа. Конец союзу «Кармен и Дэнни». У меня такое ощущение, будто я совершаю самоубийство, хотя в этом нет никакой необходимости, потому что Кармен все равно убьет меня. Мое обручальное кольцо потеряно. И на этот раз мне не выкрутиться.

■

Внизу Хакан и Фрэнк уже завтракают на террасе.

— Допоздна, что ли, там засиделся? — спрашивает Хакан. — Я вдруг потерял тебя из виду.

Эта потеря не сравнится с моей, отвечаю я мысленно.

— Да не так чтобы очень, — говорю я, испытывая облегчение от того, что Фрэнк, судя по всему, умолчал про сцену в лифте. Фрэнк смотрит на меня вопросительно. Все-таки люблю я этого сукина сына. К нам присоединяется Рамон и тут же начинает в подробностях рассказывать о том, как провел ночь со своей крошкой. За столом много смеха. Я тоже участвую в общем веселье, хотя на самом деле мне хочется плакать. Что хуже? Предательство Рамона, который бросил своих друзей ради секса с какой-то шлюхой, или мое предательство по отношению к жене, когда я избавился от кольца, боясь пропустить секс с другой шлюхой? Кукареку (три раза).

Перед тем как ехать в аэропорт, Хакан, Фрэнк и Рамон хотят в последний раз сходить на пляж. Я безучастно бреду вместе с ними. Мы ложимся на песок. Рамон и Хакан говорят о машинах, Фрэнк читает мужской журнал. Я смотрю на море, чувствуя, что вот-вот разревусь.

— Пойду прогуляюсь.

Рамон кивает, Хакан продолжает говорить, а Фрэнк не отрывается от журнала. Неужели даже Фрэнк меня раскусил? Может, и так, но сейчас это не имеет значения. Я не хочу участвовать в разговоре. Отойдя шагов на сто, я оборачиваюсь, чтобы убедиться, что они меня не видят. Сажусь на горячий песок и чувствую себя самым одиноким и самым несчастным человеком на свете. Три дня смеха с парнями позади, алкоголь и экстези истощили мою нервную систему, женщина, которая прошедшей ночью визжала от удовольствия, обворовала меня, а завтра меня будут убивать дома. Я вижу, как мои слезы капают на песок.

■

В аэропорту Скипхол мы прощаемся. В такси меня прошибает холодный пот. Еще десять минут — и я дома. Что я скажу? Что снял кольцо, когда заходил в море? Или перед металлоискателем в дискотеке? Такси сворачивает у госпиталя. Остается еще несколько минут. К счастью, зажигается красный сигнал светофора. Или сказать так…

Мне приходит сообщение. **ФРЭНК моб.**

Пошарь в левом кармане куртки.

Я быстро ощупываю себя. Ничего. Другое сообщение.

Я имею в виду, в правом.

Я проверяю другой карман. Я чувствую… да! Мое кольцо! МОЕ КОЛЬЦО! Мое единственное, любимое, красивое обручальное кольцо.

Приходит новое сообщение.

Нашел его в лифте «Пеликана». Дэн, Дэн, кончай с этим. Удачи тебе сегодня. Целую.

29

Девчонки, нам от них не уйти никуда,
Они просто нас сводят с ума,
Да, сэр, такова наша участь…

Raymond van het Groenewoud, песня «Meisjes» из альбома «Nooit meer drinken» (1977)

Не знаю, правда ли, что у женщин хорошо развита интуиция, чего зачастую опасаются мужчины. Когда я приехал домой, Кармен даже вскользь не поинтересовалась, хранил ли я ей верность. Наоборот, она извинилась за то, что резко говорила со мной по телефону.

Однажды я все-таки прокололся. С Шэрон.

► **Шэрон** была секретарем в «BBDvW&R/Bernilvy». Блондинка, весьма соблазнительная и с потрясающим бюстом. Чашечка «D», полный улет[21]. С первого же дня нашего знакомства я мечтал увидеть эти груди в живом контексте. У Шэрон с этим не было проблем. У нее никогда не было с этим проблем. Даже с Рамоном. Или с Хаканом, как я недавно узнал. И что, разве я один достоин осуждения?

Я совершил глупость, оставив в своем ежедневнике анонимный телефонный номер, как раз в той графе, где у меня значилась вечерняя «встреча с клиентом». Типичная ошибка начинающего. На следующий день Кармен позвонила по этому номеру, услышала в трубке «Шэрон слушает», повесила трубку, заглянула в мой телефонный справочник, проверить, работает ли в «Бернилви» Шэрон, после чего сличила номера. Так и есть. В тот же вечер, как бы между прочим, она спросила меня, что за Шэрон появилась в агентстве. Я приложил максимум усилий, чтобы не покраснеть, и ответил, что Шэрон — это блондинка в приемной.

— Неужели? — возмутилась она, тыча мне в нос моим ежедневником с телефонным номером. — Эта отвратительно вульгарная штучка с огромными сиськами, только что не

вываливающимися из платья? И ты был с ней в постели?

Я стал пунцово-красным. И не посмел солгать:

— Карм… Да.

— И как часто?

— Э-э… всего один раз.

Правда «по Клинтону»: мой кабинет, туалеты в «Пилсвогел» и диван в ее доме не считаются «постелью».

> ► **«Де Пилсвогел».** Хороший кабак (маскирующийся под старомодное амстердамское кафе, куда часто ходят девчонки яппи из квартала Де Пийп), хорошая терраса (ланч под солнцем, до половины третьего, еще часок на солнце, с пяти до шести, уже на другом конце террасы), хорошая тусовка (но избегайте вечера пятницы, когда подтягиваются «белые воротнички» из финансового квартала).

Кармен пришла в ярость, а я наивно удивился. Разве я не предупреждал ее о своей монофобии? Ну, допустим, это было на первом свидании, и больше я об этом не заикался — но разве она не изучила меня за годы нашей совместной жизни? Фрэнк однажды сказал мне, что такую логику вряд ли можно считать логикой праведника. Кстати, в этом его поддержала и Мод. Но они оба хранили в тайне от Кармен мои эскапады, включая и интригу с Шэрон.

Впрочем, с Томасом я в последние годы стал вести себя более осторожно. Он не посвящен в тайны моего списка «неотложных дел». Не говоря уже о регулярном сексе на стороне. Хотя про Шэрон он знает, но это дела давно минувших дней, когда он и сам изредка позволял себе гульнуть. Поэтому совершенно естественно, что и Анна в курсе. Когда Кармен узнала про меня и Шэрон, она уехала к Анне и жила у нее несколько дней.

Рамон тоже страдает монофобией. Но, в отличие от меня, он не замечает, что частота наших измен превратила их из хобби в зависимость. Нам все время нужен допинг. Новые имена, телефоны, адреса электронной почты. Как алкоголику, который отрицает свою зависимость, но держит в ящике рабочего стола бутылку водки, чтобы продержаться в течение дня. И скрывает эту пагубную привычку от окружающего мира. Так же, как и Кармен, жена Рамона даже не подозревает, насколько серьезно болен ее муж.

Монофоб подпитывает свою зависимость встрясками, которые получает от измен. Такие чувства, как раскаяние и вина — у нормальных людей это встроенные тормоза, сдерживающие тягу к изменам, — ему неведомы, он с легкостью от них отмахивается.

Монофоб убеждает себя, что он (или она, но чаще все-таки он) не причиняет своей половине никакого вреда сексом на стороне. Говоря в свое оправдание «пока она не замечает», «я не перестаю любить ее, даже занимаясь сексом с другой» и «я умею разграничить секс и любовь», он пускает пыль в глаза своим друзьям и себе самому. В глубине души монофоб сознает, что это всего лишь отговорки, позволяющие ему поддерживать имидж хорошего парня. Потому что на самом деле вряд ли кто одобрит столь презренный стиль жизни. Монофоб же вовсе не считает себя порочным.

В моем случае все обстоит иначе. Инцидент с обручальным кольцом был очень показательным, так низко я еще никогда не падал. Моя монофобия, которую я всегда рассматривал как приятное, невинное и контролируемое увлечение, становится одержимостью. Кайф, который я получаю от походов налево, гораздо сильнее, чем удовольствие от женщин и секса как такового.

Последние несколько месяцев, с тех пор как мы с Кармен коротаем вечера дома, я считаю дни до наступления пятницы. «Веселой пятницы Дэнни». И вот в конце рабочей недели, когда мы расслабляемся пивом в «MIU» или ужинаем в ресторане, у меня начинается зуд, я жду не дождусь полуночи. Когда в «Вак Зуид», «Бастилии», «Парадизо» и отеле «Арена» веселье в разгаре. Это мое время. И подцепить кого-то все легче и легче. Даже Фрэнк, которому я на протяжении многих лет докладывал о своих приключениях, не знает, как далеко я зашел в своей одержимости. Вот почему в последнее время я предпочитаю компанию Рамона. И не то чтобы он стал моим лучшим другом, просто перед ним мне, по крайней мере, не бывает стыдно.

30

Слезы на щеках, печаль в глазах,
Отчаяние.
Иди ко мне, не плачь, я слезы поцелуем смою,
В моих руках ты насладись покоем.
Поверь моим словам, что навсегда мы вместе,
Но что я слышу: она снова шепчет,
Что все это я говорил уже…

Tröckener Kecks, песня «In tranen» из альбома «Met hart en ziel» (1990)

— Волдыри почти прошли.

Кармен стоит перед зеркалом в спальне. Она приподнимает грудь, рассматривает ее со всех сторон. Я лежу в постели и наблюдаю за женой. Самые страшные ожоги заживают. Начинает нарастать кожа. Кармен в последний раз придирчиво оглядывает грудь, надевает бюстгальтер и, голая, ложится рядом со мной. Завтра ей предстоит отправиться в Синт Лукас. Там ей ампутируют молочную железу.

Это последний вечер, когда я засну возле своей жены, у которой еще две груди. Никто из нас толком не знает, стоит ли говорить об этом или лучше помолчать. Как бы то ни было, ни у Кармен, ни у меня не возникает желания отпраздновать предстоящее событие хорошим сексом, устроив прощальную вечеринку для ее груди. Кармен лежит, склонив голову на мое плечо. Еще мгновение — и молчание прерывается громким всхлипыванием. Я чувствую, как ее слезы стекают по моему плечу уже в миллионный раз, с тех пор как рак ворвался в нашу жизнь. Я крепче прижимаю ее к себе, и мы молчим.

Потому что сказать нечего. Это любовь во время рака[22].

31

Не хочу распускать богохульные слухи,
Но у Бога, похоже, дела плохи с юмором…

Depeche Mode, песня «Blasphemous Rumours» из альбома «Some Great Reward» (1984)

Под бдительным оком Луны и под руководством Мод я украшаю гостиную бумажными гирляндами.

— И чем вчера все кончилось? — спрашивает Мод.

— Она лежала, такая жалкая и беззащитная, под этой бледно-голубой простыней. Время от времени она просыпалась, и ее рвало. Я держал ее голову, подставляя емкость — ну, знаешь, такие контейнеры, как для яиц.

Мод обнимает меня:

— А она… она видела, что стало после операции?

— Нет. Врач рекомендует, чтобы мы сняли повязку вместе. Очевидно, это облегчит процесс адаптации.

— Господи, как же ты справишься с этим?

Я киваю:

— Я так боюсь, что приду в ужас от увиденного и Кармен это заметит…

Я смотрю на Мод сквозь слезы. Она крепко обнимает меня и целует в лоб. Я на мгновение кладу голову ей на плечо. Она гладит меня по спине.

— Дэнни, Дэнни, — тихо шепчет она, — ну успокойся, дорогой…

Я беру себя в руки и целую ее в губы. Она смеется, шутливо щелкает меня по носу, изображая гнев, смахивает слезу со щеки.

— Пожалуй, мне пора, — говорю я. — Покормишь Луну?

■

Кармен уже одета. Она сидит в холле перед телевизором, в свободном черном джемпере с высоким воротом. Мне сразу бросается в глаза неравномерность выпуклостей на груди. Кармен перехватывает мой взгляд и говорит, что наполнила левую чашечку лифчика колготками и носками. Пока она не сможет носить лифчик с протезом, носки очень выручают, сглаживая

различия между чашечкой «D» и полным нулем. Ну что ж, как вариант из рубрики «Сделай сам» вполне годится.

Операция прошла успешно, говорит доктор Йонкман. Со временем, когда снимут швы, Кармен придется носить бюстгальтер с протезом. Доктор Йонкман предупреждает, что это обязательно, поскольку, с учетом размера грудей Кармен (я так понимаю, он имеет в виду «одной груди»), возникает риск искривления позвоночника из-за смещения центра тяжести. Выходит, рак наградит ее в придачу и позвоночной грыжей.

Бюстгальтер имеет свободный кармашек, в который будет вставлен протез. Сам протез представляет собой силиконовый мешочек телесного цвета, похожий на каплю воды, разрезанную посередине. Ну, это если бы существовали капли воды размером «D». В центре капли маленькое пятнышко, которое, как я полагаю, обозначает сосок. Протез на ощупь напоминает мешочек, наполненный желе. Когда Кармен его получила, мы принялись кидаться им друг в друга, визжа от смеха, — ну, как если бы кидались водяными шарами в жаркий солнечный день.

■

Доктор Йонкман спрашивает, не хотим ли мы снять повязку вместе, в маленькой комнате здесь же, в госпитале. Я говорю, что мы согласны.

Прежде чем снять бюстгальтер, Кармен спрашивает, готов ли я.

— Да, не бойся, — подбадриваю я жену. Сам же не осмеливаюсь поднять глаза. Но страшный момент уже близок. И вот сейчас мне предстоит увидеть свою жену с одной грудью.

Кармен расстегивает лифчик, и бретельки спадают с плеч. Я делаю глубокий вдох, стараясь, чтобы это было незаметно.

И вот оно.

Это ужасно. Рядом с ее такой знакомой, большой и, о боже, такой красивой грудью теперь пустое место, прикрытое повязкой. Собственно, именно такой я и представлял себе повязку, но увидеть ее на груди собственной жены — это выше моих сил. Большие груди прекрасны, но женское тело с одной большой грудью выглядит садистской шуткой Создателя. Я смотрю долго: с одной стороны, потому что не хочу, чтобы у Кармен создалось впечатление, будто я боюсь этого зрелища, а с другой — потому что иначе мне придется смотреть ей в глаза. Я чувствую, что она ждет от меня каких-то слов.

— Ну, что я скажу, Карм…

Во всяком случае, не то, что мне это нравится, потому что мне это совсем не нравится.

— Она… мм… плоская, не так ли? — говорит Кармен,

разглядывая повязку в зеркале.

— Да. Очень плоская.

Я встаю рядом с ней, и она осторожно отдирает ленту, которой приклеена повязка. Повязка медленно спадает.

То, что открывается под ней, представляет собой уродливый образец вандализма по отношению к женщине. Более страшного увечья я в жизни своей еще не видел. Огромный шрам, длиной сантиметров десять — двенадцать, тянется горизонтально. Швы неаккуратно стягивают кожу, и она кое-где морщит, как первый детский опыт вышивки.

— Складки разгладятся, когда сформируется рубец, — говорит Кармен, читая мои мысли.

— …

— Уродство, да, Дэнни?

Иного выбора, кроме как быть честным, нет. Я лихорадочно соображаю, как бы выразиться помягче, чтобы не смутить ее, но в то же время сохранить объективность.

— Ну, не могу сказать, что это красиво…

— Да нет, какая уж тут красота. Вид жуткий, — говорит Кармен, не отрывая глаз от того места, где раньше была ее грудь.

Потом переводит взгляд на меня. По ее глазам я вижу, что она унижена. Унижена раком. Господи, это страшно. Почему женщина, которая хочет быть красивой, должна страдать от боли? Почему женщина, которая хочет жить, должна страдать от собственного уродства?

Но таковы законы рака.

32

Вот пришло Рождество,
Всем забавно и смешно…

Slade, песня «Merry X-mas Everybody» из альбома «The X-mas Party Album» (1973)

После часового просмотра «Телепузиков» вместе с Луной я сдаюсь: пожалуй, достаточно. А то не заметишь, как и сам начнешь говорить, как Тинки-Винки.

Половина десятого, сегодня Рождество. Я заглядываю в спальню. Кармен еще спит.

— Луна, может, примем ванну вместе?

— Да-а-а-а!

Мы играем с Тиггером и Винни, а мой затылок служит уступом для водопада, пока вода не остывает. Я вытираю Луну и себя полотенцами, снова надеваю на нее праздничное платье.

Вообще-то я не фанат Рождества, но сегодня мне почему-то хочется устроить красивый праздник. Если мы не можем веселиться вне дома, тогда будем веселиться дома, решил я. Я купил для Кармен две роскошные бутылки масла для ванн. Одно — с ароматом хвои («покой для тела и души»), а другое — с ароматом цветков апельсина и лайма («полная релаксация»). Луна подарит ей новый диск Мадонны. Я заплетаю Луне две косички, вплетая в них ленты и рождественские шарики, которые мы купили на неделе. Луна прыгает от восторга.

Когда я снова заглядываю в спальню, то с радостью вижу, что Кармен в постели уже нет.

— Пойдем вниз, к мамочке! — с энтузиазмом говорю я Луне.

— Ура! К мамочке, к мамочке!

— Ты крепко держишь подарок для мамы?

— Да! — отвечает дочка.

— А ты помнишь, что должна сказать, когда будешь вручать ей подарок?

— Иселава Ездества?

— Ну что-то вроде этого. — Я улыбаюсь и целую ее, растроганный.

Внизу Кармен сидит за кухонным столом, в своем длинном сером халате, и читает газету. Она еще не надела парик, и — это заметно — бюстгальтер с протезом тоже.

На тарелке перед ней кусочек пирога.

— Ты уже ешь? — удивленно спрашиваю я.

— Да, я проголодалась, — невозмутимо говорит Кармен.

Наступает тишина.

— Что-то случилось? — наконец говорит Кармен и откусывает пирог.

— Да. Рождество… — смущенно говорю я.

Луна тянется ручками, чтобы передать маме диск в подарочной упаковке и рисунок. У меня в руках две бутылки с маслами. Они завернуты в золотистую фольгу и завязаны кудрявыми красными ленточками.

Кармен спохватывается:

— О… а я вам ничего не купила.

— Это не имеет значения, — сладко вру я.

Луна помогает ей распаковать компакт-диск. Я сажусь за стол и оглядываю кухню. Кругом свалка. Какие-то диски, журналы, газета, тетрадь назначений из Синт Лукаса. На обеденном столе половинка батона ржаного вчерашнего хлеба, две упаковки мясной нарезки из супермаркета. Открытый пакет молока и банка с арахисовым маслом. Чувствуя уныние, я отрезаю себе кусок хлеба, достаю из холодильника масло, намазываю на хлеб и кладу сверху ломтик холодного мяса. Кармен увлеченно развязывает мой подарок и краем глаза наблюдает за мной.

— Мне следовало бы приготовить рождественский завтрак, да? — робко спрашивает она.

Я не могу сдержаться. Слезы выдают меня.

— Да, — разочарованно произношу я с полным ртом, — это было бы славно, да…

— О, боже… как глупо с моей стороны… о, как ужасно, — бормочет она, теперь уже явно расстроенная. — О… прости, Дэнни…

Мне так жалко ее, я беру ее за руку и говорю, что все это ерунда. Мы держимся за руки и утешаем друг друга. Луна не сводит с нас счастливых глаз.

— У меня идея, — говорю я. — Я позвоню Фрэнку и приглашу его к нам. Потом заеду за ним, и мы вместе сгоняем в ночной магазин, купим чего-нибудь вкусненького. Он сегодня открыт. А потом я вернусь, и мы все начнем сначала.

■

Фрэнк целует меня три раза, когда я вваливаюсь к нему в пентхаус.

— Счастливого Рождества, мой друг! — радостно говорит он.

— Спасибо. Тебе тоже, — уныло отвечаю я.

Фрэнк пристально смотрит на меня:

— Что, дела не очень?

Глядя в пол, я качаю головой. И вот уже рыдаю у него на плече.

В машине я врубаю погромче «Прямо здесь, прямо сейчас» в исполнении Фэтбой Слима. В ночном магазине на Рийнстраат мы скупаем все, что радует глаз. В цветочном на углу я покупаю букет роз. Подхватив в четыре руки еду, выпивку и цветы, мы с песней заходим в нашу гостиную.

Кармен одета в черные брюки и белый джемпер, который, как мне кажется, больше всего ей идет. Она уже подкрасилась, надела парик. Она подходит ко мне и целует.

— Счастливого Рождества, дорогой, — говорит она, сияя. И добавляет шепотом на ухо: — Сегодня ночью я сделаю тебе лучший рождественский минет.

33

Две тысячи, зеро, зеро,
Игра окончена, приплыли…

Prince, песня «1999» из альбома «1999» (1982)

Мы встречаем миллениум в Маарсене, городке в центральной части Нидерландов. Вечеринку организуют Томас и Анна. Я никак не пойму, с чего вдруг. Томас не звонил мне, с тех пор как я вернулся из Майами, а Анна, если я подхожу к телефону, сразу же просит передать трубку Кармен. К счастью, приглашены также Мод и Фрэнк и еще кое-кто из наших старых приятелей из Бреды.

Когда часы бьют полночь, меня с Кармен охватывает волнение. Мы несколько минут стоим обнявшись. Мы не знаем, что пожелать друг другу. Потом я подхожу к Фрэнку и тоже держу его в объятиях целую вечность. Он желает мне, чтобы наступающий год был лучше, чем прошлый. Мод целует меня и гладит по щеке. «Я гордилась тобой в этом году, Дэнни», — шепчет она.

Чуть позже ко мне подходит Томас. Он хлопает меня по плечу, желает счастливого Нового года и спрашивает, как дела. Я смотрю на него испытующе. Неужели он не знает? Или просто не хочет знать? Я в замешательстве. Что, играть с ним в прятки или честно сказать, что дома все хреново и что я по-настоящему сердит на него за то, что он ни разу не позвонил мне после Майами? Мы ведь знаем друг друга уже тридцать лет. Наверное, я имею право объясниться с ним начистоту.

— Не все так здорово, Томас, — начинаю я.

— Что ж, это жизнь, ничего не поделаешь… Как отметили Рождество?

Я предпринимаю новую попытку:

— Не лучшим образом. Рождество скорее огорчило. Раньше я как-то не задумывался, сколько символики в этом празднике…

— Да, слишком много хлопот, не так ли? — перебивает он меня. — У нас то же самое: Рождество у стариков Анны, день рождественских подарков — у моих. Я всегда называю эти праздники Днями национальной скуки, ха-ха-ха.

— Я на самом деле имел в виду кое-что другое, — говорю я. Пора менять тему. — Скажи мне, Фрэнк, ты действительно считаешь, что мне не следовало ехать в Майами?

Он удивлен. Нервно озирается.

— Послушай, это… О черт, мне нужно снять… как их… пончики со сковородки. Иначе они почернеют, как Нванко Кану[23], и никто не станет их есть, ха-ха-ха. Извини. Я буду… через минуту.

Томас исчезает. Я смотрю ему вслед и так крепко сжимаю бокал с шампанским, что он едва не трескается в моей руке. У моей жены вовсе не грипп, который пройдет через неделю, после чего жизнь вернется в свою колею, — у нее *рак,* ты, мерзавец! Р-А-К. А это значит, что она безнадежно больная, лысая, с ампутированной сиськой, в постоянном страхе смерти. И как ты *думаешь,* какие у нас дома дела, ты, тупая башка?

Томас возвращается с пончиками. Я беру один, хватаю со стола бутылку шампанского и скрываюсь на улице. Со всей силы швыряю пончик в забор. В окно я вижу, как Томас, со счастливой улыбкой на лице, обходит гостей со своим угощением. Я сажусь на деревянную скамейку. Глядя на догорающие в небе звезды, вспоминаю прожитый год, искалеченный раком.

— Ты все еще любишь меня? — спросила Кармен в тот рождественский вечер, после того как вручила свой подарок.

— Конечно люблю, дорогая, — ответил я и улыбнулся.

Я привирал.

Правда в том, что я не могу сказать с уверенностью, действительно ли я люблю ее. Да, мне больно, когда я вижу Кармен в слезах, когда она страдает, мучается, боится. Но разве это *любовь*? Может, просто жалость? Нет, я не хочу ее бросать. Но разве это любовь? Может, просто чувство долга?

Но мы не можем расстаться, даже если захотели бы. Я, и только я нужен Кармен, если ее состояние ухудшится. Никто не понимает меня так, как ты, говорит она.

Я слышу, как в доме звучит песня Принса, который поет о том, что партия сыграна. *«Ты* еще будешь тыкать меня носом», — ворчу я про себя. Я всегда жил по принципу Дэна: если меня что-то не устраивает в жизни, я ее меняю. Работу, отношения, да что угодно. И вот сейчас, на пороге нового тысячелетия, я впервые в жизни несчастлив. И ровным счетом ничего не могу с этим поделать.

С Новым годом, Дэн.

34

Мне здорово, мне очень здорово,
Пусть сходит мир с ума,
А мне все нипочем,
Поэтому кончай болтать про рак,
Насилие и голод,
Бери свою гитару, пой со мной.
Мне здорово, мне очень здорово…

Hans Teeuwen, шоу «Hard en Zielig» (1995)

— Знаешь, Кармен, я просто восхищаюсь твоей стойкостью, — слышу я обрывок разговора Мод с Кармен, когда возвращаюсь к гостям. — Ты живешь полной жизнью, такая оптимистка, работаешь, как и раньше…

Томас кивает, соглашаясь.

— О, конечно, можно позволить болезни взять над тобой верх, но от этого лучше не станет. — Кармен говорит то, что от нее хотят услышать. — Сейчас меня ничего не беспокоит.

Да, если учесть, что сегодня ты очухалась лишь после полудня.

— Ты такая позитивная, это впечатляет, — говорит Томас.

Фрэнк смотрит на меня и подмигивает. Кармен продолжает:

— А что еще остается делать? Чем больше позитива ты излучаешь, тем качественнее живешь.

Она явно играет с огнем.

Но сегодня ее позитив не срабатывает. Я вижу, что она устала от долгого застолья.

— Дорогая, может, нам пора двигаться? — спрашиваю я.

Кармен счастлива, что не ей приходится принимать решение.

Луна даже не проснулась, когда я вынул ее из кроватки и перенес в машину. Фрэнк помогает мне загрузить наши вещи.

— Держись, дружище, — шепчет он. — Ты ей сейчас нужен.

— Какого черта ты хвалишься перед всеми, что все у тебя отлично? — раздраженно говорю я, когда мы отъезжаем. — Теперь они будут мусолить это, восхищаться тобой. Какая ты

оптимистка, никогда не жалуешься. Не надо обманывать ни себя, ни их, ведь, в конце концов, они наши друзья. И им следует знать, что три четверти дня ты проводишь в боли и муках, черт возьми!

Она молчит. Я уже готов продолжить ей выговаривать, как вдруг ее прорывает. Она впадает в истерику, молотит кулаками приборную панель. Я до смерти перепуган, тотчас заруливаю на придорожную парковку Я пытаюсь обнять Кармен, но она в бешенстве бьет меня по рукам. Я оглядываюсь назад, чтобы проверить, как Луна, но она — вот чудо! — спит как ни в чем не бывало.

— Но я вовсе не хочу, чтобы они думали, будто у меня все хорошо! *Ничего хорошего!* Я чувствую себя дерьмово! Хуже не бывает!!! Разве они этого не видят? Я лысая, у меня нет сиськи, черт возьми, и… и я так боюсь, что уже никогда не поправлюсь, что будет еще больнее и что я умру! Но я так *не хочу* умирать! Разве они этого не понимают? — Кармен захлебывается в рыданиях.

— Успокойся, дорогая, успокойся, — нежно говорю я. Она наконец разрешает обнять себя.

— Я уже действительно не знаю что к чему, Дэнни, — всхлипывает она. — Ну что, мне постоянно жаловаться? Убеждать всех в том, что дела плохи?.. И тогда меня вообще перестанут расспрашивать… все будут думать: вот опять эта дура со своим нытьем…

— Карм, тебе вовсе не нужно стыдиться того, что ты не всегда хорошо себя чувствуешь, согласна? Просто ты не получишь поддержки от других, если они не будут знать истинную картину.

— Хм… Может, ты и прав и мне следует быть более честной со всеми… — Она смотрит на меня. — Так будет лучше, да?

Я киваю. Она прижимается ко мне, кладет голову мне на плечо.

— Я не осмеливалась говорить об этом, — произносит она через пару секунд, — но… я всерьез думаю о том, чтобы оставить «Эдвертайзинг брокерз».

— Ты абсолютно права, — говорю я без колебаний.

Она резко выпрямляется и смотрит на меня с удивлением.

— Да, — добавляю я, — тебе давно следовало принять такое решение. Это твой бизнес. Если тебе станет лучше, ты всегда сможешь начать все заново.

Кармен смотрит прямо перед собой. Я вижу, что она размышляет.

— Да, — произносит она с внезапной решимостью, — и тогда я смогу ходить в спортзал и раньше забирать Луну домой, ходить по магазинам, читать и… просто заниматься собой. — Она

постукивает пальцами по приборной доске. — Да! Пора остановиться. Они и без меня справятся!

Я удовлетворенно хмыкаю.

И так случилось, что в первый же день нового тысячелетия Кармен (в свои тридцать пять) бросила работу.

Часть 2
ДЭН И КАРМЕН, ДЭН И РОЗА

1

Был карнавал, и в городе царила атмосфера всеобщей любви, как будто невидимые агенты какой-то гигантской тайной организации зажигали сердца людей…

Шандор Марай, роман «Угольки» (1942)

Улицы Бреды заполнены пьяными толпами, распевающими песни викариями, сексапильными цыпочками, похотливыми проказниками и прочими колоритными типами, которых не встретишь в Амстердаме. Я и Мод сбежали сюда три дня назад. Кармен, Фрэнк и Рамон не поехали с нами. Кармен не любит карнавалов (я покривил бы душой, если бы сказал, что сам их люблю), Фрэнк выпендривается, а Рамон родом из Чили. Мне плевать, появится ли в этом году на карнавале Томас.

Я и Мод с нетерпением ждали этого события. Пока ехали в машине, слушали диск «The Worst of Huub Hangop»[24]. Я заказал себе шикарный карнавальный костюм тигра, на мне черная рубашка с рюшами, а волосы я сбрызнул серебристым лаком. Мод в костюме медсестры, но юбка слишком короткая, я что-то не припомню, чтобы медсестры в Синт Лукасе расхаживали в таких вызывающих мини. Мы закидываем вещи в отель «Ван Хам» и отправляемся прямиком в «Де Боммел».

► **«Де Боммел»** — лучший паб в пределах наших государственных границ. В Бреде поход в этот паб называется боммелинг, маленький стаканчик — боммелтье, а бармен из «Де Боммел» — фигура куда более популярная, нежели центрфорвард «НАК». И ребята ловко этим пользуются, черт возьми. «Ради бога, оставьте нас в покое» — такую листовку мне вручили однажды, когда в баре было не протолкнуться, а я обнаглел настолько, что побеспокоил бармена банальным заказом. Во время карнавала каждый уважающий себя житель Бреды (и те, кто из бывших) приходит сюда, чтобы на людей посмотреть и себя показать. В эти праздничные дни публика здесь гораздо круче и сексуальнее, чем в клубах Амстердама, и, что характерно для провинции Брабант, все аутентично.

Роза здесь. Она снова в шляпе. Серо-голубой солдатской шляпе. Наподобие тех, что носят сержанты в компьютерной игре «Стратегия». Разве что на ней она выглядит гораздо сексуальнее. В прошлом году, будучи вдрызг пьяным, я напел столько дифирамбов этой шляпе, говорил, что не видел ничего более сексуального со времен «Невероятной легкости бытия». Ни черта мне это не помогло!

> ► **Роза** тоже из Амстердама, я это уже успел выяснить. Жаль, что мне она там ни разу не встретилась. Я вижу ее только на карнавале. И каждый год влюбляюсь в нее ровно на три дня. И каждый год она со смехом отвергает мою любовь. Понятия не имею почему.

В этом году у меня настолько крутой прикид, что я не вижу причин для провала. Мой девиз таков: «Сразить всех наповал».

— Привет, Роза. (*Эти светлые волосы…*)

— Э-э… (*Эти голубые глаза.*) А-а… Дэн, да? (*Эти длинные ресницы…*)

— Так точно. (*Эти сексуальные губы…*)

— Дэнни из Амстердама… (*Я вижу, как она разглядывает мой наряд, все идет по плану.*) Который был женат…

Она берет мою руку и разглядывает мое обручальное кольцо.

— Ошибочка. Тот, который *женат.*

О да. Вот в чем дело. У нее есть принципы. Ненавижу принципы[25].

— И что? — игриво произносит она. — Хочешь попытаться соблазнить меня сегодня? *(План меняется.)*

— Нет, потому что тебе не нравятся обручальные кольца. У меня идея — почему бы нам не выпить как-нибудь в Амстердаме? Со мной весело. — Я демонстративно убираю руки за спину. — И даю стопроцентную гарантию платонических отношений.

Она заразительно хохочет. *(Есть!)*

Я достаю из кармана свою визитную карточку, пишу на ней: *«Дает предъявителю право на один платонический коктейль»* — и вручаю Розе.

Ухмыляясь собственной крутизне, я возвращаюсь к Мод. Она увлечена страстными поцелуями с огромным медведем в футболке «НАК». Когда она заканчивает исследование его ротовой полости, я вижу лицо кавалера.

Значит, Томас тоже здесь.

2

Шалун с замашками плейбоя,
Чем не Антон я из Тироля?…

DJ Ötzi, песня «Anton aus Tirol» из альбома «Das Album» (1999)

Карнавальный угар настолько выматывает, что я заранее настраиваюсь на тяжелое похмелье, в котором сейчас и пребываю. Я лежу один в своем гостиничном номере. Кровать Мод пустует, в ней так никто и не спал. У меня возникает непреодолимое желание отправить Анне эсэмэску, сообщив о том, что если она хочет поговорить со своим мужем, то лучше звонить на мобильный Мод. С приветом от Дэнни.

Я встаю и подхожу к окну. После вчерашней процессии улица напоминает мусорную свалку. Пьяный клоун разлегся у подъезда, а какой-то жираф ведет под руку растрепанную ведьму.

Я вроде бы обещал Кармен, что сегодня вернусь домой. Вторник — пограничный день карнавала в Бреде. Официально праздник еще продолжается, но в городе уже чувствуется, что веселье идет на спад. Сегодня на улицы выходят те, кто еще не нагулялся и кому совсем не хочется возвращаться домой. Обычно я попадаю в первую категорию, но в этом году подхожу под обе. Я не хочу возвращаться в свою повседневную жизнь. Я хочу остаться здесь. Я звоню Кармен:

— Здравствуй, дорогая!

— Привет!

— Как ты?

— Неплохо. — В ее голосе нет враждебных ноток.

— А как малышка?

— У нее все замечательно. За эти два дня она отлично выспалась. Ну, как там Бреда?

— Фантастика. В этом году снова все прошло на ура.

— Здорово. Я рада, что ты развлекся! В котором часу ты приедешь?

— Э-э… я подумываю о том, чтобы задержаться на денек-другой. В «MIU» все равно возвращаться не раньше среды. Ты не возражаешь?

Молчание.

— Кармен?

Гудки.

Я глубоко вздыхаю. Кладу трубку. Завтрашний день обещает быть хуже, чем день после финала Кубка мира 1974 года[26].

3

Я так возбуждаюсь, что теряю контроль,
Но, кажется, мне это нравится…

The Pointer Sisters, песня «So Excited» из альбома «So Excited» (1982)

Мод я увидел утром, когда она пришла за вещами.

— Ну, и как Томас? — поддразнил я ее. — Был на высоте?

Она пожала плечами.

— Он умолял меня не говорить тебе, что я была с ним, — сказала она. От злости в ее голосе мне стало легче. Я рассказал ей, что Кармен в бешенстве от моего решения остаться еще на день.

— Чем мы все тут занимаемся? — рассмеялась Мод, качая головой, после чего отправилась на вокзал и поездом вернулась в Амстердам.

Через час я стоял один в пабе «Де Боммел». Кроме меня там были еще трое пьяных парней и голова жирафа. Ближе к вечеру начал подтягиваться народ, и заведение кое-как заполнилось. От скуки я разговорился с девушкой с огромным, как у ведьмы, носом. Но одета она была вовсе не как ведьма.

Сегодня среда. Я завтракаю в пустом зале ресторана. Уборщицы и плотники ликвидируют последствия карнавала. Что ж, мне предстоит в одиночку возвращаться в Амстердам, и вечером я уже буду под бдительным оком Кармен. Я отправил ей сообщение, что ненадолго заскочу на работу и дома буду Около шести. Она не ответила.

В Амстердаме я сразу двинулся в направлении Олимпийского стадиона. В «MIU» сейчас как раз перерыв на ланч. Я сажусь на стул и рассказываю карнавальные байки — естественно, те варианты, что уместны в широкой аудитории. Потом иду к своему компьютеру и открываю почту. «Холланд казино», «KPN», «Сентер паркс», помимо этого полно всякой белиберды и еще письмо от незнакомого адресанта, roseanneverschueren@hotmail.com. Я открываю письмо и ухмыляюсь. Roseanneverschueren — это Роза!

От кого: roseanneverschueren@hotmail.corn

Кому:
Dan@creativeandstrategicmarketingagencymiu.nl
Дата: Среда, 8 марта 2000, 11:47
Тема: Как спалось?

Привет, Тигр, я нашла твою визитку…

Сижу в ознобе за четвертой чашкой кофе, курю энную по счету сигарету в окружении недовольных и слишком серьезных типов. Хочу обратно на юг! Ну, как ты догулял на карнавале? Всех девчонок перецеловал?

Пока, Роза.

P. S. Кажется, ты приглашал на платоническую выпивку?
Я не против. Может, в пятницу вечером?

ЕСТЬ! Удар точно в цель! Мой день спасен. Я перечитываю письмо три раза и тщательно формулирую ответ. Обойдемся без прыти. Назначай свидание небрежно, не дави и не демонстрируй нетерпения. Почти час я корплю над ответом, и наконец мне удается вывести правильную формулу, в которой удачно сочетаются энтузиазм, платоническая коммуникабельность и невинный восторг. Я перечитываю свое письмо, нарочно вставляю орфографическую ошибку, чтобы придать ему спонтанности, и отправляю.

От кого:
Dan@creativeandstrategicmarketingagencymiu.nl
Кому: roseanneverschueren@hotmail.com
Дата: Среда, 8 марта 2000, 15:26
Тема: Как спалось?

Договарились, в пятницу!

До встречи, Дэн.

После чего с тяжелым сердцем отправляюсь домой.

Луна радостно встречает меня. Чего не скажешь про Кармен. Пожалуй, сейчас лучше не упоминать о своих планах на пятницу.

4

Я еду в машине, и руки мои к тебе тянутся,
А ты говоришь, тебе это не нравится.
Но, детка, я знаю, какая ты лгунья,
Ведь столько огня в твоем поцелуе…

Bruce Springsteen, песня «Fire» из альбома «Live 1975–85» (1986)

— Увидимся завтра вечером после ужина. Сегодня из Бреды приезжает мой племянник, поэтому я сначала схожу выпью с ним пивка, — говорю я Фрэнку за ланчем нарочито небрежным тоном. — Потом пришлю тебе эсэмэску, узнаю, куда вы пойдете. В котором часу вы встречаетесь с Хаканом и Рамоном?

— В семь в клубе «Инез», — отвечает Фрэнк.

► **Клуб «Инез».** Еда там настолько экзотическая, что в каждом блюде присутствует хотя бы один ингредиент, о котором я никогда не слышал. К счастью, на выручку приходит Фрэнк, который там завсегдатай.

По электронной почте я отправляю Розе письмо, спрашиваю, не хочет ли она заглянуть в «MIU», посмотреть наш офис, прежде чем мы отправимся в «Вак Зуид». Еще я прошу ее позвонить, если она вдруг решит прийти пораньше. Это я на всякий случай, чтобы не получилось так, что она придет в половине седьмого и мне придется краснеть и выкручиваться перед коллегами, объясняя, кто эта дама.

Но все идет как по маслу. Сейчас без четверти семь, и все уже разошлись по домам. Фрэнк тоже собирается уходить. В этот момент звонит Роза и предупреждает, что опоздает на полчаса. Это очень кстати, хотя мне стыдно, что я оказался в туалете, когда она позвонила, и к телефону подошел Фрэнк.

Фрэнк качает головой и смеется.

— Желаю тебе хорошо повеселиться с племянником, — говорит он, захлопывая за собой дверь.

Мой пунцовый румянец постепенно бледнеет. Я ставлю диск группы «Дафт Панк», делаю музыку погромче, достаю из холодильника банку «Будвайзера». Мне любопытно увидеть, как Роза смотрится без карнавального костюма. Почему-то я уверен, что не разочаруюсь.

И она не подводит. Раздается звонок, я подхожу к стеклянной двери офиса и вижу ее, Златовласую богиню из Бреды. На ней длинный черный пиджак и черная кепка. Роза смеется. Я улыбаюсь и открываю дверь:

— Здравствуйте, мадам.

— Здравствуйте, сэр.

Я запечатлеваю на ее щеках три платонических поцелуя. Угощаю пивом и провожу экскурсию по офису, весело и непринужденно рассказывая историю «MIU». Вижу, что ей это нравится. Все идет по плану.

■

В «Вак Зуид» толпа. Я планирую присоединиться к Фрэнку и его компании часов в девять, поскольку у меня возникает ощущение, что Розу можно уложить в постель. Это ощущение приходит очень быстро. Да, Роза идет на контакт, но боюсь, мое обручальное кольцо портит все дело. Я говорю ей, что начинаю опасаться, как бы ее имя не перекочевало из моего списка *важных* клиентов в список *платонических*.

> ► **«Вак Зуид».** Географическое расположение этого кафе — прямо напротив офиса «MIU» — превратило его в нашу местную забегаловку. Это заведение из разряда «слава богу, сегодня пятница». В последний рабочий день недели, ровно в пять, оно заполняется мужчинами в полосатых рубашках с белыми воротничками и запонками и женщинами в деловых «двойках». Когда я попал туда первый раз, я ужаснулся. И только потом до меня дошло, что после пяти порций вермута «Бакарди» женщины в «двойках» становятся такими же раскрепощенными, как среднестатистическая блондинка с ремнем от «Москино» из кафе «Бастилия». С тех пор это кафе мне нравится.

— Ты похож на большого щенка, — смеется она.

— На щенка?

— Такой же игривый, бросаешься на всех, облизываешь…

— Да ты, оказывается, любительница щенков, — говорю я, глядя ей в глаза. Она начинает краснеть. Она моя, можно брать голыми руками!

— Ээ… да. Но *женатые* щенки — это не для меня.

Я начинаю подумывать о том, что пора присоединяться к ребятам. Какого черта я здесь торчу? Пожалуй, скажу ей, что через полчаса мне нужно быть дома. Да, так и сделаю.

— Послушай, Роза…

— Да? (*Эти волосы. Эти глаза. Эти изумительные зубы.*)

— Может, пойдем перекусим где-нибудь?

■

Мы отправляемся в «Де Книйп» на Ван Баерлестраат. Обычно туда заходят только те, кто направляется в Концертный зал или возвращается оттуда, так что у меня нет шансов встретить там кого-то из знакомых. Мы оба заказываем стейки с жареным картофелем. Роза рассказывает о своем последнем романе, с парнем из Фрисленда. Она надеется, что все перегорит.

— Расскажи мне о своей жене.

Ты сама попросила.

— Ты готова выслушать грустную историю?

— Только, пожалуйста, не из серии «моя жена меня не понимает», ладно?

— Да нет же! — слегка раздражаюсь я. И начинаю. Рассказываю про рак. Про химиотерапию. Про страх. Ампутацию груди. Наши отношения.

Ее ладонь ложится на мою руку.

Приходит эсэмэска от Рамона.

> **Ну что, трахаешься, мерзавец? Мы идем в NL. Ты с нами?**

Я отвечаю, что не приду. Я уже знаю, что шансы Зинедина Зидана[27] подписать контракт с «Аяксом» значительно выше, чем мои шансы трахнуть Розу сегодня вечером.

— Не хочешь потанцевать?

Она говорит, что обожает танцевать. Я тоже, хотя в последний раз танцевал в Майами, да и то под кайфом от экстези. Я никогда не был в клубе «Мор», но не осмеливаюсь пойти туда сейчас, потому что там после двух ночи появляется Фрэнк. Я говорю, что предпочитаю «Парадизо».

> ► Некоторые люди до сих пор не верят в то, что нога человека ступала на поверхность луны. Примерно так же я отношусь к **«Парадизо».** Я упорно отказываюсь верить в то, что «Роллинги», Принс и мой любимый Спрингстин развлекали здешнюю публику после своих концертов на стадионе «Де Куйп» в Роттердаме, и уверен в том, что всем, кто утверждает, будто бывал на этих концертах, приплачивает «Парадизо», заинтересованный в том,

чтобы такие слухи курсировали по городу. Или чтобы позлить меня. Видит Бог, я был бы на седьмом небе от счастья, если бы мне удалось достать билет на «Де Дийк».

Мы продолжаем разговор за столиком в верхнем зале. Она кладет руку мне на колено, совершенно непринужденно, как если бы мы были знакомы много лет. Я кладу руку сверху, стараясь, чтобы этот жест не выглядел недвусмысленным.

— Потанцуем? — предлагаю я.

Мы спускаемся на танцпол. Кажется, мы больше говорим, чем двигаемся. Очень скоро мы оказываемся с краю и просто стоим. Болтаем. О том о сем. Но наши глаза не участвуют в разговоре. Они горят страстью и желанием. С этим ничего не поделаешь. Это выше нас. На середине фразы я прижимаю ее к стене и целую. Роза обмякает и сдается. Мы целуемся. Целуемся. Целуемся. Долго. Потом я смотрю на нее и пожимаю плечами — мол, не знаю. Она качает головой. Тоже не знает. Мы снова целуемся. Чуть позже мы уходим.

Она живет на улице Эрсте Хелмерсстраат в квартале Уд-Вест. Я нахожу свободное место, паркую машину, расстегиваю молнию на ее брюках и запускаю руку под резинку трусов между ее бедер. Там влажно. Внезапно она отталкивает меня. Ее глаза полыхают желанием.

— Не будем этого делать, — говорит она.

Я кладу ее руку на свой член, который рвется наружу из-под ткани штанов. Она смеется и убирает руку. Я глубоко вздыхаю. Время вышло. Уже десять минут пятого. Я никогда не возвращаюсь домой позднее четверти пятого. Кармен знает, что все клубы, где я бываю, закрываются в четыре утра.

Я снова целую Розу, она выходит из машины, я смотрю ей вслед, посылаю воздушный поцелуй и еду домой.

Я в полной прострации.

5

Красная тревога, красная тревога,
Это катастрофа,
Только всем без паники…

Basement Jaxx, песня «Red Alert» из альбома «Remedy» (1999)

Я сижу в машине. А она дома, как говорит. На этой неделе мы активно переписывались. В понедельник она написала, что ей все очень понравилось, просто нужно было пораньше вернуться домой. Она не сожалела о том, что произошло между нами, но повторила, что не хочет заводить роман с женатым человеком. Она не знает, стоит ли нам видеться. Я не поверил ни единому ее слову, но мне не хотелось об этом писать. И только сейчас, набирая ее телефонный номер, я понимаю, что поступаю правильно. Она рада, что я позвонил. Сегодня четверг, и уже вечер. Мы болтаем ни о чем. Я рассказываю кое-что о работе и Луне, она говорит о своих коллегах. Тем временем я выхожу из машины с букетом цветов, который только что купил в ночном магазине на Стадионплейн.

— Послушай, напомни номер твоего дома.

— М-м… семьдесят девять. А зачем тебе?

Я звоню в дверь подъезда.

— Подожди секунду. Кто-то звонит в дверь.

— Хорошо, подожду.

В домофоне раздается ее голос:

— Да?

Я говорю «привет» в мобильник, и это слышно в домофоне.

На мгновение становится тихо.

— Эй?!

— Просто открой дверь.

— Это… это ты?

— Нет, Гарри Белафонте.

— Боже…

Она нажимает кнопку, и я захожу в подъезд.

— Ты сумасшедший, — говорит она, встречая меня на лестничной площадке, пока я поднимаюсь по ступенькам со счастливой улыбкой на лице. По ее глазам я вижу, что это

удачный ход с моей стороны.

Я кладу цветы на стол и целую ее. Она в халате, и у нее влажные волосы. Не прерывая поцелуя, я подталкиваю ее назад, пока мы не садимся на диван. Ее халат чуть распахивается. Она перехватывает мой взгляд, со смехом запахивает полы халата и крепко прижимается ко мне. Я глажу ее волосы и целую в макушку. Сто лет я уже не сидел вот так с Кармен. Хотя мне это очень нравится.

Мы снова целуемся, на этот раз более страстно. Моя рука проскальзывает под халат. Роза не возражает. Я ощупываю ее груди. Они мягкие. Я сразу же в них влюбляюсь. Я целую ее шею, нежно покусывая.

Внезапно Роза встает.

— Э-э… хочешь кофе? — спрашивает она.

— Если ничего лучшего ты не можешь предложить, тогда да, — отвечаю я со смехом.

Я заглядываю в ее фонотеку и вижу диск «Луч света» Мадонны. Включаю музыку Роза наливает две чашки кофе и садится рядом со мной; халат ее застегнут на все пуговицы. Я снова притягиваю ее к себе. Процесс повторяется. Поет Мадонна. *Я так хотела этого, гналась, стремилась получить как можно больше… твое лицо… мой суррогат любви*[28]. Я нежно ласкаю Розу. Она лежит на диване, голова ее покоится на моей груди. Я расстегиваю пуговицу халата, и, с закрытыми глазами, она шепчет: «Не надо…»

Пока звучат следующие две песни Мадонны, Роза целует меня. Моя рука опять тянется к ее грудям. *И я как будто снова дома…*[29] Потом спускается ниже. Она вздыхает и запрокидывает голову. На этот раз она не останавливает мою руку, которая уже подбирается к низу живота. *Прикоснись к моей коже, я закрываю глаза, мне нужно чувствовать нашу связь… Прикоснись ко мне, я пытаюсь заглянуть в твою душу… Я закрываю тебе глаза… Мы где-то встречались раньше?..*[30] Я опускаюсь на колени и раздвигаю ей ноги. Средним пальцем нащупываю клитор. Она качает головой.

— Я не могу оторваться от тебя. Скажи мне, чтобы я ушел, или я за себя не ручаюсь. — Я вздыхаю. Сейчас я напоминаю себе похотливого Патрика Клюйверта[31] после тусовки в ночном клубе. Его либидо в молодые годы было столь же впечатляющим, как и голевые передачи. В последнее время и то, и другое присутствует в умеренных пропорциях.

Роза пристально смотрит на меня. Потом хватает меня за ворот рубашки и притягивает к себе. Ее халат соскальзывает с плеч, и теперь она совершенно голая. Она расстегивает мою

рубашку, я судорожно стягиваю брюки и раздвигаю ей ноги. Я нервничаю. Какой-то миг я медлю, давая ей последний шанс сказать «нет». *Наблюдаю знаки, по которым иду…* Она не качает головой. Бросает на меня встревоженный взгляд и кивает, едва заметно. *Я думаю, что следую за своим сердцем…* Я медленно вхожу в нее. *Какое дивное место для начала…*[32] Внутри Розы я и сам как будто на небесах.

Я снова убеждаюсь в этом, когда оказываюсь в ее постели, и еще три раза в следующую субботу, когда якобы нахожусь по делам в городе. Дело скверно, быть беде.

Господи, что я затеял?

6

Она говорит, что будет любить меня вечно,
Но она не знает про нас с тобой,
Про то, как меня тянет к тебе бесконечно,
Про то, как мне хорошо с тобой.
Про то, что, когда мне становится невмоготу,
Я снова к тебе бегу…

Bryan Adams, песня «Run to You» из альбома «Reckless» (1984)

Неверность ровным счетом ничего не значит. Это такое же невинное развлечение, как и мастурбация, разве что в процессе задействовано женское тело.

Любовная связь — это уже совсем другая история. Когда вместо банального траханья ты начинаешь *заниматься любовью.* Тебя интересует не женское тело как таковое, и даже не *женщина* вообще. Тут кроется нечто иное, чего я всегда старательно избегал. Моя потребность в физической измене уже давно сформировалась в пагубную привычку. Женщины могли поразить любой мой орган, кроме сердца. Пусть телом и разумом я был монофобом, но сердцем всегда оставался моногамным. И оно было занято Кармен. Роза знает, что между нами никогда бы не случился роман, если бы не болезнь Кармен. Но Кармен *больна.* И весной 2000 года молодая женщина Роза — электронный адрес Roseanneverschueren@hotmail.com, прозвище Богиня, в моей записной книжке Борис — становится первой в моей жизни любовницей.

Мы идеально дополняем друг друга. Роза дает мне то, чего я лишен дома, и я снова — пусть даже урывками — получаю удовольствие от жизни. Она балует меня своей женственностью, и она именно та женщина, которая нужна мне сейчас, в тяжелый период борьбы с раком. Роза — моя суррогатная королева.

Я же, со своей стороны, окружаю ее вниманием и заботой. Она получает лучшее, что есть в Дэне, и со мной чувствует себя

настоящей женщиной. «Ты называешь меня Богиней, и я действительно ощущаю себя богиней, когда я с тобой», — восторженно говорит она, когда я прихожу к ней с розой и подарком из магазина нижнего белья. Она с радостью и полной самоотдачей играет свою роль. Она позволяет мне решать, что мы будем делать, где, когда и как. Она спрашивает у меня, что ей надеть, когда мы выходим из дому. Она советуется со мной, какого цвета белье ей лучше купить. Она делает такую интимную стрижку, которая больше всего меня заводит.

Наша связь — как наркотик. Уже спустя несколько недель я зависим от Розы, зависим от того кайфа, который рядом с ней испытываю. Я стараюсь проводить с ней как можно больше времени. Из лабиринтов памяти извлечены все стандартные отговорки, к которым прибегают неверные мужья. Все чаще мне «нужно пораньше в офис». Или «в город, послушать новые диски». Традиционная пятница Дэнни становится прикрытием. Так же, как и домашняя игра «Аякса». Я прочитываю сводку о матче в телетексте и заучиваю ее наизусть перед возвращением домой. Мы устраиваем свидания поздним вечером, после ужина с клиентом. Время от времени, иногда два раза в неделю, нам удается провести вместе весь вечер. Тогда мы идем в такой паб или в ресторан, где надеемся не встретить никого из знакомых, и подолгу болтаем. В основном о сексе. О сексе, который был, о сексе, который будет, о сексе в наших фантазиях. И если не говорим о сексе, то им занимаемся. До изнеможения. У нее дома, в моей машине, в моем офисе, в Вонделпарке, в Амстердаме Бос, везде.

На работе мы ничего не делаем, только переписываемся. Каждый день десятки писем. Как дела у меня дома, когда мы встретимся, как у нее на работе, как у меня на работе, как опоздал ее поезд. В общем, все, о чем можно было бы потрепаться за ужином, если бы у нас была такая возможность. Половину рабочего времени я трачу на проверку своей электронной почты, ожидая нового письма от нее. Мой КПД в «MIU» опускается до уровня Брайана Роя[33].

В выходные, когда я не имею возможности переписываться с Розой по Интернету, я посылаю ей эсэмэски. Десять, двадцать на дню. Когда я в туалете, когда Кармен в туалете, когда выхожу из машины, вспоминая, что «кое-что забыл», когда купаю Луну, когда чищу зубы. В общем, каждую минуту, когда бываю один.

Доброе утро, Богиня! Я тебе снова снился? Позвоню, когда вернусь из яслей.

Уф, пожалуй, стоит номинировать тебя на Нобелевскую премию за минеты.

Ты была неподражаема. Хороших тебе выходных, Богиня.

Боюсь, не смогу тебе сейчас позвонить. Кармен дома. Завтра я снова твой.

Еще напишу. Целую.

Розе ничего не остается, кроме как ждать. Ждать, пока я позвоню, ждать, чтобы узнать, встретимся ли мы сегодня и не возникнут ли у меня в последнюю минуту обстоятельства, ждать моих эсэмэсок.

У нас строгое правило: Роза ни в коем случае не звонит мне и отвечает на мое сообщение, только если в нем содержится знак вопроса, причем не позднее чем через пять минут.

Ты дома?

Я страшно боюсь, что однажды все откроется. В своей телефонной книжке я шифрую Розу по-разному: один месяц она проходит как Борис, по имени нашего стажера, в следующем месяце она уже Арьян КПН, мой клиент. После каждого звонка я стираю запись о нем в телефоне. Точно так же я немедленно удаляю ее эсэмэски после прочтения. Несколько раз на дню я удаляю электронные письма, которые приходят от нее. Я никогда не пишу ей с домашнего компьютера.

По моей просьбе она сразу приезжает. В любое время дня, в любое место, где бы я ни находился. Если я возвращаюсь от своего клиента из Эйндховена, она садится на поезд до Утрехта, чтобы сорок пять минут посидеть со мной в привокзальном кафе, а потом доехать со мной на машине до Амстердама.

Она отменяет встречи с подругами, потому что не знает, сколько продлится мой ужин с клиентом и сможем ли мы встретиться. Это может произойти и в половине одиннадцатого вечера, и в половине первого ночи.

Мои свидания с Розой всегда заканчиваются одинаково. Я вырываюсь из ее теплой постели, в душе долго скребу член и лицо, отмываясь от запахов, и ухожу в холод ночи. Один. В машине, все еще возбужденный желанием и воспоминаниями о сексе с Розой, я с ужасом думаю о возвращении домой. Это самые страшные минуты в моей жизни. С тяжелым сердцем я ищу парковочное место на Амстелвеенсевег. Прежде чем выйти из

машины, выжидаю, еще раз продумываю свое алиби, ищу в нем слабые места, повторяю про себя заученный текст, больше всего на свете боясь проколоться.

Потом раздеваюсь внизу, стараясь сделать это бесшумно, крадусь по лестнице, особенно тщательно чищу зубы, тихо проскальзываю в постель и еще примерно полчаса лежу с открытыми глазами, повернувшись спиной к Кармен. Я все думаю, не упустил ли я чего-нибудь, не пахнет ли от меня Розой. Особенно в будни, когда я возвращаюсь позднее чем в четверть второго ночи, в то время как пабы закрываются в час, и Кармен об этом знает.

Полностью успокоиться мне удается только утром, когда я чувствую, что обстановка дома нормальная и мое алиби снова прокатило. Вот тогда я чуть ли не летаю на крыльях. Я исключительно внимателен к Кармен, я играю с Луной, я бодр и весел, независимо от того, сколько выпил накануне и насколько поздно явился.

Моя жизнь снова расцвечена красками.

7

Когда я с тобой,
Я живу в экстазе…

Sister Sledge, песня «Thinking of You» из альбома «We Are Family» (1979)

Я долго и тщательно планировал этот уик-энд, продумал все до мельчайших деталей. Луну должна забрать к себе мать Кармен, я заранее разжился таблетками экстези у дилера Рамона, выяснил, где Фрэнк и Рамон будут зависать в субботу, чтобы вместе с Розой держаться подальше от этого места.

Кармен на ежегодном выездном уик-энде в Монако с «Эдвертайзинг брокерз». Ее девчонки были вне себя от радости, когда узнали, что Кармен составит им компанию. Там, где Кармен, всегда весело. Все это знают. Я только что отвез ее в аэропорт Скипхол и оттуда сразу мчусь к Розе.

Когда я захожу в квартиру, она кричит с кухни, чтобы я шел в постель. Не могу сказать, что это наказание, и я рад, что мной командуют. Неплохо для разнообразия. Спустя несколько минут она заходит в спальню. Она в рубашке на голое тело, и в руках у нее такой большой поднос, что ей едва удается протиснуться в дверь. Я вижу рогалики, лососину, авокадо, плавленый сыр, свежевыжатый сок и бутылку шампанского, перевязанную бантом.

— Это по случаю твоего предстоящего дня рождения, — говорит она. — Я не могу преподнести тебе подарок, который ты взял бы домой. Поэтому решила поздравить вот так… — Она дарит мне игривый взгляд и медленно расстегивает рубашку. — С чего ты хочешь начать?

Я одновременно растроган и невероятно возбужден.

— С еды, — говорю я, ныряя головой между ее бедер и задерживаясь там надолго.

Все утро и вторую половину дня мы блаженствуем — занимаемся любовью, едим, спим, болтаем, смеемся, целуемся, спим и снова занимаемся любовью. Я чувствую себя самым счастливым человеком в мире.

Когда мы собираемся вечером выйти в город, мне приходит сообщение. Кармен. Она пишет, что вместе с коллегами здорово проводит время; она купила в Монте-Карло юбочку для Луны, а себе дорогущие сапоги и джинсовую куртку «Дизель». Я широко

улыбаюсь, объясняю Розе почему — она смеется, растроганная, — и отправляю Кармен ответ:

Горжусь тобой и рад, что тебе весело. Целую тебя, любовь всей моей жизни!

Я гордо показываю Розе то, что написал Кармен. Ошибка.

— Хм… Красиво ты называешь свою Кармен, — с горечью произносит она. — Что ж, по крайней мере, теперь я знаю свое место.

Я уже готов прочитать ей лекцию о концепции времени, о том, что Кармен *пока* любовь моей жизни, и кто знает, что будет дальше, но мне почему-то кажется, что сейчас выступать ни к чему. Впервые у нас совместный уик-энд — так какого черта мне опускать ее с небес?

— А это сообщение все равно ничего не меняет, — говорит она с наигранной беспечностью, когда мы сидим в кафе «Вебер» на Марникксстраат. — Я прекрасно знаю, что никогда не заменю тебе Кармен.

— Но ты ведь понимаешь, что ты очень много для меня значишь…

— Да, понимаю. Правда, только я одна. Твои друзья даже не знают о моем существовании. Ни как женщины, ни как человека. Каково это, как ты думаешь? — Она испытующе смотрит на меня. — И я даже не могу рассказать своим родителям. Что у меня роман с женатым мужчиной, у которого жена больна раком. Вот бы они порадовались за меня. Моя сестра даже слушать меня не захотела, когда я намекнула на это. Сразу же меня оборвала. А подруга, которой я все рассказала, считает, что это верх неприличия. Она не понимает, как я могу так поступать, и считает недостойным поведение мужчины, который занимается этим, в то время как его жена больна.

— Пфф… — только и могу произнести я, допивая свой портвейн.

— Да уж. Пфф. Хороший ответ. А потом ты даешь мне почитать сладкие сообщения, которые посылаешь Кармен. Представляешь, как меня это заводит? — говорит она и подмигивает. — Так что сегодня даже не пытайся уйти домой пораньше. В кои-то веки дождалась, что ты только мой.

► **«Вебер» и/или «Лакс».** Два лаунж-кафе на Марникксстраат. Я никогда не могу с точностью сказать, в каком из них нахожусь, так они похожи. Вот уже в который раз ловлю себя на мысли, что не понимаю, в чем смысл этих лаунж-кафе. Если хочешь поваляться на

диване, лучше остаться дома!

Поскольку передо мной не стоит задача явиться домой до четырех утра, кажется, что в нашем распоряжении куча времени. Мы перебираемся в «Лакс», куда я часто захаживал с Кармен. К счастью, как я и надеялся, мы не встречаем никого из знакомых. Именно по этой причине я исключил «Бастилию» из нашей вечерней программы. Мне совсем не улыбается наткнуться там на Рамона. Будучи моим регулярным алиби, он знает, как часто я изменяю жене, но не догадывается, что несколько последних месяцев я изменяю ей с одной и той же женщиной. И мне хочется сохранить это в тайне. Хорошо, что Роза предпочитает танцевать, а не слушать Андрэ Хазеса. «Парадизо» тоже не годится. Туда может прийти Мод. «Мор» исключен из списка, поскольку это любимое заведение Фрэнка. Я предлагаю отель «Арена». Насколько я знаю, из *наших* туда никто не ходит.

> ► Еще несколько лет назад **отель «Арена»** не считался престижным местом для модной тусовки Амстердама. Музыка восьмидесятых, туристы, скромные компании девчонок из Пурмеренда с дорожными сумками. Когда-то я часто бывал здесь. Сегодня это место стало куда более стильным, здесь играют музыку в стиле «хаус», а пиво стоит в два раза дороже. Учитывая, что квота роскошных женщин возросла прямо пропорционально этим метаморфозам, я решил пренебречь фактором дороговизны.

— Как ты отнесешься к тому, чтобы пробежаться по клубам, раз у нас целая ночь впереди? — спрашиваю я.

— О?.. Мм… Заманчивая идея…

Уже через час я убеждаюсь в том, что диджей Руг — бог, а моя собственная Богиня гораздо красивее, чем жены футболистов «Аякса», вместе взятые. Я недвусмысленно даю это понять своей перманентной эрекцией Розе и шепчу ей на ухо — в те редкие моменты, когда мой язык не погружен в ее рот, — как она прекрасна, как женственна, как очаровательна и умна и сколько раз я намерен ее трахнуть после клуба. Когда я смотрю на часы, моя счастливая улыбка становится еще шире. Всего лишь три часа! Когда у тебя роман, ты начинаешь ценить время. Особенно ночью. Обычно примерно в три часа приходится выбирать: продолжать пить/танцевать/болтать либо заняться сексом, потому что не позднее четверти пятого ты должен быть дома. Но сегодня время на нашей стороне. Когда приближается час закрытия, мы галопом несемся к поджидающим такси. Хотя

впереди еще вагон времени, не хочется терять ни минуты.

■

Вскоре мы уже у нее дома, и мой возбужденный член используется по максимуму. Мы не даем ему передышек.

Уже светло, когда я еду домой, не усталый, но в высшей степени удовлетворенный. Через час мать Кармен привезет Луну. После двадцати четырех часов с Розой папа снова становится папой. Сегодня вечером можно будет отоспаться.

Дома я первым делом звоню Кармен. Она рада моему звонку «Здесь просто *фан-тас-ти-ка»,* — сладко мурлычет она в трубку. И рассказывает, что у них сейчас ланч в садах замка с видом на залив Монте-Карло, а потом они едут в Канны. Я рассказываю, как до четырех утра танцевал в отеле «Арена». Ни слова про таблетку экстези и Розу. Кармен ненавидит наркотики точно так же, как ненавидит измену.

В тот вечер, когда я вместе с Луной встречаю ее в аэропорту, у меня щемит сердце. Я вижу, что она измотана. Прощаясь с коллегами, она храбрится. Целует каждого, шутит. Широкая улыбка не сходит с ее лица. Пока мы не скрываемся из виду. «О, Дэнни, я совершенно без сил… Далеко машина?»

Я говорю, что припарковал ее на стоянке для инвалидов, прямо у выхода. Кармен целует меня.

В тот вечер она ложится спать в половине девятого. Меня это вполне устраивает. Я тоже ложусь. Просыпаюсь в девять утра. Кармен спит до раннего вечера.

Ее коллеги насладились уик-эндом в обществе прежней Кармен. Роза насладилась мной. Я насладился Розой.

Да, я и Кармен еще получаем удовольствие от жизни.

Но, как ни грустно это признавать, уже не вместе.

8

Мы все мечтаем о любви,
Красивой, бесконечной.
Но знаю я, и знаешь ты,
Что в мире все не вечно…

Bruce Springsteen, песня «If I Should Fall Behind» из альбома «Lucky Town» (1992)

Похоже, Кармен пришла к выводу, что я нахожу отдушину в работе и клубных тусовках. Нельзя сказать, что это ее очень радует, но она принимает мой стиль жизни. Более того, она нашла выход из положения. Теперь она делает то же самое. Еще задолго до Монако она и Анна устроили себе уик-энд релаксации на острове Шиермонникуг. А неделей раньше она с матерью отправилась на шопинг в Лондон. На праздник Вознесения вместе с Мод ездила в Нью-Йорк.

Ей никогда не бывает скучно. Когда Луна дома, они развлекаются вместе. В те дни, когда Луна в яслях, Кармен ходит на кофе в «Эдвертайзинг брокерз» или на ланч с Мод. А иногда просто уезжает с матерью на целый день в Пурмеренд. И отдается шопингу. «Шопинг полезен для здоровья» — таков ее новый девиз. Не исключено, что портрет Кармен уже висит в зале заседаний совета директоров фирм «Донна Каран Нью-Йорк», «Дизель», «Риплей» и «Гуччи».

На свой второй в раковый период нашей жизни день рождения я получил в подарок от Кармен велосипед, но не секс. В последний раз секс был подарен мне на Рождество. Я уже и забыл, каково это — чувствовать руки Кармен, ее рот, быть в ней. Ладно, если начистоту, я и не предпринимаю особых усилий в этом направлении. Ни она, ни я больше не испытываем острой потребности в сексе друг с другом. У Кармен рак и всего одна грудь, а у меня есть Роза.

Мы по-прежнему живем вместе, но скорее как брат с сестрой[34]. Мы знаем, что в сложившейся ситуации просто не справимся друг без друга, и стараемся ссориться как можно реже. Кармен делает все возможное, чтобы не подчинить нашу жизнь раку, и старается быть жизнерадостной дома. Правда, иногда случается так, что болезнь, искусственная грудь или мои загулы

доводят ее до истерики, и тогда в мой адрес сыплются ругательства. Я полностью согласен с ее обвинениями. Я счастлив, что она отпускает меня из дому, как бы ни страдала от этого. Я знаю, что она делает это, превозмогая себя.

Со своей стороны, я стараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы Кармен не догадывалась о том, чем я занимаюсь вне дома. Не знаю, верит ли мне Кармен, когда я говорю, что был с Рамоном до четырех утра, что у меня опять ужин с клиентом, что придется какое-то время приходить на работу к восьми, что нужно сгонять в ночной магазин за покупками, но вопросы она задает редко.

Одно я знаю наверняка: так больше продолжаться не может. Это становится уже чересчур. «MIU», Роза, Кармен, Луна, мое чувство вины по отдельности и все вместе требуют моего внимания и душевных сил. Мне и Кармен необходимо объясниться, хотя я не представляю, как этот разговор может изменить нашу ситуацию. Я не могу оставить жену в беде, как не могу и признаться в том, что у меня роман, потому что это будет означать конец всему. И тогда я уж точно сломаюсь.

Но поговорить мы должны. Возможно, на следующей неделе, когда поедем вместе с Луной на неделю в «Клаб Мед» на юг Франции. Подальше от Розы, подальше от Амстердама и моих многоходовых комбинаций. Будем только мы втроем: Кармен, Луна и я. Да, на следующей неделе мы обязательно поговорим.

Меня пугает разлука с Розой, но ведь это то, чего я хочу.

Меня пугает разговор с Кармен, но я знаю, что он должен состояться.

Что-то должно измениться. Или рак погубит нас обоих.

Будь он проклят, этот рак.

9

Мне так нужна твоя любовь,
Что к черту всех послать готов…

Robbie Williams, песня «Come Undone» из альбома «Escapology» (2002)

Перед моим отъездом в «Клаб Мед» для прохождения короткого курса семейной терапии планируется еще одна ночная вылазка. Одна из тех печально известных пьянок «MIU», когда нам всем приходится срочно выдумывать повод для праздника. На этот раз мы отмечаем мой день рождения — месячной давности. Весь коллектив едет в Роттердам с ночевкой в отеле.

Но возникает проблема. Получается так, что я не увижу Розу почти десять дней. Я должен что-то придумать. Вечером накануне отъезда во Францию я точно не смогу выбраться из дома. Мне не удастся усыпить бдительность Кармен.

Я напрягаю мозги, и вдруг меня осеняет. Ночь с пятницы на субботу будет *бессонной.*

Я отправляю Розе письмо, в котором объясняю, что на этой неделе совместный вечер отменяется, но в ночь на субботу я на машине вернусь в Амстердам и с половины шестого утра до восьми сорока пяти буду в ее распоряжении. Она соглашается, хотя и без энтузиазма.

Я твердо обещаю Кармен, что буду дома за полчаса до отъезда в Скипхол. Она тоже не в восторге от моего плотного графика. У меня в голове уже составлен план действий.

День/время	**Действия**	**Место**
Четверг		
19.00–22.00	Муж/отец	А’веенсевег (гостиная)
22.00–08.00	Сон	А’веенсевег (спальня)
Пятница		
08.30–18.00	Работа	«MIU» (Олимп. стадион)
18.00–04.30	Выездной корпоратив	Роттердам («Де Энгел», «Байя»)
Суббота		

04.45–05.30	В пути/выпить «Ред булл»	А4 Роттердам — Амстердам (машина)
05.30–08.45	Секс с Розой/завтрак/душ	Амстердам Уд-Вест (постель)
08.45–09.00	Домой/пожевать ментоловые пастилки	Овертум/А’веенсевег (машина)
09.00–09.45	Собрать чемодан/выяснить отношения с Кармен	А’веенсевег (гостиная)
10.00–10.50	Регистрация/черный кофе	Скипхол
11.10	Вылет/отдых	Амстердам — Ницца (самолет)

После работы я вместе с Фрэнком еду забирать Луну из яслей, а оттуда домой, собрать вещи. Фрэнк болтает с Кармен, пока я наверху пакую чемодан. До меня доносятся обрывки их разговора. Кармен недовольна тем, что я остаюсь ночевать в Роттердаме. Фрэнк успокаивает ее и обещает, что поселится со мной в номере.

Я целую Луну и говорю, что папа вернется завтра, а потом мы втроем поедем отдыхать. Когда я целую Кармен, она едва смотрит на меня.

— Надеюсь, завтра ты приедешь вовремя? Хотелось бы не опоздать на самолет, — язвит она.

В машине я вздыхаю так, как вздохнул на последней минуте матча «Аякс» — «Торино»[35] в финале Кубка УЕФА 1992 года, когда мяч пронесся над головой Стенли Менцо[36], ударил в перекладину ворот и отскочил обратно в поле.

Фрэнк сжимает мою руку, я громко врубаю «Фан Лавин Криминалз», и мы вливаемся в пятничную вечернюю пробку на трассе А4. Но меня это не бесит. Главное, что я вырвался из дому.

Пьянка оборачивается для меня катастрофой. Я проглотил экстези и возбужден сверх меры. Мои коллеги с восторгом наблюдают за тем, как я тискаю Наташу в «Байя».

► **Наташа** (23) — наша новая стажерка. У нее пирсинг в пупке, и это ей очень идет.

Мод шепчет мне на ухо, что для моего имиджа будет лучше, если я сейчас же остановлюсь. Я соглашаюсь. Уже половина пятого, и меня ждет Роза. Прежде чем Мод успевает осознать, что я делаю, мой язык уже проскальзывает ей в рот. Фрэнк оттаскивает меня. Я смеюсь.

► **«Байя бич клаб».** Официанты (м/ж) с

накачанными торсами днем занимаются в спортивном колледже, а по вечерам разносят коктейли в пляжной одежде, под строгим запретом «смотри, но не трогай». Даже по меркам Роттердама выглядит это довольно вульгарно.

— Давай пошли в отель, — говорит он.

— Я не пойду в отель, я возвращаюсь в Амстердам.

— Ради всего святого, ты же пил всю ночь да еще выпил таблетку!

— У меня свидание. — Я с вызовом смотрю на Фрэнка. — С девушкой.

— Постой-ка, дай угадаю. У тебя роман.

— Да. Вот уже четыре месяца. И ее зовут Роза. Что-нибудь еще хочешь узнать?

— Нет. Я уже все знаю. Это та девушка, с которой я говорил по телефону в «MIU», пока ты был в туалете, и с которой ты с тех пор целыми днями переписываешься.

— Да. И что с того? (*Ну давай, говнюк, устрой мне разнос, если посмеешь.*)

Фрэнк не устраивает никакого разноса.

— Надеюсь, Роза помогает тебе выжить, Дэнни.

Вскоре я уже мчусь на скорости 180 километров в час по трассе A4 в сторону Амстердама Уд-Вест. На полпути я получаю эсэмэску. **МОД моб.**

Дэн, дружище, я давно в курсе. Та девушка с карнавала. Постарайся, чтобы Кармен ничего не узнала. И Томас с Анной. Удачи тебе и хорошего отдыха с Кармен. Целую.

10

Господь, Он милостив к тому.
Кто сомневается, не зная, что к чему…

Bruce Springsteen, песня «Brilliant Disguise» из альбома «Tunnel of Love» (1987)

Дверь в ее подъезд открывается под жужжание домофона и радостный возглас «Привет!». Я взбегаю по лестнице и вижу, что ее квартира не заперта. Когда я захожу, Роза лежит в постели, раскинув руки для приветственных объятий. Ее упругие груди торчат из-под одеяла. Я быстро раздеваюсь, ни на секунду не спуская с нее глаз. Наваливаясь на нее, я чувствую, какая она нежная и теплая. Мы не тратим время на прелюдию и сразу же предаемся безудержному сексу. Потом она кладет голову мне на грудь, и мы оба тотчас засыпаем.

Когда я просыпаюсь, я чувствую, как что-то опускается на кровать. Я открываю глаза, еще заспанные, и вижу, что Роза снимает халат. Она снова проскальзывает под одеяло и целует меня в лоб. На кровати поднос с круассанами и чай. Я растроган.

— Что такое, дорогой? — спрашивает Роза.

— Когда я вижу, как ты за мной ухаживаешь, мне становится так тепло, так уютно.

— Ты этого заслуживаешь, — нежно произносит она.

Бац! Ну все, шлюзы открыты. Жалость к самому себе все-таки прорывается. Я начинаю плакать, впервые в присутствии Розы. Она обнимает меня, потом передает мне чашку с чаем. Я не смею сказать Розе, почему вдруг почувствовал себя таким дерьмом. Что даже не могу хранить ей верность. Или, по крайней мере, быть с ней честным. Я ни слова не говорю ни о новой стажерке, ни о Мод. Вместо этого я начинаю говорить про Кармен:

— Думаю, на этой неделе я скажу Кармен, как я несчастлив, каким неверным мужем был все это время. Я больше не могу держать это в себе, и так больше продолжаться не может. Я начинаю себя ненавидеть.

Роза задумчиво смотрит в свою чашку.

— Я бы на твоем месте очень серьезно подумала, действительно ли ты хочешь быть настолько честным, — говорит

она после короткого молчания. — Будет ли Кармен счастлива от твоей самокритики после стольких лет совместной жизни? И что она будет с этим делать? Ты не можешь так с ней поступить. Во всяком случае, сейчас.

Я пожимаю плечами:

— Может, я даже признаюсь ей в том, что у меня роман. По крайней мере, это будет для нее поводом возненавидеть меня.

Роза вздрагивает:

— Но… ты не можешь так поступить! Это было бы…

— Да, это может означать конец нашему браку. И что? Может, я именно этого и хочу. Я не уверен в том, что люблю Кармен.

Вот оно. Впервые я произнес это вслух.

Роза смотрит мне прямо в глаза.

— Ты любишь Кармен, — спокойно произносит она. — Я это вижу — по тому, как ты говоришь о ней, даешь почитать ее сообщения. Вы дарите друг другу любовь и счастье. Сейчас ты несчастлив, но ты все равно ее любишь. Иначе ты никогда не сделал бы того, что делаешь для нее сейчас.

— Например, встречаюсь с тобой? — цинично замечаю я.

— Ерунда, — твердо говорит она, — это не имеет никакого отношения к тому, какие чувства ты испытываешь к Кармен. Со мной ты получаешь тепло, которое Кармен уже не может тебе дать. Поэтому ты и стремишься ко мне. Ты не можешь жить без этого тепла. — Я вижу, что у нее начинает дрожать нижняя губа. — И я тоже… поначалу я еще могла с этим справиться, смириться с унизительной ролью второго плана. Но мое чувство к тебе становится все сильнее… — Она всхлипывает. — Может быть, нам стоит крепко подумать о том, чтобы остановиться, пока еще это в наших силах…

Она склоняет ко мне голову. Я чувствую, как мне на щеку капает слеза.

— Я не хочу прерывать наших отношений, Роза, — тихо говорю я. — Я не могу жить с…

И вдруг звонит мой телефон. Я смотрю на мобильник, и сердце замирает.

КАРМЕН моб.

— О, черт! Это Кармен! — Я грубо отстраняю Розу. — Черт, черт, черт! — кричу я. Телефон не смолкает.

— Ответь!

— Нет! Я не знаю, что говорить! Подожди… дай мне… дай мне подумать.

Трррринг!

— Почему бы тебе не сказать…

— Заткнись! — рявкаю я. — Дай мне подумать…

Мобильник звонит в четвертый раз.

— Пусть звонит! Я сам ей перезвоню. Мне нужно придумать версию.

Пятый раз. Шестой. Мобильник замолкает.

Голый, я расхаживаю из стороны в сторону по спальне. И лихорадочно соображаю. Что делать?.. Я так и жду, что вот-вот раздастся звуковой сигнал, сообщающий о том, что пришла голосовая почта.

Но вместо этого снова звонит телефон. Я едва осмеливаюсь взглянуть на дисплей.

ФРЭНК моб. Уф…

— Фрэнк?

— Да. — Голос у него подавленный. — Только что звонила Кармен. Думаю, тебе стоит срочно перезвонить ей, иначе у тебя будут большие неприятности.

— Что ты ей сказал?

— Что я спал, поэтому не знаю, когда ты выехал.

— Хорошо… спасибо… кстати, а который час?

— Начало девятого. Послушай, Дэн…

— Да?

— Все это не здорово.

— Да… Извини.

Роза уже в халате. Я сижу на краю кровати и тупо смотрю прямо перед собой, сжимая в руке телефон.

— Звони ей сейчас же! — нервно произносит Роза.

Я встаю и качаю головой:

— Нет. Я поеду По дороге что-нибудь придумаю. — Я уже почти одет.

— Ты не примешь душ? — осторожно спрашивает Роза.

■

Прежде чем сесть в машину, я в последний раз оглядываюсь и смотрю на ее окна. Роза, в халате, стоит на балконе. Она шлет мне воздушный поцелуй. В ее глазах тревога.

В машине мой мозг начинает работать на полную катушку. К тому времени, как я выруливаю на Овертум, одну из главных улиц Амстердама, у меня уже готова история. Я звоню Кармен.

— Привет, дорогая! Вижу, ты звонила? — говорю я как можно более непринужденно.

— Да. Где ты был? Я и Фрэнку звонила.

— Я как раз заскочил выпить кофейку в ресторане на А4, возле Скипхола. Ну, знаешь это место? Я чуть не уснул за рулем. А телефон оставил в машине.

— Хм…

— Вчера все прошло классно! Все-таки Роттердам — славный

город.

— О… Так ты опаздываешь?

— Нет, я уже почти дома. Сейчас проезжаю Скипхол, — говорю я, прорываясь по Овертум. — Скоро увидимся, любовь моя!

— Да. До встречи, — сердито говорит она и завершает соединение.

12

Оставьте меня в покое,
Даже если беда накроет,
Иногда куда страшнее
одиночество вдвоем…

Klein Orkest, песня «Laat mij maar alleen» из альбома «Het leed versierd» (1982)

Мы много путешествовали вместе. Южная Африка, Кения, Мексика, Куба, Калифорния, Непал, Индия, Вьетнам, Малайзия — где мы только не были. Даже рождение Луны не помешало нам отправиться на дайвинг в Доминикану вместе с Томасом и Анной. С тех пор как у Кармен обнаружили рак, она без меня слетала в Нью-Йорк и Лондон. А я был без нее в Майами. Отныне наш совместный отдых исключительно расслабляющий.

Об этом говорят и маршруты наших путешествий. В прошлом году неделя в «Сентер Паркс», а этой весной — уик-энд на острове Тексел или на острове Терсхеллинг, даже не помню где именно. Да это и не важно, везде коров было больше, чем людей, а пляж был бесконечным и пустынным.

И вот теперь мы в «Клаб Мед». Под Каннами — слава богу, хоть какая-то цивилизация под боком. Хотя я заранее знаю, что всю неделю мы будем торчать в этом унылом клубе и никуда не выберемся.

Пока мы несем багаж в свои апартаменты, у бассейна два аниматора (бойкие и елейные, как и положено гостиничному персоналу) проводят аэробику для отдыхающих. У всех счастливые лица.

Про Кармен этого не скажешь. Она по-прежнему пребывает в настроении «с-чего-вдруг-я-должна-любезничать-с-тобой». Я же на редкость к ней внимателен. «Улыбайся, как буддист, — повторяю я про себя, — пусть даже тебе совсем хреново».

Луна тоже в дурном настроении. Поездка ее утомила, и дочка капризничает, прямо как Мидо[37]. К счастью, она быстро засыпает в нашей комнате. Я и Кармен, взяв с собой беби-монитор, спускаемся на ужин. С интересом оглядываем публику. Все веселятся, как на ярмарке. Кармен постепенно оттаивает. Когда вместе с кем-то подтруниваешь над окружающими, это сближает. Я даже вознагражден поцелуем на ночь в постели.

Первый день мог оказаться куда хуже.

На второй день атмосфера в команде, признаюсь, чуть лучше. Мы лежим в шезлонгах у бассейна, мы едим, мы играем с Луной. У бассейна несколько женщин загорают топлес, и их тела радуют глаз, так что с визуальной точки зрения жаловаться мне не на что. Когда я поднимаюсь в номер за куклой для Луны, быстро отправляю Розе эсэмэску:

Женщин здесь море, но, спору нет, самые красивые груди у тебя, и вообще ты прелесть.

В папке входящих для меня тоже есть сообщение. Ну-ка посмотрим — ага, от Томаса, желает нам приятного отдыха. Пфф — что ж, и на том спасибо. Позвоню ему после отпуска.

Вечером мы идем в концертный зал на душещипательное представление «Титаник» (с ударением на последнем слоге, как принято у французов). Луна в восторге от зрелища. Я и Кармен попиваем вино. Мило воркуем. За спиной Луны я сжимаю руку Кармен. После шоу мы укладываем Луну спать, еще немного выпиваем и смотрим фильм в нашей комнате. Я держу руку Кармен. Перед сном нежно поглаживаю ее лицо:

— Был приятный вечер, не так ли?

— Да. — Ее пальцы скользят по моей груди.

— Спокойной ночи, любовь моя.

— Спокойной ночи, дружок.

На третий день мне уже становится скучновато. Кармен и Луна спят в номере. Я лежу у бассейна и перебрасываюсь эсэмэсками с Хаканом, который докладывает мне о результатах вчерашнего матча голландцев с турками — через две недели начинается чемпионат Европы! От нечего делать отправляю Рамону грязный анекдот, который услышал вчера от одного парня. И конечно, не забываю о Томасе. Он любит такой юмор. После этого пишу сообщение для Розы:

Так хочется трахнуть тебя как следует, а потом утопить в нежных ласках. Целую.

В меню «Опции» выбираю команду «Отправить», нахожу в списке получателя, жму «ОК», и эсэмэска улетает.

Томасу.

Я успеваю осознать это в доли секунды. Боже правый, только не это! Я краснею как рак. Сердце застревает комком в горле. Я пытаюсь остановить передачу сообщения. Поздно. Конвертик «Отправить сообщение» уже сменился конвертиком «Сообщение отправлено». Я покрываюсь испариной. Мне хочется провалиться

сквозь землю.

Пока я раздумываю, стоит ли позвонить Томасу и попросить его не читать текст, мне самому приходит сообщение. **ТОМАС моб.**

Рад, что у тебя и Кармен все налаживается.

Я смеюсь. Доверчивый старина Томас. Краем глаза я вижу, что к бассейну идут Кармен и Луна. Они весело хохочут после полуденного сна. Я улыбаюсь, растроганный. Они машут мне. Нормальная, счастливая семья, свободная от рака. Кармен целует меня и подмигивает. На какое-то мгновение и я счастлив. Меня это пугает. Боже всемогущий, во имя любви[38], неужели мы не можем дать друг другу шанс? В конце концов, мы ведь союз «Дэн и Кармен»! Мы ведь не позволим, чтобы мой неуемный сексуальный аппетит или какой-то там рак сломили нас? Или мы слабаки?

■

Уложив Луну спать и подключив беби-монитор, мы идем в бар у бассейна. Я заказываю амаретто и арманьяк. Кармен делает глоток амаретто и смотрит на меня. Я чувствую, что момент близится. Вот сейчас. Тот самый Разговор. Я едва осмеливаюсь смотреть ей в глаза.

— Дэнни, что с тобой происходит в последнее время? Я чувствую, что ты ускользаешь от меня.

— Я так не думаю — а что, заметно?

— Да, — тихо отвечает она, — ты делаешь все, чтобы как можно чаще отлучаться из дому. И злоупотребляешь этим.

— С чего ты взяла?

— Кто такая Таша?

Шок.

— Таша? О да, Наташа. Это наша новая стажерка. А почему ты спрашиваешь?

— Когда ты не ответил на мой звонок в субботу утром, я забеспокоилась. А когда ты дома собирал чемодан, я услышала, что тебе пришло сообщение. Я открыла его. Посмотри.

Дрожащими пальцами я беру телефон, захожу в папку «Входящие». В ней нахожу номер, мне незнакомый. Я открываю сообщение и заливаюсь краской.

Дэн, ты чертовски сексуален. Вчерашняя ночь была многообещающей. Целую. Таша.

Кармен истолковывает мой румянец как подтверждение измены, хотя текст сообщения и без того не оставляет в этом

сомнений. Глаза ее полны слез.

— Она хороша в постели? У нее красивые груди?

— Карм, я не спал с Наташей. Честное слово.

— Перестань, — произносит она сквозь слезы. — Я все понимаю. Конечно, тебе гораздо приятнее трахать горячую молоденькую Монику Левински, а не женщину с одной сиськой и лысой башкой.

Я уже готов ответить, но Кармен останавливает меня жестом.

— И это не самое худшее, — продолжает она дрожащим голосом. — Мне очень больно сознавать, что ты можешь быть счастлив, только когда меня нет рядом. Я знаю, жить со мной сейчас тяжело. Я бы все на свете отдала, только чтобы снова сделать тебя счастливым, но я не могу, и это сводит меня с ума. Я становлюсь раздражительной. Мне совсем не хочется этого. Не хочу быть старой грымзой.

— Ты вовсе не старая грымза, — говорю я.

Она пропускает мое замечание мимо ушей.

— В чем бы ни была проблема — в тебе ли, в этом проклятом раке или во мне, — ясно одно: тебе со мной плохо. Ты бежишь от меня. Ты можешь, глядя мне в глаза, сказать, что по-прежнему любишь меня?

— Я… я не знаю, Карм…

Помолчав, она говорит:

— Я знала, что ты так ответишь. Послушай, Дэн. Я долго думала, прежде чем приняла решение сказать тебе то, что скажу сейчас…

У меня такое ощущение, будто я становлюсь карликом на фоне ее безмерного мужества. Я не ожидал такого поворота. Я застигнут врасплох, как если бы соперник вдруг вывел на поле трех нападающих вместо ожидаемых двух. Она явно переигрывает меня.

— Я даже не хочу знать, чем ты занимаешься, пока зависаешь в пабе до половины пятого утра. Я не хочу знать, кто посылает тебе эти сообщения. Я не хочу знать, где ты находишься, когда не отвечаешь на звонки мобильного. Если уж на то пошло, я всегда подозревала, что ты мне изменяешь. Если бы ты был болен, я, возможно, и сама так поступила бы. Давно завела бы роман на стороне.

Я смотрю на нее в изумлении. Неужели она знает? Я ищу в ее лице подсказки, пытаясь угадать, что ей известно и что нет. Но у меня нет времени. Она продолжает:

— Но я *не* ты. Я — женщина, больная раком, с одной грудью, и, возможно, жить мне осталось всего несколько лет. Так вот эти несколько лет я предпочла бы прожить одна, а не с человеком,

который сомневается в том, что все еще меня любит. Мне придется туго, но я справлюсь, в этом я не сомневаюсь…

Она выдерживает паузу, смотрит на меня и добавляет самое главное:

— Возможно, нам стоит развестись, Дэн.

Она сказала это. Произнесла это роковое слово. *Развод.*

Команда соперника предлагает вариант, который я всерьез даже не рассматривал, заранее отвергая как непроходной. Она оставляет мяч перед пустыми воротами. Все, что от меня требуется, это подбежать к нему и забить гол.

Голова идет кругом. Я вспоминаю, с каким облегчением я каждый раз выхожу из дому, отправляясь на работу. Как я счастлив, когда вечером снова могу отправиться в загул. Как мне хорошо, когда я с Розой. И как я напрягаюсь, когда возвращаюсь домой, никогда не зная, в каком настроении меня встретит жена. Как часто меня посещает желание убежать прочь.

И вот теперь я могу это сделать. Скажи я сейчас «да», и я буду избавлен от вечной несвободы. От отсутствия интима. От рака.

— Нет.

Я говорю «нет». *(Я говорю НЕТ?!)*

— Нет. Я не хочу развода. *(Но ты ведь хочешь!)*

— Боже правый, тогда *чего* ты хочешь, Дэнни? Ты хочешь больше свободы? Так, ради всего святого, *скажи,* чего ты хочешь! *(Да! Скажи, чего ты хочешь!)*

— Откуда мне знать, чего я хочу? Я хочу, чтобы не было рака, вот чего я хочу! — зло отвечаю я.

— Если ты избавишься от меня, то избавишься и от рака, — сухо произносит Кармен.

— Нет, я *не хочу* избавляться от тебя! — Я обескуражен, потому что понимаю, что говорю это искренне, от всей души.

Кармен молчит, потом берет меня за руку:

— На этой неделе подумай хорошо о том, чего ты хочешь, Дэнни. Я не намерена сидеть и ждать, пока ты разберешься в своих чувствах ко мне. Конечно, я хочу остаться с тобой, но что-то должно измениться. Иначе каждый из нас пойдет своим путем. Потому что ни ты, ни я не заслуживаем таких страданий.

— Господи, Карм, — нежно говорю я, — никогда не думал, что между нами случится такой разговор. — Я пальцем рисую круги на ее ладони.

— Давай сегодня больше не будем об этом говорить. Просто повеселимся. — Она улыбается. — Посмотрим, способны ли мы еще на это.

— Да, — усмехаюсь я, — давай завалимся куда-нибудь и напьемся в хлам.

— Отличная идея, Бэтмен.

Мы так давно не ходили вместе в паб. Кармен берет джин с тоником, а я ударяю по «Кроненбургу». Мы дурачимся, выпиваем, танцуем. Мы смеемся. Вместе!

Слегка пошатываясь, мы медленно возвращаемся в свои апартаменты. На лестничной площадке возле нашей двери Кармен снимает юбку, трусы и садится на ступеньки, расставив ноги. Она смотрит на меня таким взглядом, какого я уже сто лет не видел. У нас самый жаркий секс за последние годы.

12

Мне есть, что рассказать тебе,
И хорошо, что мы поговорили…

Pearl Jam, песня «Alive» из альбома «Ten» (1992)

Кармен счастлива. Она пребывает в эйфории от вчерашнего секса и весь день заговорщицки мне подмигивает. Мы не вспоминаем наш разговор в баре у бассейна. Даже сейчас, пока Луна спит. Мы сидим на террасе апартаментов, читаем. Кармен держит мою руку и поглаживает ее. Я даже представить себе не могу, что мы можем расстаться. *Ни в коем случае!*

Но я все еще напряжен. У меня на руках последняя карта, и я должен открыть ее, прежде чем мы разыграем новую партию. Каждый раз, когда Кармен смотрит на меня, я порываюсь начать разговор. Но нервы снова подводят. Наконец я собираюсь с духом:

— Послушай, Карм, я хочу поговорить с тобой кое о чем… я не осмеливался поднимать вопрос об этом… — Отступать некуда. — Речь о… э-э-э… моих изменах.

— Я чувствовала, что момент близится, — говорит она с улыбкой. — Думаю, хорошо, что мы об этом поговорим. Ну давай, смелее.

Господи, какая же она сильная. А я нет. Мои нервы вот-вот лопнут.

Кармен вся внимание.

— Ну, что же ты? Рассказывай, малыш!

Я прикрываюсь спасительным смехом и пытаюсь зайти с другой стороны:

— Я уверен, ты никогда не изменяла мне, не так ли?

— Ты действительно хочешь это знать? — спрашивает она.

— Да, — невинно отвечаю я, мысленно формулируя собственное признание.

— Тогда да.

Она видит, что до меня не доходит смысл ее слов.

— Да, один раз я изменила тебе, Дэн.

Я смотрю на нее, раскрыв рот от изумления. Кармен, которая с тех пор, как узнала обо мне и Шэрон, постоянно твердила, что бросит меня, если я еще раз это сделаю, теперь вдруг спокойно

отвечает на вопрос, заданный исключительно из вежливости, для «разогрева» собеседника — как спрашивают у нервного интервьюера: «Вам удобно?», — и признается в том, что тоже погуливала от мужа.

— Мм… я… э-э-э… я не знаю… а… когда? — бормочу я.

— Несколько лет назад, на празднике Дня рождения королевы. Это был парень, с которым я познакомилась в кафе «Тийссен». Никто не видел. Мы вышли на улицу и просто целовались.

— Подумаешь!

— А секс был с Пимом.

— А… что?

— Что слышал.

— О… Когда?

— Несколько лет назад. Он настойчиво приглашал меня поужинать, а я все отказывалась. Но когда ты был в Таиланде, я ему позвонила. И вот тогда кое-что было.

— У нас дома?

— Да. И в его машине… и еще один раз в туалете.

— О, боже. *(Подумать только, кто это говорит.)* Все за один вечер?

— Нет. Мы еще пару раз встречались.

— В течение тех четырех недель, что я был в Таиланде?

— Да. — Она произносит это так, как если бы вдруг вспомнила, что забыла разгрузить посудомоечную машину.

Мне следовало самому догадаться. Помнится, еще в Майами я сказал себе: женщины изменяют из чувства мести. А мне тогда так хотелось уехать на месяц на остров Ко Паньянг, с Фрэнком, как раз перед запуском нашего проекта собственного агентства. Кармен тогда не обрадовалась моей затее, подозревая, что я еду в Таиланд вовсе не для того, чтобы полировать статуи Будды. Встречая меня в аэропорту, она расплакалась и бросилась мне на шею. Уже через час у нас был секс, и я своей пылкостью пытался убедить ее в том, что провел месячник воздержания. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что и Кармен проделывала то же самое. Шлюха.

— А ты? — спрашивает она.

— Что?

— Как часто мне изменял?

— О… — У меня из головы все не идет этот говнюк Пим, который трахается в туалетах и машинах. Дешевка. И моя жена с ним на пару. Какая гадость.

— Алло? Спустись на землю, Дэнни? — нетерпеливо произносит Кармен.

Хм… О да. Моя очередь. С чего же начать? Пожалуй, со всех «экс», которые были у меня с момента знакомства с Кармен. Итак… один или пару раз с Мерел. Полгода по пятницам с Эммой (ее я подцепил на Лейдсеплейн). И время от времени с Мод после вечеринок, если там не было Кармен. И еще была… ммм… господи, как же всех упомнить? Повторы не считаются, убеждаю я себя. И это во многом облегчает дело. *Выходит, три.*

Я исключаю и походы по проституткам. Это обстоятельства, которые можно причислить к форс-мажору. Но те две девицы, которых я и Рамон взяли в сауну в Норде, не были профессионалками, так что их придется посчитать. *Итого пять.*

Теперь моя работа. Лайза и Синди в «BBDvW&R/Bernilvy», и еще пару раз с Шэрон. О, да, и Диана. Так, дайте сосчитать… *Пять плюс четыре, итого девять.* А в «MIU» пока только Мод после рождественской вечеринки. Впрочем, я уже посчитал ее как «экс». С Наташей у меня еще ничего не было. Так что остается только девять. Черт, еще ведь стажерка Мод, с татуировкой на пупке, ее нам пришлось уволить через три месяца. Не помню, как ее звали. *Десять.*

А отпуск? Та безумная крошка из Гааги. И уик-энд с Рамоном на острове Гран-Канария несколько лет назад. *Одиннадцать.* Потом Таиланд. Хм… Дайте подумать. Будем двигаться от острова к острову. Ко Самуи. Ирландская девчонка с прыщавой задницей и уродливая старая тетка из Германии. О, как же тогда хохотал Фрэнк. Мне до сих пор стыдно. *Черт, уже тринадцать.* Ко Самет. Там шведка. О, нет, она просто хотела сделать мне минет. Поехали дальше. Ко Паньянг. Финка. *Итого четырнадцать.* Ммм… какая роскошная была…

— Так *как часто,* Дэнни?

— Я считаю.

Значит, четырнадцать. Майами, Линда. *Пятнадцать.* Я ничего не забыл? На лыжах с Рамоном, но там ничего не было. С Фрэнком в Нью-Йорке? Нет, в тот раз тоже ничего не было. О, да, Турция с Хаканом. Официантка. *Шестнадцать.* Хм… Кажется, с отпусками все.

Теперь клубы и пабы. Господи, я ведь уже добрался до шестнадцати. Гм! Девушка на рождественской вечеринке в «Вак Зуид». *Семнадцать.* Элли, сестра Томаса, на прошлогоднем карнавале. *Восемнадцать.* Суринамская девушка из «Парадизо». И еще та, с пирсингом на брови, из «Пилсвогеля». *Двадцать.* Хорошо еще, что я не считаю поцелуи и обжимания в «Бастилии», «Сюрпрайзе», «Де Боммеле» и «Парадизо», иначе все это затянется надолго. О, постойте, еще та девушка после концерта «Бейсмент Джакс». Помню, я пошел к ней домой; черт возьми, и что у нас

там было? О, да, двадцать. Плюс один, итого *двадцать один.* Ну, может, случая три-четыре я забыл. И конечно же Роза. *Округлим до двадцати пяти.* Я перевожу взгляд на Кармен. Пристегните ремни. Добро пожаловать на борт «Монофобии».

— Ну и?..

— Ммм… чуть больше, чем пальцев на одной руке.

— Больше, чем пальцев на одной руке?

— Ну, на двух. *(На пяти руках, придурок!)*

— О, боже.

— Ты разочарована?

— Я надеялась, что будет меньше. Дэнни… — Она качает головой. Я рассчитывал, что ее реакция будет более жесткой. — Я их знаю?

Судорожно сглатываю:

— Ты действительно хочешь это знать?

— Да.

— Ну, это… кое-кто из бывших. Мерел, Эмма…

— Вот видишь! — Она хлопает ладонью по столу, почти торжествуя. — Я так и знала, так и знала — Эмма, такая с виду тихоня! Я так и знала, что ты спишь с ней! И про Мерел я знала. Я рада, что мы ее больше не видим. *(Хорошо хоть я про Мод не ляпнул.)* И когда все это было?

— Да сто лет назад, еще до того, как мы стали жить вместе.

— О, Дэнни! Мы ведь в то время трахались, как кролики! Зачем тебе нужны были все эти женщины?

— Сам не знаю. Я просто не мог пройти мимо… *(Неужели? Так уж и не мог?)*

— Боже правый, да это же настоящая зависимость, Дэнни.

Я покорно киваю.

— Еще кого-нибудь я знаю?

— Ну… Элли.

— Элли?

— Сестра Томаса.

— ЧТО?! Элли? Когда?!

— В прошлом году на карнавале.

— Надеюсь, Томас ничего не заметил?

— Нет, конечно нет! Я был осторожен, — поспешно отвечаю я. А перед глазами так и стоит Томас, распекающий свою сестру там же, в «Де Боммеле», хотя мы с ней всего лишь обнимались.

— Тебе повезло. Иначе твои похождения украсили бы первую полосу «Де Телеграаф». Я так полагаю, Фрэнк все знает?

— Почти все, да…

— Черт. Ты меня просто взбесил, Дэнни.

— Но Фрэнк никому не расскажет…

— Да не в этом дело! Тебе понравилось бы, если бы твои друзья узнали обо мне с Пимом? Хорошо хоть Томас ничего не знает. А Мод? Она в курсе? Или… постой-ка… (*О, нет, пожалуйста, не спрашивай.)* Не хочешь ли ты сказать, что у тебя и с ней было? (*Ой!)*

— С Мод? Господи, нет, конечно!

— Слава богу. Но она знает, что ты мне изменял.

— Да. Знает.

— Черт… хорошо, выходит, когда ты говорил, что идешь в клуб с Мод, на самом деле ты шлялся по бабам?

Я киваю.

— Надеюсь, всегда с презервативом?

— Почти всегда, — вру я. — А ты с Пимом?

— Без.

— Черт!

— Послушай, ты ведь не собираешься выговаривать мне? — говорит Кармен сердито. Я спешно мотаю головой. Она хохочет. — Ладно. Это было бы уж слишком, — прибавляет она со смехом. — Все-таки должна сказать, что ты сексуально озабоченный мерзавец, но я рада, что ты мне рассказал. Хотя готова спорить, что несколько эпизодов ты все-таки утаил.

— Думаю, достаточно, ты так не считаешь?

— Да, хватит об этом. Но ты должен пообещать мне кое-что, Дэнни.

— Что именно? (*О, господи, я чувствую, что грядет буря. О, нет, пожалуйста…)*

— Что с этой минуты ты не будешь изменять мне, пока я жива.

Черт. Черт-черт-черт. Привет Розе.

— Обещаю, — говорю я, как мне кажется, без колебаний и с самой обнадеживающей улыбкой, которую только способен вымучить.

13

Дождь, а на небе ни облачка,
Должно быть, то капают слезы твои…

Bruce Springsteen, песня «Waitin' on a Sunny Day» из альбома «The Rising» (2002)

Я сказал Кармен, что сегодня вечером встречаюсь с Рамоном. Она поцеловала меня и пожелала хорошо повеселиться. После нашего разговора об изменах она немного поплакала, но потом сказала, что хочет оставить все в прошлом. Она гордилась мной, восхищаясь моей смелостью и честностью. Кармен снова мне доверяет.

Но я-то себе не доверяю. Вот почему я договорился встретиться с Розой в «Вертиго», а не у нее дома. Я даже представить себе не могу, чем обернется этот вечер. Осмелюсь ли я сказать «прощай» своей секс-машине, своему роднику жизненных удовольствий, своему пекарю круассанов, своей суррогатной королеве, своему психотерапевту?

► **«Вертиго»** — это ресторанный эквивалент того, что Фрэнк называет «мордой не вышла» (это когда у девушки потрясающая фигура, а лицо — без слез не взглянешь). Точно так же и это заведение — совершенная помойка, но в фантастическом месте (в павильоне Вонделпарка). «Вертиго» даже не лаунж-кафе, но при этом умудряется быть на редкость скучным заведением. Находись оно в любом другом месте, туда никто не ходил бы вообще.

Я волнуюсь, осматривая зал «Вертиго». Это не первое наше свидание. Ага, вон она, у стойки бара. Роза машет мне рукой и нервно улыбается. Я спрашиваю у нее, что она хочет выпить.

— Пожалуй, белого вина. Это ведь наш *последний* вечер… Я права? — говорит она с тревогой в голосе.

— Сухого или сладкого? — спрашиваю я.

Я все никак не могу себя заставить посмотреть ей в глаза. Но она смотрит на меня. Я чувствую на себе ее взгляд, а сам

наблюдаю за тем, как бармен разливает вино. По мне, он делает это слишком быстро. Я беру свой бокал и чокаюсь с Розой:

— На здоровье.

— Я жду твоего вердикта, — говорит она.

— Мы с Кармен хотим предпринять еще одну попытку.

— Вот и хорошо. Я рада за вас обоих. Правда.

— И я признался в том, что почти всю жизнь ей изменял.

— Как она отреагировала?

— Неплохо. Мне пришлось пообещать, что больше этого не повторится.

— Что ж… тогда за наш последний вечер? — игриво произносит Роза, поднимая бокал.

— Но мы ведь можем видеться, разве не так? — говорю я, стараясь привнести некоторую легкость в происходящее. Мне это дается с большим трудом, хотя за последнее время я и поднаторел в искусстве преподносить плохие новости. — Теперь у каждого из нас есть все, о чем мечталось. У тебя тайный роман с женатым мужчиной, с которым ты не спишь, а у меня платоническая возлюбленная, о которой я никому не могу рассказать, иначе придется объяснять дома, как мы познакомились. — Я смеюсь.

Роза не смеется. Ей моя шутка не кажется забавной. Она хмурится.

— Я не вижу в этом ничего смешного, Дэн, — вдруг резко произносит она. — Не будь таким наивным! Разве ты не понимаешь, что мы больше не можем встречаться? Ты ведь сам знаешь почему. Ты не сможешь платонически любить меня, а я не смогу тебе отказать. Потом ты будешь всю жизнь чувствовать себя виноватым, а я всю жизнь буду чувствовать себя последней шлюхой.

Отрицать это глупо. Единственный способ для меня сдержать данное обещание — это прекратить наши встречи. Я знаю себя. Мне бы радоваться, что она сама об этом сказала. Я кладу руку на ее колено. Роза ее убирает:

— Нам стоит разойтись по домам, пока мы не наделали ошибок.

— Могу я хотя бы изредка звонить тебе или писать? — спрашиваю я, смущенный, словно школьник, который жмется у своего велосипеда.

— Лучше не надо, — шепчет она, устремив взгляд в пол.

Я склоняюсь и целую ее в последний раз. Меня ждет велосипед. В дверях я оглядываюсь и вижу, что Роза провожает меня взглядом.

Она плачет.

14

Это последний отсчет…

Europe, песня «The Final Countdown» из альбома «The Final Countdown» (1986)

Через неделю мы узнаем, что Кармен умирает. «Скажите мне точно, где болит», — говорит доктор Шелтема.

Кармен показывает, что болит прямо под ребрами, это же место она показывала мне накануне. Чуть правее середины, для того, кто смотрит, — левее. «Кажется, здесь печень?» — спросила она меня. Понятия не имею. Я более или менее знаю, где у меня находятся сердце и легкие, могу показать местоположение желудка, поскольку я его чувствую, когда переедаю, но вот с остальными органами у меня полный завал. Естественные науки я изучал только в школе.

— Хм… — произносит Шелтема. — Раздевайтесь в соседней комнате.

Я остаюсь в кабинете. Шелтема просматривает историю болезни Кармен. Повисает тягостное молчание. Потом она встает и, не глядя на меня, говорит:

— Ну, пойдем посмотрим.

Она закрывает за собой дверь, из чего я делаю вывод, что, говоря «пойдем», она имела в виду себя.

Вскоре она возвращается, моет руки под краном, подходит к столу и садится, по-прежнему молча, снова листает медицинскую карту. Заходит Кармен. Шелтема закрывает папку, надевает очки и смотрит на нас.

— То, что вы чувствуете, на самом деле ваша печень, — начинает она. — Боюсь, что это метастазы.

Иногда слышишь слово, совершенно тебе незнакомое, но сразу понимаешь, что оно означает.

— Значит, опухоль разрастается?

— Совершенно верно. Она растет.

Я и Кармен смотрим друг на друга. На мгновение Кармен застывает, так что ни один лицевой мускул даже не подрагивает. Но вот начинает трястись ее нижняя губа, она прикрывает ее рукой, и на глазах выступают первые слезы. Я беру ее за руку и смотрю на нее. Мне кажется, что я вернулся на год назад. Тот же кабинет, те же стулья, та же притихшая доктор Шелтема. Тогда мы узнали, что сорок процентов выживаемости, о чем прочитала в

Интернете Кармен, это слегка преувеличенная цифра. Теперь наши шансы равны нулю.

— Это точно, что она растет? — спрашиваю я.

— Сейчас необходимо сделать ультразвук печени. А потом возвращайтесь ко мне.

Послушные, как овцы, мы следуем за медсестрой по лабиринтам госпиталя. Садимся в комнате ожидания, смежной с кабинетом ультразвуковой диагностики. Кармен молчит. Она сидит, опустив голову, глядя на носовой платок, который то скатывает, то раскатывает, как сигаретную бумагу. Скатывает, раскатывает. Из кабинета выходит медсестра. Она держит в руке медицинскую карту, читает фамилию пациента, переводит взгляд на Кармен и спрашивает: «Миссис Ван Дипен?»

Кармен кивает.

— Мне пойти с тобой? — спрашиваю я.

— Пожалуйста, — говорит Кармен.

Мы заходим в кабинет. Кармен приходится раздеться и лечь на кушетку. Медсестра натирает ей живот бледно-голубым гелем. Я стою рядом с Кармен и крепко держу ее за руку. Другой рукой глажу ее по плечу. Она смотрит на меня и снова начинает плакать. Я чувствую, что и у меня глаза наполняются слезами. Медсестра берет в руки аппарат, уже знакомый мне по эхограммам, которые мы делали на третьем месяце беременности Кармен. Тогда мы со счастливым лицом глазели на экран монитора, и акушер-гинеколог объяснял нам, какие части тела уже можно распознать в маленьком комочке, приютившемся в животе. Мы зачарованно слушали. А картинка на экране монитора казалась нам обоим смешной и забавной. Мы даже придумали нашему червячку прозвище Вупси-дейзи. Кармен решила, что именно оно лучше всего передает движение.

Сегодня ни о каких «вупси-дейзи» не может быть и речи, и мы совсем не горим желанием смотреть на экран монитора. Лицо каждой из двух медсестер (или врачей, я понятия не имею, какие у них тут звания и должности) говорит все, что нам необходимо знать. Они тычут пальцами на экран, бормочут друг другу что-то непонятное, и одна из них записывает это в карту Кармен, а потом снова смотрит на экран, и опять в карту.

— Можете одеваться.

— И?.. — произношу я.

— Результаты узнаете у доктора Шелтемы, — говорит медсестра.

■

— Неважные дела, — говорит она, как только мы усаживаемся. — Метастазы размером три на четыре сантиметра,

по верхнему краю печени.

Я смотрю на Кармен, которая снова приложила руку к губам, явно сдерживая подступающие рыдания, но все-таки решаюсь расспросить доктора Шелтему:

— Как… э-э-э… как долго осталось моей жене?

— Если мы не поторопимся, два месяца в лучшем случае…

— А если поторопимся? — воинственно спрашиваю я.

— Если быть до конца откровенной, речь идет лишь о временной отсрочке. Еще несколько месяцев на курсе таксотера. Это другой вид химиотерапии, отличающийся от курса CAF, который вы прошли в прошлом году. Таких процедур вы можете принять максимум двенадцать. Организм больше не выдержит. И метастазы снова пойдут, как только курс прекратится. Так что мы можем продлить жизнь еще на год в лучшем случае.

— Это очень больно? — спрашивает Кармен сквозь слезы.

— Нет. Почти нет. Вы можете представить себе печень как фабрику, которая очищает организм от ядовитых веществ. Опухоль со временем останавливает работу печени. И тогда вы получаете все меньше и меньше энергии, больше спите — и наконец впадаете в кому. И наступает смерть. Все очень гуманно.

— Ну хоть что-то позитивное, — бормочет Кармен. Радуйся малому.

— А каковы побочные эффекты лечения? — спрашиваю я Шелтему.

— Те же, что и при курсе КАФ. Тошнота, упадок сил, выпадение волос, утрата вкусовых ощущений и обоняния… Кроме того, — продолжает доктор, — при этом лечении возможен протест со стороны мышц, и кожа на ладонях и пальцах становится очень чувствительной.

— Давайте все-таки попробуем, — говорит Кармен.

— Да, и еще сходят ногти, — добавляет Шелтема.

— Хорошо, — говорю я. Нам уже нечего терять.

15

Столько дел,
Мне нужно многое успеть…

Toontje Lager, песня «Zoveel te doen» из альбома «Stiekem dansen» (1983)

— Пусть это покажется безумием, но мне даже стало легче, — заговаривает Кармен, не дожидаясь, пока мы выедем за пределы автостоянки госпиталя. — По крайней мере, теперь мы знаем ситуацию. Я умираю.

— Карм, прошу тебя… — Это первые слова, которые срываются с моих губ с тех пор, как мы покинули кабинет доктора Шелтемы.

— Но это правда. В прошлом году мы вышли отсюда, не зная ничего определенно. Теперь все четко и ясно.

Я сбит с толку ее рассуждениями, да мне вообще не верится, что я слышу это от нее. Но она права. Я вспоминаю прошлый год. Тогда потрясение было куда более сильным.

— Я хочу путешествовать, — говорит она, и я вижу блеск в ее глазах. — Как можно больше. Хочу съездить в Ирландию. И… ээ… в Барселону! Да, я хочу съездить в Барселону, с тобой.

Мне даже начинает нравиться все это.

— Спрошу у Фрэнка, может, он знает какой-нибудь милый отель, — говорю я с улыбкой. — Будут еще пожелания, мадам?

— Я хочу съездить со всеми своими друзьями в замок, где-нибудь в Арденнах, — мечтательно произносит Кармен. Она вдруг становится живым воплощением joie de vivre, радости бытия. — О, кстати, ты не притормозишь вон у того снек-бара?

— Зачем?

— Куплю сигарет. Хочу снова начать курить.

Я улыбаюсь и останавливаю машину у марокканского снек-бара на Зейлстраат.

— «Мальборо» обычные или легкие? — спрашиваю я, выходя из машины.

— Обычные. Немного рака легких мне ведь теперь не повредит, не так ли?

16

Я делаю, что делаю, не знаю почему,
Я делаю, что делаю, пусть это ни к чему,
Мы делаем, что делаем…

Astrid Nijgh, песня «Ik doe wat ik doe» из альбома «Het beste van Astrid Nijgh» (1978)

Улыбаясь, я захожу в снек-бар. В очереди у прилавка два человека. Я выглядываю на улицу и вижу Кармен, сидящую в машине. Она безучастно смотрит в пустоту. Застывшая, ошеломленная. Глядя на нее, улыбаться уже не хочется.

Чего нам теперь ждать?

В голове, как в калейдоскопе, сменяются картинки, одна страшнее другой. «Скорые» в ночи. Слабеющая Кармен. Страх боли. Смертное ложе. И смерть. Смерть. Все внутри сжимается. Меня захлестывает паника. Моя жена умирает! *Кармен действительно умирает!* Подступает тошнота, я боюсь, что меня может вывернуть наизнанку. Я нервничаю и покрываюсь испариной.

— Эй, Ахмед, сколько еще ждать, чтобы меня кто-нибудь обслужил? Мне всего-то нужна пачка сигарет, — неожиданно для самого себя кричу я.

— Спокойно, сэр, у меня только две руки! — грубо отвечает обычно приветливый продавец. Двое покупателей, что стоят передо мной, оборачиваются и испепеляют меня взглядом. Я спешно проскальзываю в туалет и достаю из кармана телефон.

Роза, опухоль растет. Можно, я позвоню тебе позже? Пожалуйста!

17

Я коллекционирую красивые мгновения…

Херман Бруд, интервью, данное Хенку Биннендийку в программе «Пятьдесят на пятьдесят» (1994)

Дорогая Луна!

В этой книге я хочу записать все, что мы делали вместе, чтобы ты всегда знала, как я люблю тебя. Я больна. У меня рак, и, когда ты будешь читать эти строки, меня уже не будет рядом. Надеюсь, эта книга станет для тебя прекрасным напоминанием обо мне.

Тебе сейчас всего два годика, но ты бываешь такой мудрой и рассудительной, наверное оттого, что ты уже хорошо говоришь. Последний год был трудным для нас, и если я и папа не могли удержаться от слез и ты это видела, то ты подходила к нам, утешала, стирала слезы с наших щек. Тогда нам становилось легче. Или ты что-нибудь говорила, заставляя нас смеяться сквозь слезы, и мы уже не чувствовали себя несчастными. В эти дни многие утешают и подбадривают нас, но ты это делаешь лучше всех.

Сегодня вечером я пришла укладывать тебя спать и сказала, что очень люблю тебя. А ты ответила, что тоже меня любишь. Это так чудесно! Мне стало тепло от твоих слов.

Мы с папой подолгу разговариваем, потому что уже знаем, что очень скоро меня не станет. Это так печально, но, несмотря ни на что, мы втроем сделаем еще много хорошего в те дни, что остались мне. Я наслаждаюсь каждой минутой, проведенной в кругу своей маленькой семьи, и готова расплакаться от счастья.

Я люблю тебя! Мама.
Целую-целую-целую.
Если спросишь меня, я отвечу,
Что и сами они не так уж счастливы…

Tol Hansse, песня «Big City» из альбома «Tol Hansse moet niet zeuren» (1978)

Кармен вступила в группу по интересам. Она придумала ей название: «Муфлон».

► **«Муфлон»** — это посуда «Таппервеа», отель «Сентер Паркс», журнал «Она», каталог «Аргос», ну и тому подобное. Если бы у Кармен не было рака груди, она никогда в жизни не присоединилась бы к такой группе. Кармен хохочет, когда рассказывает мне об их сборищах. «Сегодня все утро мило беседовали с пятью женщинами о раке груди».

Из этой пятерки только **Тони** (уменьшительное от Антония) производит благоприятное впечатление. Так же, как и Кармен, ей тридцать с небольшим, живет в Амстердаме (остальные три из Заандама, Мийдрехта и какой-то деревни, о которой я даже не слышал), и не страшная. Я даже сказал бы, что она очень даже ничего, если бы не знал, что у нее только одна грудь.

Одной груди лишились все дамы из «Муфлона». У одной из них опухоль не распространилась (пока), на другой врачи уже поставили крест, а остальные три находятся в том же состоянии, что и Кармен: в ожидании конца. «Так что „Муфлон“ постепенно самоликвидируется», — шутит Кармен.

Женщинам есть о чем поговорить, в том числе и об отношениях в семье. Со слов Кармен я знаю, что одна из них уже развелась с мужем после того, как рак расцвел пышным цветом. А муж Тони, кажется, уже и слышать ничего не хочет про рак и все вечера просиживает за своим компьютером на чердаке. Брак третьей подруги по

несчастью трещал по швам еще до того, как был поставлен страшный диагноз, так что рак ничего не изменил в этом смысле. Обсуждая это, женщины дружно смеются.

Они встречаются поочередно друг у друга дома, раз в две недели. Кармен говорит, что иногда и мужья общаются между собой. Когда я слышу это, на моем лице появляется такое выражение, что Кармен не решается спросить, насколько мне интересно подобное общение.

Но в какой-то степени участие в этой группе идет на пользу Кармен. По крайней мере, в «Муфлоне» она и другие могут открыто говорить о том, что чувствует женщина, оставшаяся без груди. Ни Анна, ни Мод, ни мать, ни девчонки из «Эдвертайзинг брокерз» никогда не решились бы завести такой разговор.

На прошлой неделе «Муфлон» собирался у нас дома. Когда я с Луной вернулся, женщины еще заседали. Я испытывал смущение, представляясь им, потому что догадывался, что иногда они обсуждают и меня.

— Сегодня мы расставляли своим мужьям оценки по десятибалльной шкале, — сказала мне вечером Кармен. — Учитывалось, как они мирятся с тем, что у жен рак, ходят ли с ними в госпиталь, поддерживают ли беседы на тему рака, насколько они внимательны к женам.

— И какую же оценку ты поставила мне?

— Восемь.

— Восемь? — Я удивлен.

— Да. Наслушавшись историй своих приятельниц, я все-таки решила, что ты не так уж плохо справляешься со своей ролью.

— Пожалуй, стоит представить Томасу и Анне отчет об этих собраниях, — замечаю я.

— Нет необходимости, — говорит Кармен. — Я им уже рассказала.

19

Кому дано понять и донести до всех,
Что радоваться жизни — далеко не грех…

Bruce Springsteen, песня «Badlands» из альбома «Darkness on the Edge of Town» (1978)

Лето проходит как одна большая вечеринка.

Фрэнк разрешил мне приходить на работу только по срочным делам и на важные презентации. Остальное время я должен посвятить Кармен.

Мы с Кармен развлекаемся на полную катушку.

Покупаем на черном рынке билеты на все матчи европейского чемпионата с участием голландцев. Когда Клюйверт забивает свой четвертый гол в четвертьфинальном матче против Югославии[39], Кармен ликует так же бурно, как и остальные пятьдесят тысяч болельщиков на трибунах.

Игра — полтора часа оргазма. Кармен в полном восторге!

— Было бы здорово, если бы я дожила до того, как Голландия станет чемпионом Европы, правда? — Она смеется. — Тогда и умирать не страшно…

Но до этого дело не доходит. Кармен удается пережить голландскую команду Но, пожалуй, у рака есть одно преимущество: он делает все относительным. Мировой рекорд по пропущенным пенальти в матче против Италии расслабляет наши напряженные от постоянных улыбок лицевые мышцы. Проигрыш голландцев несмертелен. В конце концов, футбол — это всего лишь игра.

В выходные мы путешествуем, останавливаемся в лучших отелях. В Барселоне живем в отеле «Артс». На верхнем этаже, откуда открывается потрясающий вид на квартал Барселонета и Средиземное море. У нас самый большой сьют, и мы играем в прятки. Кармен почти всегда выигрывает. Мне удается найти ее, только когда она заливается смехом оттого, что я уже в третий

раз прохожу мимо шкафа, в котором она прячется.

Вечером мы роскошно ужинаем. Я чуть ли не кончаю от закуски тапас, которую пробую в ресторане «Сервецериа Каталуниа» на авеню де Майорка.

Только что отведал потрясающую закуску. Кармен практически ничего не ела, но все равно счастлива. Как и я.

Чертов рак. После ужина попытались дойти до отеля пешком. Кармен запыхалась через пять минут. Пришлось сто лет ловить такси. Кармен плакала от горя. Хочу позвонить тебе, Богиня…

В Ирландии мы выбирали самые роскошные замки, где ели и ночевали. Кармен хватает сил только на то, чтобы выйти из машины и дойти до паба перекусить, после чего мы едем ночевать в следующий замок, но все равно впечатления от недели отдыха незабываемые. Мы снимаем видео для Луны, и все наши сюжеты строятся на детском юморе вокруг союза «Кармен и Дэн». Кармен снимает ролик под названием «Как стать невидимкой», прячась за необъятной толстухой в вестибюле отеля «Моррисон» в Дублине. Дэнни исполняет песню из репертуара «Рэд Хот Чили Пепперс» в шапочке для душа в замке Баллимор. Кармен разыгрывает пантомиму, нацепив на нос свой протез. Дэнни копирует Рэя Чарльза на скалах Мохер. Кармен устраивает викторину «Что хуже?». (Заживо сгореть или утонуть? Не сесть или не встать? Не есть или не испытывать оргазм? Не мочиться или не какать? Рак или СПИД?) Кармен и Дэнни придумывают забавные каламбуры. (Мы ныряем в Паблин. Кэн и Дармен. «Виннесс» гоняет! Какая погодная хрень!)

Нам весело, страна просто сумасшедшая. Люди здесь начинают пить с десяти утра. Женщины — уродины. Кармен говорит, что это еще одно очко в пользу Ирландии. Целую!

По возвращении в Амстердам мы каждый день путешествуем на небольшом корабле по каналам, если позволяет погода. С родителями, друзьями и ящиками розового вина. Мы часто останавливаемся в, отеле «Амстел» и пьем шампанское на террасе. Или же едем на машине в Удеркерк и устраиваем себе декадентский ланч в «Кляйн Паардебург». Однажды мы проезжаем мимо кладбища Зоргвлид, и Кармен говорит мне, что хочет быть похороненной здесь.

Ужас. Только что проехали Зоргвлид. Кармен спросила, не могу ли я помочь ей подыскать здесь хорошее место под будущее захоронение. Не могу.

Кармен приглашает толпу друзей провести с нами уик-энд в замке со СПА-центром в бельгийских Арденнах. Гостей набирается двадцать три человека, это практически антология всей ее жизни. Иногда в помещении льет сильнее, чем на улице.

И еще мы занимаемся поисками дома. Мы собирались прожить на Амстелвеенсевег года три, а потом подкопить денег, работая в «MIU» и «Эдвертайзинг брокерз», и подыскать дом побольше, но метастазы в печени перечеркнули наши планы. Собственно, план был мой. Кармен еще только предстояло свыкнуться с ним, но теперь она считает, что ей обязательно нужно знать, где я и Луна будем жить потом.

— Возможно, я и сама поживу там недолго, если таксотер не подведет, — с надеждой говорит она.

Я не разделяю ее надежд, потому что, если Кармен переедет с нами в новый дом, значит, там она и умрет. И честно говоря, я боюсь, что новый дом, так же как и нынешний, на Амстелвеенсевег, лично для меня будет инфицирован ассоциацией с болезнью и смертью. Мне очень хочется, чтобы будущий дом был символом начала новой жизни для меня и Луны. Но я не осмеливаюсь делиться такими мыслями с Кармен.

Тем не менее мы подолгу беседуем о том, что ждет нас после смерти Кармен. Часами. Дома, в пабе, на корабле, на террасе. Мы говорим обо всем.

Мы с папой говорили и о том, что в будущем у тебя появится новая мама. Я думаю, это здорово. Конечно, прежде всего для папы, но и для тебя тоже, ведь нужно, чтобы кто-то мог разговаривать с тобой, смеяться, играть, веселиться. И даже если меня не будет рядом, ты всегда будешь в моих мыслях, в моем сердце. Что бы ни случилось, ты навсегда останешься моей самой любимой, даже если я не смогу говорить с тобой, нянчить тебя — я всегда буду тебя любить, так же как всегда буду любить папу.

После каждого разговора по душам мы как будто снова влюбляемся друг в друга. Мы наслаждаемся нашим общением, мы радуемся каждому дню, проведенному вместе. Дэн и Кармен, некоронованные король и королева удовольствий. И жили они счастливо, хотя и недолго.

20

Дай мне, дай мне, дай мне силы…

Suede, песня «The Power» из альбома «DogManStar» (1994)

На фоне бесконечного веселья состояние Кармен ухудшается. Побочные эффекты введения в ее организм таксотера внушают ужас. Кармен вступает в период менопаузы на пятнадцать лет раньше срока. У нее прекращаются месячные, и она резко седеет. Правда, ненадолго, потому что уже после трех сеансов химии она снова лысая. Из шкафа вновь извлекается парик. На этот раз у нее выпадают брови и ресницы. Она несколько дней носила накладные ресницы, но попытка оказалась неудачной, поскольку от таксотера у нее постоянно слезятся глаза. Весь день она утирает их носовым платком.

Но это еще не все. Отныне кончики ее пальцев заклеены пластырем, потому что ногти или размягчились, или уже сошли. Она говорит, что у нее такое ощущение, будто пальцы прищемили дверью. Сегодня утром Кармен плакала, потому что больше не может поменять Луне памперсы. Пальцы настолько слабы, что ей не удается раскрыть липучки. Промучившись, она стала злиться и на себя, и на «Проктер энд Гэмбл», досталось раку и мне, поскольку я раздраженно заметил, что всегда можно попросить меня о помощи. «Черт возьми, неужели ты не понимаешь, что я хочу сделать это сама?» — вскричала Кармен.

Другая проблема — кашель. Особенно по ночам. Иногда мне становится страшно, кажется, что она никогда не остановится. Но гораздо сильнее меня беспокоит то, что этот кашель означает дальнейшее распространение опухоли. Легкие — излюбленное гнездышко для метастазирующего рака молочной железы, как я прочитал в брошюре. Доктор успокаивает нас: возможно, это всего лишь плеврит. «Плеврит, доктор?» Как вы, наверное, догадываетесь, это еще один побочный эффект воздействия таксотера.

И Кармен совершенно обессилела. Такое впечатление, что в ней не осталось ни капли энергии. Эффект накопления, как назвала это доктор Шелтема. Организм все активнее протестует против химиотерапии. И разве можно винить его в этом?

Но до сих пор самой серьезной проблемой остается введение в вену иглы с трубочкой, по которой препараты проникают в тело.

Эти иголка и трубка стали символом несчастий, которые принес нам рак. Беда в том, что у Кармен вены расположены слишком глубоко. Обнаружить их с каждым разом становится все труднее и больнее, и медсестры подолгу мучают Кармен, прежде чем им удается ввести иглу в вену. Для Кармен это сравнимо с подъемом на гору, которая с каждой неделей становится все выше. Я карабкаюсь вместе с ней и с трудом сдерживаю слезы, когда вижу, как уродуют и без того израненную руку Кармен.

Еще две процедуры, и первый цикл из шести сеансов будет завершен. Потом три недели отдыха, чтобы организм Кармен смог восстановиться, и следующий курс. Еще шесть процедур. При одной мысли об этом Кармен становится не по себе.

— Если бы нашлось какое-то средство, которое можно принимать внутрь, а не вкалывать, — говорит она на приеме у Шелтемы. С началом химиотерапии возобновились наши еженедельные визиты к доктору. — Я не страдала бы так. — Ее снова захлестывают эмоции. Она отчаянно борется с подступающей истерикой.

— Да, — кивает Шелтема, — но такого средства нет.

И вот я сопровождаю свою рыдающую Карми в кабинет химиотерапии на пятый сеанс введения таксотера.

Остается всего семь.

Плакал в туалете после того, как Кармен ввели иглу. Это ужасно, Роза. Позвоню.

21

Что не забыть мне никогда,
Пусть даже доживу я лет до ста,
Как ты дурачила меня…

Wim Sonneveld, песня «Tearoom Tango» из шоу «An Evening with Wim Sonneveld» (1966)

Похоже, все-таки есть лекарство, которое можно пить.

Кармен выяснила это через Тони. С ее слов, в госпитале Энтони ван Лейвенхок, где Кармен проходила радиотерапию, проводятся испытания по пероральной химиотерапии. Они практикуют это вот уже несколько месяцев. Я ушам своим не верю.

Кармен просит меня позвонить в госпиталь:

— У тебя лучше получается говорить с врачами.

Доктор, с которым меня соединяют в госпитале Энтони ван Лейвенхок, подтверждает слова Тони.

Но, к сожалению, они ничем не могут помочь миссис Ван Дипен, пока она остается пациенткой госпиталя Синт Лукас. Я говорю, что понимаю и свяжусь с доктором Шелтема.

Я вешаю трубку. Кармен смотрит на меня.

— Все верно. Есть лекарство, которое можно принимать внутрь.

Кармен заливается слезами.

Меня так и подмывает ринуться сейчас же в чертов Синт Лукас, схватить доктора Шелтема за руки и пригвоздить их к столу той самой иглой, которой тычут в руку Кармен каждую неделю. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять. Десять. Глубокий вдох. Теперь можно звонить в Синт Лукас и просить к телефону Шелтему. Но, как выясняется, она в отпуске.

Ее замещает доктор Тасмил. Я объясняю ему как можно спокойнее, что мучительные еженедельные внутривенные инфузии вызывают серьезные психологические проблемы у моей жены, что доктор Шелтема знает об этом, и заканчиваю свой монолог просьбой дать формальное согласие на перевод миссис Ван Дипен в госпиталь Энтони ван Лейвенхок для прохождения курса пероральной химиотерапии.

Доктор Тасмил отвечает, что ничем не может помочь. Он объясняет, что не имеет права вот так просто передать пациента своего коллеги, и говорит, что доктор Шелтема вернется через полторы недели.

Я закипаю от ярости и кричу, что до сегодняшнего дня наивно верил в то, что врач превыше всего ставит качество жизни своих безнадежных больных. Между тем качество жизни моей жены находится на нуле, поскольку каждую неделю, за несколько дней до сеанса терапии, у нее начинается истерика по той простой причине, что она боится очередной инфузии. И тут я привожу свой последний и самый веский аргумент, в данной ситуации вполне уместный, — говорю доктору Тасмилу, что надеялся хотя бы на элементарное понимание со стороны врачей, ведь моя жена оказалась в таком состоянии по вине одного из его коллег, доктора Уолтерса, допустившего врачебную ошибку два года назад.

Доктор Тасмил раздраженно парирует, что ему об этом ничего неизвестно, к тому же это не имеет никакого отношения к делу, и вообще он считает недопустимым разговор в таком тоне.

— Вы все сказали? — спрашиваю я.

— Да.

— Прекрасно. Тогда скажу я, с вашего позволения. Я БОЛЬШЕ НЕ ЖЕЛАЮ ИМЕТЬ С ВАМИ ДЕЛА, — заявляю я и добавляю, что пришлю по факсу разгромное письмо и отправлю копии доктору Шелтема и главному врачу госпиталя Энтони ван Лейвенхок, поскольку считаю, что здоровье моей жены куда важнее, чем чертов отпуск Шелтемы.

Кармен робко спрашивает, не лучше ли нам отказаться от этой затеи. Даже не думай! Я уже в ярости. Нас просто нагло обвели вокруг пальца, опустили по полной программе.

Не теряя времени, я сажусь за компьютер. В своем письме я предупреждаю, что передам информацию в прессу, если моей жене не позволят пройти пробный тест, и буду бороться всеми имеющимися у меня средствами. Я это слабо себе представляю, но мне кажется, что мои угрозы звучат убедительно.

Наутро после отправки факса мне звонят.

— Мистер Ван Дипен, это доктор Роденбах, главный врач госпиталя Энтони ван Лейвенхок. Мне дал ваш телефон доктор Тасмил из госпиталя Синт Лукас.

Спустя два часа я и Кармен уже сидим в его кабинете. Роденбах — это оазис в пустыне бездушия. Доктор, который позволяет пациентам говорить и к тому же слушает их. Он предупреждает, что результаты пероральных тестов пока еще не подтверждены, и отмечает, что до сих пор терапия таксотером

была эффективна для Кармен. Он не советует Кармен прерывать ее ради участия в эксперименте и предлагает альтернативу инфузии. Порт-катетер. Мне почему-то сразу представляется биотуалет, но на самом деле это маленькое устройство, которое имплантируется под кожу, в область молочной железы. Операция несложная, под анестезией. После этого таксотер вводят в перманентное отверстие, и препарат попадает непосредственно в вену; все проходит безболезненно и обычно получается с первого раза. Никакой иглы и трубки. Никакого прокола вен. Кармен говорит, что узнала об этом устройстве еще полгода назад, когда общалась с чат-группой. И однажды даже обсуждала это с Шелтемой, но та категорически возражала против порт-катетера. Операция, по ее словам, довольно сложная, к тому же катетер часто засоряется. В общем, не стоит хлопот.

— Что ж… эээ… у нас другая точка зрения, — говорит Роденбах.

Он явно не хочет бросать тень на свою коллегу Шелтему из Синт Лукаса. Ту самую Шелтему, у которой я как-то спросил, не лучше ли моей жене лечиться в госпитале Энтони ван Лейвенхок, специализирующемся на раковых болезнях. И которая с раздражением пояснила, что в век Интернета вся информация по раку, всем новым разработкам и методам лечения в считаные часы становится достоянием каждого врача по всем госпиталям мира. И она же уверяла нас в том, что каждые две недели обсуждает течение болезни у своих пациентов с врачами соседнего госпиталя Энтони ван Лейвенхок.

В лучшем случае, на протяжении последних месяцев Шелтема плохо выполняла свою работу, а в худшем — бессовестно лгала нам, когда Кармен, рыдая, умоляла назначить ей любой другой способ введения химии, только не эту чертову иглу.

■

Роденбах говорит, что, по его мнению, катетер с портом лучше, чем пероральное лечение, но выбор за Кармен. И он предлагает вести ее дальше как пациентку.

Кармен выбирает порт-катетер, Роденбаха как лечащего врача и госпиталь Энтони ван Лейвенхок. Я вижу, что она довольна, доволен и я.

► Госпиталь **Энтони ван Лейвенхок** (ЭВЛ) специализируется на лечении рака. Врачи и медсестры в ЭВЛ понимают душевное состояние людей, которым поставлен страшный диагноз, или — как в случае Кармен — безнадежных больных.

С другой стороны, все посетители госпиталя знают,

что вы пришли сюда вовсе не потому, что у вашей жены родился ребенок или она поправляется после удаления аппендицита, а исключительно по причине рака. Я и сам ловил себя на том, что провожаю сочувствующим взглядом людей, бредущих рука об руку по коридорам или молча сидящих у кофейного аппарата в холле. Кто-то из них только что услышал, что опухоль обнаружена у матери, что дедушка может скончаться в любую минуту, или же врачи поставили крест на муже или жене. По сути, ЭВЛ функционирует так же, как квартал «красных фонарей» в Амстердаме. Встречая там кого-то, вы точно знаете, с какой целью он или она туда пришли.

Операция по введению порт-катетера действительно оказывается плевым делом, и Кармен радостно насвистывает, отправляясь на оставшиеся сеансы химии.

Синт Лукас остался в прошлом. Голос Шелтемы в последний раз звучит в голосовой почте. Докторесса говорит, что ей стыдно за то, как обошлись с нами во время ее отпуска, и желает нам всего самого наилучшего. Я верю ей на слово и безжалостно вычеркиваю ее из памяти. Так же поступает Кармен.

После смены врача ее жизнь не станет длиннее, но зато она будет чуточку приятнее.

22

И от этого влечения
Есть только сексуальное излечение…

Marvin Gaye, песня «Sexual Healing» из альбома «Midnight Love» (1982)

Чтобы скрасить и свою жизнь, я вернулся к старым привычкам. И я снова с Розой.

В тот день, когда стало известно о метастазах, мы встретились в кафе «Кофе Кампани», в районе Де Пийп сразу после того, как я отвез Луну в ясли. С точки зрения монофобии время вполне безобидное, да и место безопасное, поскольку находится далеко от дома Розы.

► **«Кофе Кампани»**. Здесь можно склеить девчонку, но все-таки это кафе для ценителей кофе. Чем более необычный напиток вы закажете, тем выше окажется ваш статус. Так что притворитесь знатоком. Забудьте о капучино и эспрессо. Даже если вы понимаете в кофе не больше, чем свинья в апельсинах, заказывайте американо или ристретто. Так вы автоматически войдете в круг избранных, что, собственно, и требуется.

Роза внимательно слушала, пока я изливал ей душу, выплескивая раздражение и отчаяние.

Летом, в промежутках между путешествиями и прогулками на маленьком корабле вместе с Кармен, я тайком встречался с Розой в пабах и сэндвич-барах. Мы намеренно обходили стороной кафе в ее округе, чтобы избежать соблазна закончить свидание у нее дома, что означало бы нарушение Моего Обещания Кармен.

Я твердо решил не прикасаться к Розе, и мне удалось продержаться целых четыре месяца. Это был своеобразный рекорд моногамии за все время моих отношений с Кармен. Или, скорее, *зеро*гамии, поскольку один эпизод все-таки был, в «Клаб Мед». Но с тех пор, стараниями таксотера, сексуальное влечение Кармен сошло на нет. А с ним и моя сексуальная жизнь, чего нельзя сказать о чувстве вины. Монофобия злорадно смеялась надо мной: я по-прежнему вел двойную жизнь, у меня по-прежнему

было две женщины, но я не мог спать ни с одной из них. Иногда мой член готов был взорваться от желания, стоило Розе утешить меня чуть более интимно. Тогда, вернувшись домой, я мастурбировал в туалете или под душем, мечтая о ней.

Однажды вечером, после очередной химиодрамы в Синт Лукасе, ситуация вышла из-под контроля. Я позвонил Розе, она была дома, и уже через полчаса я был у нее. Она стала утешать меня. Утешение постепенно переросло в ласки, а ласки — в секс. Поначалу она пыталась протестовать, но уже ничто не могло нас остановить. Все произошло прямо на ковре. Я вошел в нее и почти сразу кончил. Потом мы вместе плакали.

После этого меня потянуло к ней с еще большей силой. Каждые полчаса я грезил о встрече с ней. Мой день был расписан по минутам и мог служить образцом бесчеловечного распорядка. Кармен. Луна. Визиты в госпиталь. Осмотр домов, предлагаемых риелтором. Работа в офисе. Хотя последний пункт одновременно служил алиби для коротких свиданий с Розой.

Но наш нынешний роман существенно отличается от того, что было между нами раньше. На прошлой неделе, когда мы валялись в постели, Роза вдруг произнесла:

— Я люблю тебя, Дэнни.

Пусть это покажется безумием, но я был скорее польщен, чем озадачен возникшей проблемой. Поначалу я и сам не мог понять почему. Я уже нарушил Мое Обещание Кармен, а признание Розы определенно не облегчало ситуацию.

Когда до меня наконец дошло, почему от слов «Я люблю тебя, Дэнни» стало так тепло на душе, я и сам встрепенулся. Признание Розы тешит мое эго. Я снова чувствую себя мужчиной, а не только другом. Это своего рода компенсация за казенную любовь, что я получаю дома.

Я понимаю, что радоваться нечему. Но любовь в период рака живет по своим законам, уговариваю я себя. Роза — единственная, с кем я получаю удовольствие, единственная, с кем мне хорошо. Теперь и она любит меня.

Ни Фрэнк, ни «Бастилия», ни алкоголь вместе с экстези не заменят мне этой любви.

23

Меня зовет моя малышка,
Я нужен ей, ей без меня не выжить…

Golden Earring, песня «Radar Love» из альбома «Moontan» (1973)

Поначалу нам казалось, что это игра воображения, но уже спустя несколько недель стало ясно, что все обстоит гораздо хуже. У Кармен растет живот, притом что она не беременна и ест меньше, чем Луна.

Доктор Роденбах подтверждает наши подозрения. Таксотер перестал работать. Доктор методично объясняет нам, что, судя по анализу крови, опухоль вновь активна. Печень не функционирует должным образом и вырабатывает нечто похожее на конденсат. Если говорить по науке, это асцитическая жидкость. Теперь в процесс вовлечен и желудок Кармен, поскольку конденсат содержит злокачественные раковые клетки.

Роденбах говорит, что остается единственный выход, раз таксотер больше не работает. Это еще один вид химиотерапии, называемый LV. L — это лейковорин, а V — препарат 5-FU. Побочных эффектов практически нет, лекарство вводится еженедельно через катетер с портом. Мы переглядываемся и пожимаем плечами. Что ж, давайте попробуем. Поверим в удачу. Роденбах предупреждает, что речь идет лишь об отсрочке. И он надеется, что мы не опоздаем с 5-FU, поскольку этот курс можно начинать лишь по прошествии нескольких недель. Организм просто не справится с одновременным введением двух разных видов химии.

Вскоре у Кармен живот, как у беременной. Из одежды на нее уже ничего не налезает. Преодолев страх, она все-таки отправилась в магазин «Руимшутс» на Эрнстстраат. Купить платье для беременной. В магазине мы случайно сталкиваемся с бывшей коллегой по «BBDvW&R/Bernilvy», и она радостно восклицает: «О, как чудесно! Второй на подходе!» Кармен с энтузиазмом кивает: «Да! Надеемся, что будет мальчик!»

Но, помимо этого, поводов для веселья нет. Кармен вот-вот лопнет. Доктор Роденбах предлагает откачать асцитическую жидкость, но лишь небольшой объем. Чем больше откачивать, тем

быстрее она будет накапливаться вновь. Он спрашивает у Кармен, сможет ли она продержаться еще несколько дней, до первого сеанса LV. «Я справлюсь», — отвечает Кармен.

■

Вечером накануне первого сеанса LV меня не будет дома. В последнее время я редко появляюсь в «MIU», поэтому мы с Фрэнком договорились, что раз в неделю, вечером, я буду приходить и разгребать неотложные дела. Это даст мне возможность заглянуть потом к Розе.

— Ты справишься без меня? — спрашиваю я Кармен перед уходом.

— Да, все будет нормально.

Зная, что моя жена страдает не только от рака, но и от передоза оптимизма, я настроен скептически:

— Ты уверена?

— Конечно. Нет проблем.

Не проходит и часа, как звонит мой телефон.

— Я не могу, Дэн, — всхлипывает Кармен.

— Еду.

Фрэнк едет со мной. Мы вместе бежим к моей машине. Через пять минут мы уже дома, и я лечу вверх по лестнице. По лицу Кармен я вижу, что боль ее убивает.

— Ты звонила в госпиталь? — спрашиваю я.

— Нет… я побоялась.

За пару секунд я успеваю пролистать телефонный справочник в поисках нужного имени… Э… ЭВЛ… Звоню.

— Добрый вечер, госпиталь Энтони ван Лейвен…

— Говорит Ван Дипен. Могу я поговорить с кем-то из дежурных врачей отделения доктора Роденбаха?

Коротко и четко ответив «Нет, сейчас же» на вопрос дежурного врача о том, действительно ли моя жена не дотерпит до утра, я получаю разрешение привезти Кармен на пункцию.

Фрэнк остается дома с Луной.

Нам нужно подняться на четвертый этаж. Даже в лучшие времена Энтони ван Лейвенхок не мог бы конкурировать в уюте с «Бастилией», а в подсветке — с отелем «Арена», но поздним вечером атмосфера в госпитале еще более гнетущая, чем обычно.

Доктор, который будет откачивать жидкость из брюшной полости Кармен, уже ждет нас на лестничной площадке. На вид ему лет двадцать восемь, ну, двадцать девять максимум.

— Вы на абдоминальную пункцию? — спрашивает он. Отлично, еще один новый термин в моем лексиконе. Кармен кивает. Я вместе с доктором помогаю Кармен взобраться на кушетку. Кармен вводят анестезию, после чего в брюшину

вставляют трубочку полсантиметра диаметром. Другой конец трубки опущен в ведро, которое медленно наполняется желтой жидкостью, вытекающей из живота Кармен. Один литр, два, три, четыре с половиной. Кармен переворачивают на бок и слегка встряхивают, как тесто для оладий. 4,7 литра.

Кармен испытывает облегчение.

— Как будто неделю не писала!

Теперь, когда живот Кармен пуст, она снова может передвигаться. Мы молча бредем по темным пустынным коридорам госпиталя к выходу. В четверть первого ночи мы дома. Фрэнк сидит на диване перед телевизором. В машине я и Кармен едва перекинулись парой слов.

— Кто хочет выпить? — спрашиваю я.

— Мне стакан воды, — тихо отвечает Кармен.

— А я бы махнул рюмку водки, — говорю я Фрэнку. — Ты?

— Лучше пива.

Я сажусь в кресло и мысленно переживаю события прошлого вечера. Вот чего я больше всего боялся с того самого дня, как у Кармен обнаружили рак. Паники, ночных марш-бросков в госпиталь. Этот вечер занимает вторую строчку в топ-листе самых травмирующих последствий рака, уступая место бесспорному лидеру, которого можно сравнить со шлягером всех времен и народов, — облысению. Я не могу сдержать слез. Подключается и Кармен, за компанию. Фрэнк обнимает нас за плечи.

— Мне нужно было сразу сказать, что я не справлюсь, да? — виновато произносит она.

— Да, — выдыхаю я.

— Но мне так надоело постоянно жаловаться…

— Мчаться в слепой панике в госпиталь среди ночи куда хуже.

— Ты не должна ничего скрывать, Кармен, — прибавляет Фрэнк, собираясь уходить. — Тогда, по крайней мере, Дэн будет точно знать, справишься ты или нет…

Кармен смущенно кивает, обнимает Фрэнка и провожает его.

Вскоре я слышу пронзительный визг, доносящийся из туалета.

— Посмотри, что у меня! — в ужасе кричит она.

Слева, чуть повыше паха, шишка размером с бильярдный шар. Я тоже перепутан. Инфекция. Откуда мне знать, что может вырасти за три часа до размера бильярдного шара? Я пытаюсь взять себя в руки и демонстрирую хладнокровие. Мы звоним дежурному врачу в госпиталь. Он понятия не имеет, что это может быть. Звоним Роденбаху.

Он развеивает наши страхи. Ничего серьезного. Бильярдный

шар — это результат пункции, которая оставляет дырки в разных слоях абдоминальной стенки, и остатки жидкости в животе просто перетекли в нижнюю часть желудка под воздействием силы тяжести.

— Воображает, будто мы могли и сами догадаться, — сухо произносит Кармен.

Как только Кармен ляжет, жидкость снова перераспределится, и к утру дырки практически затянутся.

На рассвете я снова беспокою Роденбаха, потому что Кармен разбудила меня своими стонами.

— Доктор, это снова Дэн ван Дипен! — кричу я в панике. — Моя жена лежит рядом и корчится от боли! Она говорит, что ощущение такое, будто у нее схватки, но это ведь невозможно, не так ли?

И опять Роденбах успокаивает меня. Он говорит, что через несколько минут все пройдет. Это обычное последствие абдоминальной пункции. Внутренние органы устраиваются на прежних местах.

— У меня самого все внутри переворачивается, — говорю я Роденбаху.

— Ну, тогда вам проще понять, что испытывает ваша жена, — замечает он.

Я крепко сжимаю ее руку, едва не ломая ей кости. Такого не было даже при родах. Вскоре схватки прекращаются. Наступает облегчение. Через час просыпается Луна. Как ни в чем не бывало.

Уже проваливаясь в выстраданный сон, я с ужасом осознаю, что вчера вечером забыл сделать кое-что важное. Кажется, меня сейчас хватит удар.

О боже. Черт. Какой идиотизм. Черт-черт-черт.

Меня ведь до сих пор ждет Роза.

24

Вон с поля болтунов,
Вон с поля болтунов…

Болельщики «Аякса»,
трибуна F[40]

После подробного изложения хроники вчерашней безумной ночи и десятка извинений Роза успокаивается. Я сижу у нее на кухне за завтраком. Она все еще в халате. Я отвез Луну в ясли и сразу помчался к Розе. Мое маленькое растение в Уд-Вест срочно нуждается в поливе.

— Становится все труднее, Дэн. Я никогда не уверена, что ты не отменишь в последний момент назначенную встречу. Я постоянно волнуюсь, не случилось ли что дома, если ты вдруг задерживаешься, и мне страшно представить себе, что будет, если Кармен вдруг узнает…

— Ты хочешь, чтобы мы расстались? — тупо спрашиваю я.

— Нет. — Она вздыхает. — Конечно нет.

— Я не хочу, чтобы ты думала, будто тебя используют. Ни сейчас, ни потом, когда Кармен не станет… Потому что я уже знаю, что, когда это случится, мне понадобится какое-то время, чтобы посвятить его только Луне.

— Стоп. Я и сама это знаю. Но не хочу слышать.

— Ты должна выслушать.

Я понимаю, что говорю отвратительные вещи, но делаю это умышленно. Пусть даже это честность эгоиста, призванная заглушить голос совести, который твердит мне о том, что я действительно использую Розу как отдушину в столь сложный для меня период.

Но я нисколько не сомневаюсь в Розе. Я знаю, что она не оставит меня в беде.

25

Я не хочу делать больно тебе,
Когда больно становится мне…

All Saints, песня «Black Coffee» из альбома «Saints & Sinners» (2000)

Если LV-терапия не даст быстрого эффекта, Кармен не дотянет до Рождества. Проклятый таксотер, принес нам столько страданий, а добавил всего-то полгода жизни.

У Кармен настолько опухла печень, что выпуклость уже заметна невооруженным глазом. Она практически не функционирует, но продолжает выделять злокачественную жидкость. После первой абдоминальной пункции Кармен приходится откачивать жидкость из брюшной полости каждую неделю. В последний раз был поставлен новый личный рекорд: 7,1 литра. Я не удивился бы, если бы ее объявили чемпионкой Голландии и даже Европы, хотя Кармен, скорее всего, была бы дисквалифицирована из-за допинга.

Усадка органов после каждой пункции превращает весь процесс в пытку. Иногда Кармен терпит несколько дней, прежде чем признается мне в том, что боль невыносима. А потом все сначала.

Вместе с жидкостью из ее организма вымывается запас белков. Упадок сил очевиден, с каждой неделей у нее остается все меньше энергии. В те дни, когда ее живот полон, она не может пройти и сотни метров. Тем не менее в прошлый уик-энд она захотела немного прогуляться. Я усадил ее в инвалидную коляску, взятую нами напрокат, и мы отправились на прогулку. Я обманул Кармен, сказав, что мне совсем не в тягость толкать коляску. На самом деле меня душат слезы.

Я уже говорила тебе, что больше не могу ходить самостоятельно, поэтому мы взяли инвалидную коляску. А ты сказала, что будешь сама меня возить. Меня это тронуло до слез, и сейчас, когда я пишу эти строки, я снова плачу. Иногда это очень, очень больно. Недавно ты сама подошла ко мне и спросила: «Ты все еще болеешь?» А

на этой неделе мы вместе были в госпитале, и ты, увидев доктора, спросила: «Он вылечит тебя, мама?»

Кармен хочет делать все, но не может ничего. В прошлое воскресенье она вызвалась отдежурить утреннюю смену с Луной, чтобы я мог выспаться. В половине восьмого она пришла разбудить меня, потому что ее уже два раза вырвало.

К полудню она медленно возвращается к жизни. Так что по утрам мне приходится одевать Луну, кормить ее кашей и везти в ясли. В выходные мы с Луной ездим на гусиную ферму в Амстердаме Бос или на детскую площадку в Вонделпарке. Иногда я скрываю от Кармен, где мы были, чтобы лишний раз ее не расстраивать.

Чаще всего я не могу встать с постели раньше полудня. По утрам я чувствую себя особенно скверно. Папа каждый день встает вместе с тобой и выполняет всю работу по дому. Иногда я срываюсь и кричу на папу, потому что не могу ничего делать сама. Близким всегда достается больше всех, хотя это и несправедливо. Но я чувствую, что сегодня мы с папой вместе сильнее, чем когда бы то ни было. Несмотря ни на что, он пытается украсить нашу жизнь, и это придает мне сил, так что мы по-прежнему доставляем себе немало удовольствий, если я хорошо себя чувствую.

Но дни, когда она хорошо себя чувствует, бывают крайне редко. Последней каплей становится тот день, когда Кармен приходится пропустить рождественский утренник в яслях. В то утро ей удалось встать с постели, одеться, но дальше этого дело не пошло. Она валится с ног от слабости. На утреннике я единственный мужчина — не считая Санта Клауса (хотя он и в платье) и двух его эльфов — в окружении двенадцати матерей.

— Если я даже этого не могу, значит, со мной все кончено, — рыдает Кармен, когда мы с Луной возвращаемся домой.

Слезы ручьем текут по ее щекам.

До меня вдруг доходит, что Кармен чувствует приближение конца. Она торопится осуществить задуманное.

Так, она попросила Мод, Анну, Томаса и Фрэнка сделать кольцо. «Пусть это будет на память». Я уже заказал одно кольцо, которое позже должно заменить мне обручальное. На нем гравировка: *«Моей самой большой любви. ххх Кармен»,* (ххх означает «целую-целую-целую».) Когда мы забираем кольцо, ювелир спрашивает, не собираемся ли мы пожениться.

— Нет, это для другого особого случая, — весело отвечает

Кармен.

— О, кажется, я понимаю, о чем речь, — говорит женщина, многозначительным взглядом окидывая живот Кармен. — Какая чудесная идея — отметить такое событие кольцом!

В электронном письме, разосланном друзьям и знакомым, Кармен просит их написать что-нибудь о ней для Луны. Письма идут потоком. Мы покупаем большую коробку, куда складываем их вместе с дневниками и фотографиями Кармен и — это идея Фрэнка — двумя видеофильмами, в которых наши друзья говорят о Кармен. У Луны не будет матери, но при желании она сможет узнать о ней гораздо больше, чем ребенок, у которого мама жива.

■

В буклете благотворительного фонда «Радуга», который Кармен находит на столике в приемной госпиталя Энтони ван Лейвенхок, она читает о детских психологах, специализирующихся на работе с детьми, пережившими горе. Так мы оказываемся у психолога на Рапенбургерстраат. Без Луны, потому что хотим поговорить по душам.

Кабинет психолога забит игрушками. На стенах детские рисунки. На одном из них нарисованы большой крест и кукла с крылышками. «Моя мама», — написано детским почерком. Надеюсь, Кармен не видит этого рисунка. Психолог объясняет, какие моменты первых трех лет жизни остаются в памяти ребенка, как дети понимают смерть, как развивается ребенок после утраты одного родителя. Когда мы рассказываем психологу о том, что Кармен пишет письма Луне, она находит эту идею блестящей. Иначе у Луны не останется никаких воспоминаний о матери. Слыша это, Кармен не может сдержать слез. Психолог терпеливо выжидает и говорит, что детей в возрасте до трех лет можно правильно подготовить к смерти родителя. «Только не делайте это слишком быстро, — говорит она, — но и не скрывайте того факта, что мама больна и через некоторое время ее не станет».

Она дает нам рекомендации о том, как беседовать с Луной на эту тему, и предупреждает об опасности «отчужденного поведения». «Когда дети слышат или замечают, что им предстоит потерять того, кого они любят, они иногда начинают проявлять некоторую агрессию по отношению к этому человеку. Это инстинктивная защитная реакция против боли, которую впоследствии причинит им этот человек своим уходом из жизни».

То, что она говорит, пугает меня, но вовсе не из-за Луны. Я узнаю собственное поведение. Сомнения в любви к Кармен, монофобия, которая начинает принимать маниакальную форму. Выходит, мальчик Дэнни все это время демонстрирует

отчужденное поведение.

Вечером я читаю Луне сказку «Лягушка и птичка», которую дала нам психолог. Птичка лежит на спине, и одни думают, что она просто спит, а другие — что она устала.

Кролик склонился над птичкой и внимательно посмотрел на нее.

— Она умерла, — сказал он.

— Умерла? — спросила лягушка. — Что это значит?

Кролик показал на голубое небо.

— Все умирают, — сказал он.

— И мы тоже умрем? — удивилась лягушка.

Кролик не был в этом уверен.

— Может быть, когда станем старенькими, — ответил он[41].

Они хоронят маленькую птичку и очень грустят. Но потом идут и весело играют. Пока я читаю, Луна гладит меня по руке своей маленькой ручкой. Она видит, что мне трудно, и жалеет меня. А я жалею ее, потому что Луна не знает, что маленькая птичка — это ее мама.

■

Кармен придумывает свою сказку.

> *Мы купили двух рыбок, которых я назвала Элвис и Бивис. Ты так полюбила их. На прошлой неделе мы увидели, что Элвис безжизненно покачивается на воде в аквариуме. Я подумала, что, наверное, это не так уж плохо, потому что теперь ты знаешь, что животные и люди умирают. Ты спросила, как так вышло, что Элвис умер, и я сказала тебе, что, должно быть, он тяжело заболел и его не смогли вылечить, как бывает иногда и с людьми. Тогда они тоже умирают. Я сказала тебе, что Элвис, наверное, отправился в рыбий рай. Ты успокоилась. Потом я спустила Элвиса в унитаз. Вечером пришел папа, и ты сказала ему, что рыбка умерла и отправилась в рыбий рай. «Это в туалете», — добавила ты. Вскоре и Бивис умер, и мы тоже спустили его в унитаз, но ты решила, что это даже к лучшему, потому что теперь он будет рядом со своим маленьким другом Элвисом. Когда я умру, я улечу в человеческий рай, а ты сама говорила, что это на облаках. Видишь, ты уже начинаешь понимать что к чему.*

26

Наш собственный дом, что может быть слаще,
А мне бы простого счастья почаще…

Rene Froger, песня «Een eigen huis»(1989)

Богиня, мы купили дом! В Оуд-Зуид, Йох. Верхулстстраат. Кармен на седьмом небе от счастья. Здорово, правда?

Оуд-Зуид, пожалуй, самый щегольский район Амстердама. Ветка винограда в местной овощной лавке дороже месячной аренды в приличном квартале вроде Бос ан Ломмер. Снобизма здесь хоть отбавляй, и даже снек-бар гордо именуется на французский манер: «Ле Сюд».

Кармен просто в восторге. Она уже всем в красках расписала наш новый дом. Анна и Томас приезжают посмотреть, и мне становится немного неловко. Дом действительно чудесный, но он неприлично огромный. Четырехэтажный, он вдвое больше нашего нынешнего. А пройдет какое-то время, и в нем будет уже не трое жильцов, а только двое.

В субботу, после подписания договора, мы отправляемся в рейд по мебельным центрам на острове КНСМ. Фрэнк рекомендовал нам посетить шоу-рум «Поггенпол» и заглянуть в «Мир чудес» и «Пилат энд Пилат». Но после двух магазинов Кармен сдается. У нее опять начинает пухнуть живот. Так что у нас есть дом в виде великолепной коробки, есть деньги и время, чтобы обставить его, но нет физических сил, чтобы что-то купить.

Мы едем к Фрэнку и просим его помочь. Он счастлив. И с энтузиазмом вгрызается в наш проект. Каждый вечер мы тычем пальцами на образцы напольных покрытий, изучаем каталоги мебели и светильников. В общем, выглядим как молодожены, победители викторины «Медовый месяц».

В воскресенье, когда мы получаем ключи от дома, приезжает мать Кармен. После экскурсии по дому мы стоим на третьем этаже, в комнате, отведенной под спальню Луны, и вдруг мать Кармен прорывает. Я знал, что рано или поздно это случится, но все равно потрясен, когда это происходит. Она с трудом

сдерживает рыдания, сотрясаясь всем телом. Я подхожу к ней и обнимаю ее за плечи. Так мы стоим в будущей спальне ее внучки. Мы оба знаем, что Кармен уже никогда не будет нянчить здесь Луну, как когда-то ее мать нянчила свою дочку.

27

Безумно счастливые люди…

R E M, песня «Shiny Happy People» из альбома «Out of Time» (1991)

Совершенно неожиданно LV-терапия дает эффект, и Кармен становится лучше.

По утрам она все еще вялая, но после полудня сил заметно прибавляется, и она часто выходит на прогулку. С головой окунается в шопинг и таскает покупки, пока не надорвется. Для нового дома это благо. По крайней мере, гардеробных в нем хватит, чтобы вместить всю новую одежду.

С новым домом все складывается в высшей степени удачно. Я беру на себя все заботы — банк, грузчиков, нотариуса, продажу старого дома. Кармен не приходится заморачиваться этими проблемами, и это хорошо, поскольку, с тех пор как она перестала работать, память у нее дырявая[42]. Все это отнимает у меня много времени, но доставляет огромное удовольствие. Думаю, потому, что это связано с будущим. Будущее. Ммм… Жду не дождусь его.

Хотя всю работу по обустройству дома на самом деле выполняют Мастеровые.

► **Мастеровые** — прославленный дуэт декораторов, в составе которого два парня: Рик и Рон. Лично я ни к чему в доме не прикасаюсь. У меня нарушена способность к овладению навыками ручного труда, и я руководствуюсь принципом Йохана Кройффа: совершенствуй свои достоинства и маскируй слабости. Я совершенно не комплексую по поводу отсутствия у меня навыков «сделай сам». Мастеровой Рик постоянно подкалывает меня: «Смотри, Дэн, это молоток». Я призываю ребят не умничать и просто делать свою работу, тем более что они уже давно находятся под прицелом камер видеонаблюдения, встроенных в глазки Беби Банни, куклы Луны, которая на пару с плюшевой собакой Маф ведет круглосуточное дежурство по дому. На следующий день я обнаруживаю, что глаза Беби Банни заклеены скотчем.

Работа в доме кипит, так что грех жаловаться. Мастеровые сдают одну комнату за другой. Спальня Луны, как и планировалось, готова в первую очередь. Если ребята и LV-терапия будут продвигаться в таком темпе, похоже, Кармен все-таки удастся пожить в новом доме.

Окружающие не догоняют. Никто ничего не говорит, но мы замечаем, что наши друзья начинают сомневаться в том, что ситуация столь драматичная, как мы ее преподносим. От Мод и Фрэнка я узнаю, что кто-то из «MIU» даже осмелился спорить, что Кармен доживет до семидесяти. Однажды я краем уха слышу, как Томас рассказывает Фрэнку о том, что Кармен «потрясающе изящна». На корпоративной вечеринке в «Эдвертайзинг брокерз» Кармен спрашивают, когда она вернется. Не *вернется ли,* а *когда* вернется.

Я могу это понять. Полтора года назад мы сказали, что у Кармен особо тяжелая форма рака с высокой вероятностью летального исхода. Мы говорили об этом весь год. Потом объявили, что Кармен безнадежна, поскольку опухоль дала метастазы. В начале декабря все именно так и выглядело: с каждым днем Кармен становилось все хуже. И вот прошло несколько месяцев, а Кармен порхает! Выходит, все налаживается. Кармен идет на поправку. У нее отрастают волосы, она хорошо выглядит, внешне не заметно, что она носит протез, она бодра и жизнерадостна. Да, конечно, бросается в глаза худоба, и живот периодически пухнет, и это немного портит картину — но ведь в целом все хорошо, правда?

Друзья, родные, коллеги и знакомые вряд ли могут представить себе, что можно жить со смертельной болезнью. И ждать — то ли тебе станет лучше, то ли ты умрешь. Вот так просто.

Но на самом деле все не так просто.

— Некоторые пациенты, подвергающиеся LV-терапии, годами борются с раком, — говорил нам Роденбах, — но бывает и так, что уже через неделю LV вдруг перестает работать. Тут мы бессильны делать прогнозы.

Финишная лента марафона вновь отодвинута. И неизвестно, на сколько километров. Мы вновь отброшены назад, в неопределенность, в которой пребывали весь первый год, с момента обнаружения рака.

Спасибо, док.

28

От ярости скрипя зубами,
Я все равно кручусь, как белка в колесе…

The Smashing Pumpkins, песня «Bullet with Butterfly Wings» из альбома «Melon Collie and the Infinite Sadness» (1995)

После того как ей стало лучше, Кармен, разумеется, не могла тратить все свое время на шопинг, хотя и очень старалась. Она начала задумываться и о других материях. Ну, вроде моих признаний на летнем отдыхе в «Клаб Мед». Поначалу она сдерживалась. Мы были счастливы вместе и хотели прожить оставшееся нам время в свое удовольствие. Потом ее здоровье резко пошатнулось, и все внимание и силы ушли на то, чтобы выжить.

Но теперь в повестку дня Кармен вернулись мои прошлые подвиги. В последнее время она стала все чаще звонить мне в течение дня, проверяя, где я нахожусь, и подробно расспрашивать о том, что я делал, если отсутствовал дома более часа.

Кармен еще не заговорила об этом, но я уже чувствую, что ей хочется обсудить со мной «Веселые пятницы Дэнни». И это в такой момент! У меня заранее портится настроение, хотя она еще и не заикнулась об этом. Сам факт меня бесит. Черт возьми, неужели ничего святого не осталось в этом мире?

Сегодня пятница. Мой план таков: перекусить с Рамоном, а потом — к Розе. Я, в розовой рубашке и туфлях из змеиной кожи, захожу в гостиную. Кармен лежит на диване, смотрит телевизор. По ее глазам я вижу, что не ошибся в своих подозрениях. Я прикидываюсь полным кретином и подхожу к ней с поцелуем.

— Спокойной ночи, любимая, — говорю я приторным голосом.

— Ты знаешь, мне бы не хотелось, чтобы ты уходил сегодня.

— Дорогая, если что-нибудь случится, я сразу приеду. Я беру с собой телефон.

— Я не это имею в виду. Я просто хочу, чтобы ты остался дома.

— Не понял. Мы с Рамоном договорились встретиться через десять минут. Я же заранее предупредил тебя! Всю неделю я ждал

этого вечера. Ты же знаешь, пятница для меня единственный день отдыха.

— Тебе следовало думать об этом, прежде чем трахать всех подряд, — холодно произносит она.

— Карм, это смешно и нелепо. Мы уже все выяснили, пока были в «Клаб Мед».

— Да, однако теперь я иначе на это смотрю. Если ты уходишь из дому, разве я могу быть уверена в том, что ты снова не изменяешь мне?

Не знаю, как это у меня получается, но я искусно разыгрываю возмущение:

— Карм! Дай мне вздохнуть! Я хожу с тобой на химию, на радиацию, скандалю с врачами, выдергиваю их по ночам из постели, я… я… делаю все для тебя!

— То, что ты делаешь для меня, здесь совершенно ни при чем. То, что ты делаешь, — это норма. «В горе и в радости…» Не забыл еще, Дэниел ван Дипен? — бросает она.

Теперь я по-настоящему взбешен. Она не всерьез. Она не может так думать. Я выдерживаю паузу, чтобы услышать это от нее. Но она молча с вызовом смотрит на меня.

— Отлично, — говорю я дрогнувшим голосом. Хватаю телефонную трубку, швыряю ее на диван. — Тогда просто позвони Анне или Мод или своей матери. Пусть они ухаживают за тобой, если ты считаешь, что все, что я делаю, это всего лишь норма. Я переночую в отеле.

Я шагаю к двери. Кармен бросает телефон мне вдогонку.

— Иди, беги! Снова трахай кого-нибудь, — визжит она. — Да хоть себя самого! Ты мне не нужен!

Ты мне не нужен. *Ты мне не нужен.* После полутора лет госпиталей, визитов к врачам, истерик, тревог и страданий *я ей не нужен.*

Кипя от ярости, я резко распахиваю дверь в коридор. *Ты мне не нужен.* Тогда сама возись со своей раковой канителью, Кармен ван Дипен. Я умываю руки. Едва сдерживаясь, я накидываю куртку и, ругаясь про себя, открываю дверь дома.

И замираю на пороге.

У моей жены рак, и она умирает. Я не могу уйти. *Я действительно не могу уйти.* Я захлопываю дверь и снимаю куртку. Смотрю на себя в зеркало. *Я действительно не могу уйти.* Из гостиной доносится тихий голос Кармен:

— Дэнни?

Я возвращаюсь в гостиную. Кармен уже стоит у двери.

— Прости… — еле слышно произносит она. — Прости меня, Дэнни…

Я беспомощно смотрю на нее, подхожу и заключаю ее в объятия. Она обмякает в моих руках, как тряпичная кукла, и у нее начинается истерика.

Рамон, сегодня ничего не получится. Расскажу потом.

Богиня, проблемы дома. Не смогу прийти. Позвоню завтра. Извини.

После часа слез, утешений и примирений мы решаем позвонить Фрэнку и пригласить его в гости. Облом. Он не может. «Я в кафе, „Беп“».

► **Кафе «Беп»**. Дизайнерское кафе, где все продумано, вплоть до мусорных ведер. «Беп» вот уже десять лет находится на Нойвезийдс Воорбургвол, самой хипповой улице. Все начиналось с «Сеймор Лайкли» и «Шуйма» (это за углом, на Спуйстраат). Потом появились «Дип» и «Беп». Каждый, кто что-либо значит в рекламе и паблик рилейшнз, успел отметиться здесь, так что и я с Рамоном не могли остаться в стороне. Пока не пришли к выводу, что «Бастилия» нам все-таки милее, и с этого момента наша ночная жизнь — *Ordnung muss sein!*[43] — вернулась в привычную колею.

— О…

— Что-то случилось?

— Ээ… нет. Все, проехали. Веселись!

— Постараюсь!

Я звоню Мод. В телефоне слышны знакомые звуки. Это гудит паб.

— Дэнни? — кричит она. — Я тебя плохо слышу. Я в «Пилсвогель» с Ташей.

Я нажимаю клавишу «отбой» и отправляю Мод сообщение, что ничего срочного.

— Все пьют в городе, — говорю я раздраженно.

Кармен не осмеливается даже взглянуть на меня.

— Но это не имеет значения, любовь моя. Может, позвонить Анне?

— Да, конечно. — Она смеется. — Если мы еще расскажем ей, из-за чего ругались, она своим присутствием заставит нас повторить это на бис…

Я звоню матери Кармен. Она чувствует, что у нас проблемы, и, прежде чем я успеваю задать ей вопрос, сама предлагает

приехать к нам. Через полчаса она у нас. Мы болтаем обо всем на свете, только не о том, из-за чего ругались сегодня вечером. В одиннадцать Кармен ложится спать, смертельно усталая. Я открываю еще одну бутылку красного и остаюсь в гостиной с матерью Кармен.

Когда наверху становится тихо, она спрашивает, из-за чего мы поссорились с Кармен.

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю я с удивлением.

— Мать чувствует такие вещи, — отвечает она с улыбкой. И внимательно смотрит на меня. — Не так давно Кармен рассказывала мне о твоих изменах.

— О?.. — Я в шоке.

— Будь ты моим сыном, я задала бы тебе хорошую порку.

Я ухмыляюсь, пытаясь сохранить лицо.

— Знаешь, милый мой, — продолжает мать Кармен, — я по ночам не сплю и все думаю про этот проклятый рак, про то, что он делает с тобой. Как бы мне хотелось, чтобы это я ходила на химию, чтобы мне ампутировали грудь, чтобы я страдала вместо Кармен. Я очень хорошо понимаю тебя и не осуждаю за то, что иногда ты срываешься.

— Я тоже так думаю, — тихо говорю я.

— Но этот домашний арест тоже не выход. И я завтра же скажу об этом Кармен. Я вижу, как тебе трудно. И считаю, что ты просто молодчина. — Она крепко обнимает меня. — Я горжусь, что у меня такой зять.

Мне уютно в объятиях тещи.

— Тебе иногда не хочется, чтобы все это поскорее закончилось? — спрашивает она.

— Да, если честно, то да.

— И это я понимаю, сынок, — нежно произносит она. — Я очень хорошо тебя понимаю. Тебе нечего стыдиться. — Она целует меня в лоб и утирает слезы. — А теперь я хочу выпить кофе, разбойник!

29

Иди ты к черту,
Я не буду делать так, как хочешь ты…

Rage Against the Machine, песня «Killing in the Name of» из альбома «Rage Against the Machine» (1992)

— Как фамилия Рамона? — кричит Кармен.

— Дель Эстрехо, — кричу я в ответ.

— Дель Эстрехо, столик на двоих, если есть такой заказ.

Пауза.

— Хорошо. Нет, все в порядке, я просто хотела проверить. Спасибо.

Она вешает трубку.

— Теперь ты мне веришь? — вздыхаю я, не отрываясь от газеты.

Она вздыхает и кивает:

— Ну иди тогда.

Буду у тебя в половине одиннадцатого, Богиня. Целую!

— Что?! И как давно? — спрашивает Рамон, жуя стейк.

— Полтора года, — спокойно отвечаю я.

— *Полтора года?* — говорит он так громко, что слышит весь «Ле Гараж».

► **«Ле Гараж».** Джентльмены средних лет приходят сюда с женщинами, которые выглядят так же вкусно, как и еда, что подают в «Ле Гараж», правда, они не столь свежи и содержат куда больше красителей, ароматизаторов и консервантов.

— Да.

— Значит, когда мы были в Майами, она уже была больна?

— Да.

— Почему ты мне раньше ничего не рассказал?

— Потому что, куда бы я ни пошел, везде разговоры только про Кармен. Приходится всем рассказывать, как она, что она. А с

тобой не нужно было говорить об этом. Ты был для меня зоной, свободной от рака.

— Черт, как же хреново… — Он смотрит куда-то вдаль. — Черт возьми, я ведь чувствовал: что-то не так, — вдруг произносит он. И переводит взгляд на меня, причем с несвойственным ему серьезным выражением лица. — Я и подумать не мог, что все так плохо. Ты так изменился за последний год, амиго. Начал принимать таблетки, стал носить эти красивые рубашки, дорогущую кожаную куртку, прическа у тебя хипповая. Теперь все ясно. Ты просто пытаешься отвлечься от того дерьма, что у тебя дома.

У меня челюсть отваливается. Рамон, у которого, как я думал, на уме только футбол и шлюхи, понимает то, что друзья вроде Томаса даже не хотят понимать.

— На прошлой неделе, когда ты не смог прийти, что-то случилось с Кармен? — спрашивает он с беспокойством. Из его уст это звучит даже забавно.

— Нет, это я валял дурака, — отшучиваюсь я. — Сейчас Кармен держит меня в ежовых рукавицах. Контролирует каждый мой шаг.

— И правильно делает, с таким-то мужем-бабником, — говорит он, без всякого стеснения вытирая рот рукавом. — Если она узнает, что ты изменяешь ей даже сейчас, когда она больна, я лично откручу тебе башку Сечешь, парень? Держи это при себе, ну и при друзьях, амиго[44]. Ладно, а теперь пошли в «Бастилию», проверим, нет ли там хорошеньких цыпочек.

Он подзывает официанта и просит счет.

— Я не пойду, — отвечаю я. — У меня свидание с девушкой, и я должен был появиться у нее еще час назад.

■

Как всегда, припарковаться на Эрсте Хелмерсстраат невозможно. Черт, уже половина двенадцатого. Зачем я взял машину? От «Ле Гараж» до дома Розы всего три остановки на трамвае.

Я еду, Богиня! Не вешай нос!

После безуспешного объезда двух кварталов, за время которого я исчерпал весь запас ругательств, я паркую машину на стоянке для инвалидов, полагая, что в это время ночи шанс быть эвакуированным менее пятидесяти процентов. Без четверти двенадцать я звоню в дверь ее подъезда.

— Привет, — говорю я в домофон.

Мне не отвечают. Когда я взлетаю на третий этаж, вижу, что Роза мрачна, как Луи ван Гаал на пресс-конференции.

— Извини. Задержался с Рамоном.

— Извини?! — Она качает головой. — Это уже второй раз за неделю, когда мне приходится сидеть и дожидаться тебя, как идиотке. Весь вечер в прошлую пятницу и вот сегодня еще полтора часа. А теперь что, прикажешь плясать от радости, что явился мой господин? С меня довольно, Дэн!

Нет, к этому я не готов. Я смотрю на нее сурово.

— Знаешь, скандалов мне и дома хватает. Я прихожу сюда не за этим, — произношу я ледяным тоном.

— О, так вот в чем дело?

— Да.

— Что ж, тогда проваливай к черту! — кричит Роза.

Что я и делаю. Когда на меня кричала Кармен, я остановился на пороге дома, осознав, что не могу уйти, но у Розы меня ничего не держит. Или я виноват в том, что она меня любит?

30

Вчера я напился и понял:
Женщинам не светит то,
Чего они достойны…

The Scene, песня «Blauw» из альбома «Blauw» (1990)

Я хлопаю дверцей машины и мчусь как сумасшедший вверх по Эрсте Хелмерсстраат в направлении Константин Хайген, потом сворачиваю налево, на Овертуум. Мелькает мысль — не извиниться ли перед Розой? Нет, это выше моих сил. Вместо этого я отправляю сообщение Рамону:

Ты в Б.?

Такое же сообщение отправляю и Мод. Я хочу ее видеть. По крайней мере, с ней нет таких сложностей, как с Розой. На полной скорости я несусь по Стадхудерскаде, под музыку «Де Дийк»: *«Ты вдруг чувствуешь, что все получится… нет, еще не поздно, мы в большинстве, нас много… тех, кто хочет только одного — подставить лицо солнцу…»* Рамон отвечает: ДА! Я улыбаюсь во весь рот. *«Все получается, мы только начинаем… и правда, все только начинается!»*

Пожалуй, «Де Дийк» правы: мне приходит сообщение и от Мод. Она с Ташей… ммм… в «Пилсвогель», собирались перейти в «Мор», но с удовольствием заглянут сначала в «Бастилию».

Развернувшись на Лийнбаансграхт, я тоже мчусь в «Бастилию». Темп у меня, как на автогонках.

У стойки бара мужчина, его рубашка расстегнута на пару пуговиц больше, чем того требуют приличия, зато можно полюбоваться его роскошными грудными мускулами. На его руке виснет блондинка, которую природа наградила огромным «рубильником». Она представляется Дебби. Если Кармен называет себя экс-блондинкой-с-большими-сиськами, то с Дебби все обстоит иначе: блондинка она крашеная, а сисек у нее отродясь не было. Но Рамона это обстоятельство ничуть не смущает и тем более не может испортить ему настроения.

— Изменились планы, амиго?

Я пожимаю плечами.

— Тебе тоже водки? — Рамон хохочет, обнимает меня и

награждает крепким хлопком по плечу. Потом достает маленькую круглую таблетку. Почему бы нет?

Я беру таблетку и запиваю ее водкой. В ту же минуту в бар врываются Мод и Таша. Они бросаются мне на шею. Визжат от радости. Бог мой, а мне-то казалось, что это *я* перебрал сегодня с алкоголем.

— Дэнни, вид у тебя неважный, — говорит Мод. — Что-то случилось?

— Нет, ничего. Вам обеим водки с лаймом?

— Я выпью «Бризер», — мурлычет Таша, обнимая меня. — Только красный. От него язык сладенький. Ты сможешь сам это проверить потом, если захочешь.

Я смущенно хмыкаю.

— Значит, Розы здесь нет? — непринужденно спрашивает Таша, когда я протягиваю ей коктейль.

— Откуда ты знаешь про Розу? — удивляюсь я и бросаю гневный взгляд на Мод. Та энергично качает головой, давая понять, что Таша узнала не от нее.

— Ну… — пожимает плечами Таша, — возможно, тебе следует закрывать свой почтовый ящик, когда уходишь от компьютера.

Мое лицо приобретает оттенок томатной пасты. Мод заливается смехом. Да, собственно, какая мне разница? Ведь я в «Бастилии», и Рамон только что угостил меня третьей порцией водки с лаймом за последние полчаса, таблетка начинает действовать, Мод вслед за Ташей обнимает меня за талию, я собираюсь отправиться в «Мор» с двумя цыпочками, в «Бастилии» звучит песня Роберта Леруа «Вини во всем ночь», и я с этим полностью согласен.

■

Уже три часа ночи, когда мы попадаем в клуб «Мор». Ну или прорываемся: меня обыскивают так, будто я пытался попасть на «Де Кюйп»[45] в шарфе болельщика «Аякса».

> ► Если «Рокси» можно было назвать местом клубного отдыха Марко ван Бастена, то «Мор» — это вотчина Тома Бланкера[46]. Заведение так и не оправдало возложенных на него надежд. А именно: стать новым «Рокси». Если я правильно интерпретирую мнение Фрэнка, «Мор» и в подметки не годится «Рокси».

Я понимаю, что вряд ли мне удастся быть дома через час. Я уже прошел точку невозврата. Противостоять таблетке Рамона и язычку Таши нет никакой возможности. После очередного поцелуя я бросаю виноватый взгляд на Мод. Она реагирует вовсе

не так, как я ожидал. По ее зрачкам я вижу, что она тоже приняла таблетку Рамона. Она хватает меня и лезет целоваться. Так мы втроем и переминаемся на танцполе «Мор», обмениваясь поцелуями. Таша шепчет что-то на ухо Мод. Та на мгновение задумывается и кивает.

— Как насчет клубнички, Дэн?

■

Мне следовало знать заранее. Если ты всегда являешься домой не позднее половины пятого утра и вдруг однажды тебя нет дома и в половине седьмого, скандал неизбежен.

Дзинь-дзинь-дзинь.

Я жестом призываю Мод и Наташу заткнуться.

— Ну и где ты, негодяй? — сквозь слезы произносит Кармен.

— Я… я уже еду…

— Черт возьми, уже без четверти шесть, Дэн! — Кармен в ярости.

У меня ком в горле. Мод сидит, дрожа, на кровати. Таша невозмутимо закуривает.

— Держись, — шепчет Мод, когда я выхожу за дверь. Таша просто подмигивает.

Я бегу к машине, которая припаркована бог знает где, на Сейнтуурбаан. Быстро осматриваюсь, нет ли поблизости копов, и еду прямо через трамвайные пути по направлению к Хоббемакаде. Я вытаскиваю из проигрывателя диск «Де Дийк» и ставлю «живой» альбом Брюса. Включаю поиск, пока не раздается пронзительная мелодия песни «Земля обетованная». Желтый сигнал светофора на Ролоф Хартстраат загорается, когда я всего в пятидесяти метрах. Я резко давлю на тормоз и мысленно прощаюсь с правами, пересекая улицу на красный свет. Адреналин бушует в моем теле. Я мчусь дальше под аккомпанемент безысходной лирики Спрингстина. *Иногда я чувствую себя таким слабым…* — Я слегка притормаживаю на повороте у заправки «Шелл», — *…я вот-вот взорвусь…* — снова сбавляю скорость, чтобы вписаться в поворот, — *…взорвусь и разорву этот город в клочья…* — и увожу машину влево; резко маневрируя, я объезжаю островок безопасности, — *…возьми нож…* — но тут мой «шеви» начинает заносить, — *…вырежь эту боль из моего сердца…* — и в следующее мгновение он переворачивается. Я слышу тупой звук удара, треск битого стекла, и «шеви» скользит по асфальту.

Потом становится тихо. От этой тишины звенит в ушах.

Никакого тебе Хазеса. Никаких «Де Дийк». Никакого дома. И Спрингстина. Я на боку, удерживаемый ремнем безопасности. Я в ступоре. Потом вдруг целый вихрь мыслей и ощущений. Я жив. Боль? Никакой боли. Движение. Да. Стекло. Стекло повсюду. О

черт, Кармен! Пожар? Выбирайся немедленно! Я на середине дороги. Выбирайся! А что, если рванет? Выбирайся. Ползи. Быстро. Полиция. Пьяный! Черт! О черт! Черт-черт-черт-черт.

Я толкаю пассажирскую дверцу и неуклюже выбираюсь из машины. Вид днища машины вызывает у меня искреннее удивление. Надо же, без девяти минут шесть, а мой «шеви» валяется, перевернутый, на дороге. Как будто сдался, не выдержал нагрузки.

Я иду к тротуару, перевешиваюсь через перила моста. Медленно до меня начинает доходить смысл происходящего. Только что произошла ядерная катастрофа. Моя машина. Моя водительская лицензия. Свершится чудо, если они найдут хоть каплю крови в моем накачанном алкоголем теле[47]. Все может закончиться тюрьмой. Да я вообще мог погибнуть. Луна… О, и Роза думает, что я дома. Господи, что будет с Кармен…

Я звоню ей. Она не отвечает. Я отправляю ей сообщение, что попал в аварию, к счастью, не пострадал, но дома буду не скоро.

Подъезжает полицейская машина с сиреной. Я спешно сую в рот мятную жвачку.

■

В полицейском участке мне приходится сдать телефон, бумажник и ключи, снять ремень и шнурки. Я должен ждать в этой комнате. Дверь захлопывается.

Собственно, это не комната, а самая настоящая камера. Черная стальная дверь с маленьким зарешеченным окошком. Я сажусь на койку, приделанную к стене.

Дома моя жена, которая скоро умрет, всю ночь ждала моего возвращения. В Уд-Весте женщина, которая терпела меня столько времени, всю ночь проревела. А я здесь.

Кажется, проходит вечность, прежде чем меня выводят из камеры. На самом деле прошло всего двадцать минут. Я делаю заявление, и мне разрешают вызвать такси, чтобы ехать домой. На часах без четверти семь.

Кармен в гостиной, в инвалидной коляске. С непокрытой лысой головой, в сером халате, она встречает меня убийственным взглядом:

— Где ты был, когда я тебе звонила?

— С девушкой.

Удар.

Впервые в жизни женщина бьет меня по лицу.

И я не могу осуждать ее за это.

— И тебе этого мало, ты еще садишься за руль вдрызг пьяный!.. — Она качает головой. И добавляет с дрожью в голосе: — Так Луна скоро потеряет не только мать, но и отца тоже!

31

Я как этот чертов царь Мидас: все, к чему прикасаюсь, превращается в дерьмо…

Сериал «Клан Сопрано» (1999)[48]

Когда я просыпаюсь, я обнаруживаю, что лежу в постели один. Я смотрю на свой телефон и вижу сообщение от Рамона. К счастью, не открытое Кармен. Он спрашивает, хорошо ли я развлекся с девчонками. Еще бы. И *продолжаю* развлекаться. Я встаю, принимаю душ и спускаюсь вниз. Кармен — у нее красные глаза — кормит Луну.

— Тебе пора сходить к психологу. Так больше не может продолжаться.

Я молчу. Кармен уходит наверх, а я машинально скармливаю Луне остатки каши.

Вскоре Кармен возвращается. У нее в руке большая сумка.

— Я ухожу.

— Куда? — мягко спрашиваю я.

— К Томасу и Анне.

— Когда вернешься?

— Еще не знаю, — со слезами в голосе произносит она, — не знаю, Дэнни.

Я подхожу к двери с Луной на руках. Кармен целует Луну, говорит «Я позвоню», садится в свой «жук» и уезжает, не оглядываясь.

Луна целует меня и обнимает за шею. Я говорю ей, что вел себя очень плохо.

— Папа выпил много пива, а потом поехал на машине и вместе с машиной перевернулся.

— В «шеви»?

— Да…

— Мама очень сердита на тебя, да?

— Да.

Мы крепко обнимаем друг друга. Я тихо напеваю нашу любимую песенку:

Папа и Луна весело играют,
Им так хорошо вдвоем,
И все об этом знают.

Я звоню Фрэнку и говорю, что задержусь. Сажусь на велосипед и везу Луну в ясли. Оттуда еду в автосервис, где «шеви» суждено застрять надолго. Достать билет на решающий матч «Аякса» куда легче, чем получить запчасть для «шевроле» даже через месяц после заказа. Впрочем, вернуть права мне удастся только после суда, и это в лучшем случае, так что нечего и переживать из-за долгого ремонта.

Я цепенею от ужаса, когда вижу свою машину. Водительская сторона выглядит так, будто автомобиль на боку выполнял скользящий поворот на стадионе «АренА». «Хорошо, что вам удалось самостоятельно выбраться», — говорит механик, качая головой. Рядом с ним стоит мой страховой агент. Он говорит, что страховая компания отказывается компенсировать ущерб, оцененный в двадцать пять тысяч гульденов, поскольку водитель был пьян. Он постарается убедить лизинговую компанию оставить меня своим клиентом. И еще добавляет, что, по его мнению, это была непростительная глупость с моей стороны. Я говорю, что полностью с ним согласен. Механик усмехается.

Таша позвонила в офис, предупредила, что плохо себя чувствует. Правда, Мод на месте. Я спрашиваю, как ей понравилась вечеринка. Рассказываю ей про аварию и про Кармен. Мод становится белой как мел. Потом уходит в туалет и надолго там задерживается.

Я рассказываю Фрэнку про аварию.

— Кармен, должно быть, в ярости.

— Сегодня утром она ушла.

— Господи, Дэнни…

Звонит Рамон. Мод уже ввела его в курс дела. Он звонит, чтобы обозвать меня скотиной. «Если бы я знал, что ты на машине, лично выбросил бы твои ключи в канал, сукин ты сын. Амиго, что, черт возьми, с тобой происходит?»

Чуть позже я получаю электронное письмо от Мод.

От кого: maud@creativeandstrategicmarketingagencymiu.nl
Кому: Dan@creativeandstrategicmarketingagencymiu.nl
Дата: Четверг, 22 марта 2001, 14:31
Тема: Вчера

Мы ни в коем случае не должны были делать то, что сделали вчера. Я только сегодня утром поняла, как далеко мы зашли с этими таблетками и выпивкой. Мне

стыдно показываться на глаза Кармен. Я злюсь на Ташу, на тебя, и на себя тоже. И ты меня очень беспокоишь. Тебе срочно необходима помощь, Дэн. Я не осуждаю тебя, но считаю, что тебе нужно сходить к психиатру. Ты сам не справишься со всем этим.

Мод.

P. S. Может, ты и меня возьмешь с собой? Мы могли бы получить скидку за групповое посещение.☺

Небольшая групповуха — хорошее лекарство от душевных травм[49]. Со вздохом я удаляю письмо. Еще одна привязывается с этим психиатром. Да отстаньте вы все от меня. Что, по-вашему, я должен сказать врачу? Что попал в аварию из-за пятикратного превышения скорости, потому что несся как полный идиот, после того как моя жена позвонила мне в тот момент, когда я был в постели со стажеркой и одной из своих «экс» — кстати, хорошей подругой моей жены, док, — и все это произошло только потому, что до этого я поскандалил со своей любовницей, которую до сих пор трахаю, несмотря на данное жене обещание больше никогда не изменять ей до самой ее смерти (видите ли, док, у нее рак, и она скоро умрет), — так что же мне делать, доктор? Признаться во всем Кармен, чтобы уж до кучи?

32

Ты дрянь, ты дрянь, ты дрянь,
Я не устану повторять…

Linda Ronstadt, песня «You're No Good» из альбома «You're No Good» (1974)

Ровно через два дня четыре часа и восемнадцать минут звонит Кармен.

Она говорит, что возвращается домой сегодня к вечеру Говорит сердито, но, по крайней мере, она позвонила. Я покорно сношу ее резкий тон, не огрызаюсь в ответ. Когда тебя бреют опасной бритвой, лучше не дергаться. К тому же мне до сих пор так стыдно перед Кармен, что я почти рад ее враждебности. Ведь я сам виноват в том, что так низко пал. А после вчерашней полбутылки водки мне совсем не трудно испить чашу яда по телефону.

Водкой выручил Фрэнк. Он нагрянул ко мне вчера вечером. В «MIU» мы больше ни словом не обмолвились об аварии. А дома я рассказал Фрэнку все (хотя и утаил имена участниц — Таши и Мод). Он по-дружески обнял меня, и я излил ему душу. После двух дней унижений — дома, в полицейском участке, в автосервисе и на работе — я разрыдался в объятиях Фрэнка. К концу вечера мне стало чуть легче.

Но не сегодня утром. Меня разбудил жалобный плач Луны, я страдал от похмелья и пребывал в страшной депрессии. Меня хватило только на то, чтобы встать с постели, накормить Луну, одеть ее и отвезти в ясли. Потом я позвонил Мод и предупредил, что не приду на работу, после чего опять нырнул в постель. В общем, игра в прятки — как это делает Луна, когда прикрывает руками глаза и надеется, что никто ее не видит.

Но снова заснуть мне не удалось, и вот теперь, спустя час после звонка Кармен, я ощущаю себя еще большим дерьмом. Меня пугает предстоящий вечер. Я словно маленький мальчик, объект насмешек одноклассников, который просыпается утром и с ужасом сознает, что сегодня ему снова предстоит терпеть унижения. Может, мне лучше было бы провести безвылазно пару дней дома, в качестве наказания исписывая страницу за страницей одной и той же фразой.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Нельзя шляться по бабам, нельзя пятикратно превышать скорость.

Я смотрю на часы — и вижу, что уже половина первого. Еще несколько часов — и Кармен будет дома. Чем ближе этот миг, тем меньше во мне уверенности в том, что я справлюсь. Я хочу жить правильно, хочу быть полезным для своей Кармы, но в ее глазах я полностью дискредитирован. Кармен больше меня не понимает. Никто не понимает. Мод на меня злится. Фрэнк наверняка тоже, после моего сегодняшнего прогула. Рамон обозвал меня сукиным сыном. И нетрудно догадаться, что Томас и Анна после двух дней утешения Кармен вряд ли будут ко мне благосклонны. Даже Роза в контрах со мной, а ведь она еще не знает того, что знают все остальные. О да, я и сам считаю себя полным ничтожеством. Я виноват, я разбит похмельем, я страдаю, меня одолевают ярость, тревога, депрессия. Я эгоист, слабый, порочный, безвольный, неотесанный, лицемерный, никчемный, самодовольный, разбитый, аморальный, социально опасный, недооцененный, трусливый, фальшивый и несчастный.

Короче, все у меня не слава богу.

Я глубоко вздыхаю и переворачиваюсь на другой бок. Иду в туалет. Возвращаюсь в постель. Встаю. Выглядываю в окно. Снова ложусь. Лежу на спине. Перекатываюсь на живот. Встаю с постели. Выпиваю стакан молока на кухне. И снова иду в спальню. Без двадцати час. Я лежу на левом боку. Плачу. Ложусь на правый бок. Потом снова перекатываюсь на левый. Опять на правый. На спину. Звоню Розе.

Она в бешенстве.

— Какого черта ты не позвонил мне раньше? Я две ночи подряд вою, жду твоего звонка или эсэмэски!

Я рассказываю ей, что ездил по городу и попал в аварию, потому что был пьян. Роза в ужасе:

— Что?! Ты полный идиот! И… ты пострадал?

— Нет…

— Слава богу, — выдыхает она с облегчением. Роза — первая, от кого я сегодня услышал доброе слово.

До меня вдруг доходит, что ситуация вовсе не такая драматическая, если опустить эпизод с Мод/Наташей и уход Кармен из дому.

— Мы с Кармен разругались в пух и прах, Роза.

— Что?!

— Она была в ярости из-за того, что я по пьянке попал в аварию, в то время как давно уже должен был находиться дома…

— Ты невозможный тип, Дэнни… Ты ведь бываешь таким милым, но то, как ты относишься к людям в последнее время, это ненормально. Почему бы тебе не сходить к психиатру?

— И ты туда же! Нет! Не пойду я ни к какому психиатру!

Роза молчит.

Наконец спрашивает:

— Я говорила тебе про Нору?

— Нет. Кто это?

— Нора — духовный наставник.

— Я рад за нее.

— Она могла бы помочь тебе.

— Я не верю в Бога.

— Разве я что-то сказала про веру?

— Нет, но на черта мне нужны эти духовные наставления? Я что, должен советоваться с ней, какую водку выбрать?

— Можешь смеяться, сколько хочешь, но я все-таки настоятельно рекомендую тебе обратиться к ней.

— Так и сделаю.

Роза игнорирует мой цинизм:

— Возможно, ты сочтешь все это шарлатанством, но у Норы есть дар. Она не целитель, не гуру и не имеет отношения к «Свидетелям Иеговы», однако, как бы тебе это сказать, у нее природный дар, и она использует его, помогая людям. Дает им ответы на важные жизненные вопросы.

— Откуда она знает эти ответы?

— Они приходят к ней.

— Откуда?

— Свыше.

— Да ладно, — говорю я так, будто мне это безразлично, хотя на самом деле что-то меня зацепило. Сам не знаю что и почему.

— Если хочешь, я сброшу тебе эсэмэской ее телефон.

— Ну давай, — говорю я как можно более равнодушно.

— Удачи тебе сегодня…

Нора. 06—4251346. Позвони ей сейчас. Целую.

Я тупо смотрю на дисплей мобильника, пожимаю плечами и сохраняю номер в памяти телефона. На всякий случай под кодовым словом «SOS». Мне совсем не хочется объяснять Кармен, кто такая Нора, откуда у меня ее телефон, и уж тем более уверять в том, что я с ней не сплю.

33

Будь ты на моем месте,
Что ты сделал бы?
Пойди побудь на моем месте…

De Dijk, песня «Ga in mijn schoenen staan» из альбома «Musikanten dansen niet» (2002)

Я слышу, как открывается дверь. Кармен заходит, опускает свою сумку на пол, снимает куртку и проходит в кухню, где садится за стол.

— Хочешь кофе?

Она качает головой.

— А я выпью, если ты не против.

Я чувствую на себе ее взгляд, пока готовлю себе кофе.

— Сегодня утром мне звонил Фрэнк, — говорит она. — Он сказал, что ты в полном раздрае и сегодня не вышел на работу, сказавшись больным.

— Ммм… да…

— Послушай, Дэн. У меня такое чувство, что ты меня предал. И Анна с Томасом полностью согласны со мной.

— Надо же, даже не ожидал, — бормочу я.

— Было бы неплохо, если бы ты ценил своих друзей. Анна тебя защищала. Она сказала мне, что, будь я на твоем месте, возможно, я тоже выплескивала бы в чем-то свое раздражение. Кто знает, может, мы давно были бы банкротами, если бы я скупила всю Хууфтстраат[50]. И случилось кое-что еще.

— Что?

— Тони ушла от мужа. Он не был с ней ни на одном сеансе химии: ему, видите ли, было тяжело это видеть. Они давно перестали общаться. И это заставило меня задуматься. Мы ведь столько всего прошли вместе, что справимся и с этим тоже. Все, что произошло, уже произошло, и нам нужно двигаться дальше.

Я киваю, счастливый, как ребенок, которому мама сказала, что они снова друзья.

— Иди сюда, ты, негодяй, — говорит Кармен с улыбкой и ерошит мои волосы. — Прощение — это тоже часть любви[51].

Сколько бы денег мне ни дали,
Как бы меня отсюда ни гнали,
Я никогда не покину Мокум[52],
Больше нигде счастливым я быть не смог бы…

Danny de Munk, песня «Mijn stad» из альбома «Danny de Munk» (1984)

Я боялся, что это случится.

На неделе я три раза предлагал Кармен остаться у Анны в тот день, когда мы будем переезжать в новый дом. Тогда я смог бы организовать грузчиков, чтобы они разом перевезли все барахло с Амстелвеенсевег на Йоханнес Верхулстстраат, обставили спальню и гостиную, и вечером Кармен смогла бы вселиться в чистый и обустроенный дом. Она и слышать об этом не хотела.

До прихода грузчиков осталась четверть часа, а Кармен едва жива. Собственно, ничего другого я и не ожидал; до полудня тело Кармен — всего лишь бесполезная оболочка. Пока Кармен спит или просто лежит, все нормально, но, как только она заставляет себя подняться, ее организм яростно протестует против лишней траты энергии и выплевывает из себя все, что она съела накануне. За последний час ее вырвало уже три раза.

Я дожидаюсь прихода грузчиков, говорю им, что кофе готов и яблочные пироги на столе, а я пока сам отвезу жену. Я помогаю Кармен одеться, провожаю ее к машине, мчусь обратно в спальню, хватаю подушку, одеяло и ведро, закидываю все это в арендованный «опель-астра» и еду как можно аккуратнее, избегая резких движений и поворотов, на Йоханнес Верхулстстраат. Там я первым делом выгружаю одеяло с подушкой, несу их в спальню, мысленно благодарю Всевышнего и мебельный магазин за своевременную доставку кровати с водяным матрасом, тороплюсь обратно к машине и уже на медленной скорости поднимаюсь вместе с Кармен наверх. Я помогаю ей раздеться и укладываю на мягкий матрас. Там она и остается: хрупкий осколок человеческого тела, весом не больше пятидесяти килограммов,

бледная как смерть, улыбающаяся, на огромной кровати в огромной спальне, совершенно пустой, если не считать ведра на случай очередного приступа рвоты.

— Пока ты будешь хлопотать с переездом, я буду комфортно спать в новом доме, — говорит она со смехом.

Я улыбаюсь. Как мне будет не хватать ее чувства юмора.

35

Какая ж ты уродина,
Если присмотреться…

Нииb Hangop, песня «How Ugly You Are Close Up» из альбома «The Very Worst of Нииb Hangop» (1993)

Прибыла наша «о-пэр», помощница по хозяйству. Как и заказывали, из Чехии, на автобусе.

Мы с Кармен нашли ее несколько месяцев назад на веб-сайте Всемирной службы «о-пэр». В то время мы еще не думали, что Кармен действительно понадобится помощница, но, благодаря успешной LV-терапии, это стало возможным. Кармен говорит, что ждет помощницу с нетерпением.

Что еще радует Кармен, так это то, что наша «о-пэр» еще более уродлива, чем выглядит на фотографии. Господи, какого же монстра мы пригласили в свой дом!

► **Наша «о-пэр»** — это помесь готической рокерши и Фёрби с пирсингом на нижней губе. Но Луна просто помешана на Фёрби, так что она счастлива. Как и Кармен. Она рассылает радостные письма своим подругам, сообщая, что абсолютно уверена в том, что я не соблазнюсь нашей помощницей. А мастер Рик, который вносит последние штрихи в интерьер нашего дома, присылает мне эсэмэску, требуя дополнительной оплаты за риск, поскольку боится рухнуть с лестницы в случае неожиданной встречи с таким чудовищем.

С «о-пэр» не все так гладко. За то время, пока я объясняю ей, что нужно купить в супермаркете, как это называется по-голландски, да еще и записываю все это, а потом объясняю еще раз, я мог бы три раза сам сгонять в магазин и вернуться. А когда до нее наконец доходит, что значит «полфунта постного мяса», она отказывается это покупать. Видите ли, не может заставить себя пройтись по мясным рядам супермаркета «Алберт Хейн». Оказывается, наша красавица — вегетарианка и она не хочет ни покупать, ни готовить мясо бедных забитых животных.

И еще она не ездит на велосипеде. Я поначалу думал, что,

возможно, тому есть какое-то религиозное или философское обоснование, но однажды я все-таки заставил ее сесть на велик, и тотчас об этом пожалел. Чистый ужастик. Так что я по-прежнему сам отвожу Луну в ясли.

И наконец, помимо языкового барьера, ее врожденной неуклюжести и уродства и наших расхождений во взглядах на кулинарию, существует еще одна проблема. Мы очень скоро обнаруживаем, что наша «о-пэр» — отнюдь не создание, излучающее радость. Каждая просьба сопровождается горестным вздохом, как будто я прошу ее проглотить пирсинг. В общем, несчастное дитя, вылитый Курт Кобейн. (Я, конечно, ей сочувствую, понимая, что, простояв школьные годы в сторонке, пока подруги флиртовали с симпатичными мальчишками, трудно быть жизнерадостной.)

Итак, что она делает (хотя и вздыхая): гладит, моет, убирает. Плюс я поручил ей посудомоечную машину, стиральную машину, сушилку и мусорные ведра, иначе мне пришлось бы снова заступить на круглосуточное дежурство по хозяйству, и я тратил бы на это столько же времени, сколько и раньше, но при этом имел лишнюю проблему в ее лице.

Но если честно, появление в доме помощницы разгрузило меня. По выходным она вместо меня отрабатывает одну утреннюю смену, а вечерами, когда Кармен впадает в кому после двух таблеток снотворного, присматривает за Луной. И тогда я могу выбраться в ночной магазин, закончить что-то срочное в «MIU» или заняться сексом с Розой.

36

Всегда смотри на светлую сторону жизни…

«Монти Пайтон», песня «Всегда смотри на светлую сторону жизни» из фильма «Житие Брайана» (1979)

Есть еще одна польза от унылого присутствия «о-пэр» в нашем доме: с каждым днем я все больше горжусь своей женой. В сравнении с домработницей она явно выигрывает.

Кармен бессильна добавить дней в свою жизнь, поэтому она добавляет жизни в каждый свой день. Наша «о-пэр» даже не знает, что такое жить и радоваться жизни. Она ни от чего не получает удовольствия. Никогда.

Когда Кармен становится лучше, из нее так и хлещет жизнелюбие. Всю эту неделю она с нетерпением ждет сегодняшнего вечера, когда мы приглашены на ужин к Томасу и Анне. Чего нельзя сказать обо мне. С этой точки зрения я не слишком разочарован тем обстоятельством, что именно сегодня Кармен чувствует себя просто отвратительно.

Но она все равно хочет пойти. В данном конкретном случае я был бы счастлив иметь жену, которая при недомогании предпочла бы остаться дома. Но насколько я могу судить, Кармен и из могилы встанет, но мероприятие не пропустит.

Я не общался с Томасом с тех пор, как угодил в переделку на своем «шеви». Когда я выхожу из «опеля», мне боязно даже смотреть на него. Кармен идет впереди меня прямиком в гостиную. Томас отводит меня в сторону.

— Ни слова о карнавале, договорились? — нервно шепчет он.

Я бросаю на него невинный взгляд.

— Ну… про это… когда с Мод. — Он произносит это имя брезгливо, будто говорит о таракане, но по его лицу можно догадаться, что картины той ночи до сих пор крутятся у него в голове. На губах его даже мелькает подобие улыбки. Я жестом показываю, что буду держать рот на замке. Томас заговорщицки мне подмигивает. И я делаю вывод, что преимущества супружеских измен явно недооценены. По крайней мере, они учат толерантности.

Анна и Томас изо всех сил стараются угодить нам. Кармен *и* мне. Не словами, не дружескими объятиями, как Фрэнк, а по-

своему. Они тактично обходят молчанием мою аварию, арендованный «опель». И бутылку водки с лаймовым соком Томас купил специально для меня. А на кухне творится просто безумие: сегодня Анна превзошла саму себя. Говорит, что хочет побаловать нас. Кармен молчит о том, что весь день ее тошнит, и ест наравне с остальными.

После закусок она идет в туалет. Закуски в унитазе.

После горячего блюда она идет в туалет, и еда снова в унитазе.

После десерта она идет в туалет, где десерт ждет та же участь.

— Спасибо за вечер, мальчики и девочки, — говорю я. Анна целует меня три раза и подмигивает. Томас крепко хлопает меня по плечу.

Кармен бледна, но ее глаза сияют.

— Большое спасибо, дорогие. Мне так понравился этот вечер.

Томас вдруг обнимает ее, и на мгновение мне кажется, будто он никогда не выпустит ее из своих объятий.

Когда мы отъезжаем, я вижу, как Томас крепко прижимает к себе Анну, а свободной рукой утирает слезы.

37

Два дня рождения и одни похороны…

Первой из «Муфлона» умирает Тони.

Кармен убита горем. Три недели назад Тони услышала приговор врачей: продолжать химиотерапию бессмысленно. И вот теперь она мертва.

Тони не виделась со своим бывшим мужем с момента развода. Он сможет увидеть ее еще один раз, в гробу.

— По крайней мере, у них не будет возможности поскандалить, — горько усмехается Кармен.

Она говорит, что хочет поехать на похороны. Когда я слышу, на какой день назначено погребение, у меня волосы дыбом встают. Следующий вторник. Это же мой день рождения и Луны. Наш третий день рождения под знаком рака. И последний, когда мы еще вместе, в этом можно не сомневаться. И Кармен хочет ехать на *похороны*? Да это все равно что идти на репетицию собственного погребения.

— Ты не думаешь, что это может быть… тяжеловато для тебя?

— Мы не могли бы отметить ваш день рождения в воскресенье? Во вторник все равно никто не придет. А я отлучусь всего на пару часов.

Я стараюсь не показывать виду, но Кармен догадывается, что я не слишком-то рад.

— Думаю, — добавляет она, — это было бы несправедливо по отношению к Тони…

— Но справедливо по отношению к Луне и ко мне? — Я все-таки срываюсь.

■

В воскресенье наш дом полон гостей. Мои друзья, наши родственники, подружки из ясельной группы Луны. Мать Кармен вздрагивает, когда видит свою дочь, и я успеваю это заметить. Прошло три недели с их последней встречи. Со своим огромным животом Кармен выглядит недокормленной беременной женщиной. Мы стоим и болтаем на кухне. Луна гордо заходит в своем новом платье принцессы с крылышками ангела. Кармен садится на корточки, чтобы лучше ее рассмотреть.

— Какая красота! — восклицает она, но теряет равновесие и падает, увлекая за собой Луну.

Луна напугана и начинает плакать.

— Осторожно! — кричу я, опешив. — Черт возьми, Карм, ты

же знаешь, что ноги у тебя слабые!

Кармен чувствует себя униженной и собственным падением, и моей реакцией — и тоже не может сдержать слез. Праздник начинается совсем не так, как хотелось бы.

■

— У тебя какое-то особенное мероприятие в день твоего рождения, во вторник? — спрашивает Анна, кладя в рот кусок праздничного пирога.

— Не у меня, у Кармен. Она идет на похороны Тони, женщины из ее группы по интересам.

— И похороны во вторник?

— Да.

Анна хмурится.

■

Вечером, после ухода гостей, Кармен говорит, что не пойдет на похороны во вторник.

— Анна отговорила меня. Я пошлю красивый букет цветов для Тони. Мне нравится эта идея. Думаю, Тони поняла бы меня.

— Я абсолютно в этом уверен.

38

С днем рождения вас,
С днем рождения вас,
С днем рожденья, дорогие
Дэнни и Луна,
С днем рождения вас…

И Кармен тоже поет, прекрасно сознавая, что уже не увидит тех долгих лет жизни, которых нам желает. По тому, как она сегодня старается, я вижу, что она хочет загладить вину за обиду, которую причинила мне своим намерением пойти на похороны Тони. Я и Луна получаем завтрак в постель. Кармен сама приготовила его и попросила помощницу отнести подносы наверх. Луна, сияющая от счастья, ест круассан с арахисовым маслом и кокосовый пирог, у меня то же самое и кусочек хлеба, а Кармен через силу проглатывает шесть столовых ложек хлопьев «Келлогз» с фруктами и клетчаткой.

Сегодня непростой день. Все трогает меня до глубины души. И эсэмэска от Фрэнка, который пишет, что счастлив иметь такого друга и хочет, чтобы это длилось еще много лет. И поздравление от Анны, которая радуется, что мы с Кармен празднуем этот день вместе, несмотря ни на что. И Кармен с альбомом своих фотографий ню, которые я сделал, когда мы только познакомились.

После завтрака я вижу, что Кармен устала и ей нездоровится.

— Тебе надо прилечь на часок-другой, — говорю я.

— Думаешь, это будет прилично? — нерешительно спрашивает она.

■

Я киваю:

— Ложись и поспи немного. Я выберусь в город на полчасика. В воскресенье Мод подарила мне ваучер на компакт-диск, нужно его обменять.

Около часа я играю со своей малышкой, а потом прошу «о-пэр» испечь вместе с Луной блинчики. Памятуя о том, что неуклюжесть «о-пэр» приняла уже катастрофические формы, я умоляю ее проследить за тем, чтобы Луна не свалилась со стула.

— Доверьтесь мне, — говорит она.

Хм… Я уже успел изучить нашу «о-пэр», и, когда она произносит нечто подобное, меня охватывает ужас. Но не могу же я целый день следить за тем, чтобы эта корова не покалечила мою

дочь.

Я на минутку забегаю наверх, в спальню. Кармен уже поставила возле кровати ведро. Я заглядываю в ведро и вижу, что оно стоит возле кровати не напрасно. Хлопья «Келлогз», которые ей удалось впихнуть в себя утром, оказались лишними.

Я как сумасшедший мчусь на велосипеде в магазин компакт-дисков на Ван Баерлестраат. Минут за пятнадцать успеваю обменять подарочный ваучер на диск группы «Коулдплей», тем самым обеспечивая себе алиби.

После этого я еду к Розе. Она вся в красных бантах, как рождественский подарок.

39

Что это было?
Твоя жизнь, приятель.
О, такая короткая, не могу
ли я получить еще одну?

Сериал «Отель „Башни Фолти“» (1976)[53]

Я умираю от скуки в приемной кабинета доктора Роденбаха. Футбольный журнал, который я выудил из стопки на журнальном столике, уже прочитан. От нечего делать я листаю медицинскую карту Кармен. Медсестра, которая только что откачала жидкость из брюшной полости Кармен, отдала нам карту и попросила передать ее Роденбаху. С ноября Кармен уже шестнадцать раз делали абдоминальную пункцию, читаю я. И тут же провожу мысленную калькуляцию.

— Ты знаешь, сколько литров уже откачали из твоего живота?

— Понятия не имею.

— Более семидесяти одного литра.

— Ха-ха. Это больше, чем я весила до того, как они стали делать пункции!

Сейчас Кармен весит сорок семь килограммов. Она худеет на глазах. Полгода назад она весила около семидесяти. Из-за отсутствия жира она постоянно мерзнет. В нашей гостиной термостат весь день включен на двадцать четыре градуса. Водяной матрас подогрет на четыре градуса выше рекомендуемой температуры. Слава богу, у нас есть водяной матрас. Обычный был бы слишком жестким. Теперь, когда нет жировой прослойки, между матрасом и ее костями только кожа.

Мы не ждем ничего хорошего от предстоящего разговора с Роденбахом. Пункции, которые в начале LV-терапии делали раз в две недели, теперь требуются каждые несколько дней. И процедуры становятся все более неприятными. Такое впечатление, будто внутренние органы Кармен перетираются в кашу, и их усадка после каждой пункции сопровождается мучительными болями. Последний раз вообще была пытка. Не помогали даже инъекции морфия, и Кармен рвало от боли. Думаю, в моей памяти навечно останется образ жены, склонившейся над ведром, в то время как по трубке из ее живота медленно вытекают литры мутной желтоватой жидкости.

■

— Присаживайтесь, — приветливо произносит Роденбах.

Это уже наша шестая встреча с ним, с тех пор как мы стали клиентами госпиталя Энтони ван Лейвенхок. Наши отношения основаны на взаимоуважении. Он знает, что мы не скулим и не жалуемся, как другие пациенты, а мы знаем, что он не водит нас за нос, как это часто делали наши прежние доктора.

Роденбах не скрывает от нас страшной правды:

— Онкомаркеры снова ползут вверх. LV-терапия уже не эффективна.

— И… что… и что это значит? — лепечу я, хотя уже знаю, что он сейчас скажет.

— Боюсь, мы бессильны.

Ну вот это и прозвучало. Все кончено.

От Кармен отказываются. Через три недели после такого же приговора не стало Тони.

Кармен смотрит на меня, зажав ладонью рот. Я крепко сжимаю ее руку и смотрю на нее.

— Пойдем? — осторожно спрашиваю я.

Она кивает.

Мы договариваемся снова встретиться в кабинете Роденбаха через три недели. Звучит не слишком обнадеживающе, ведь к тому времени Кармен уже может и не быть, тогда и Роденбах не понадобится. Единственное, что он еще может сделать для Кармен, это подписать рецепты на морфий, китрил, кодеин, преднизон и темазепам. Болеутоляющие.

Я завожу мотор и вставляю в проигрыватель диск. «Де Дийк» ошибаются, уверяя, что все образуется.

Часть 3
КАРМЕН

1

Я рассказал бы друзьям, но они не поверят,
Подумают, это всего лишь бредни…

Radiohead, песня «Subterranean Homesick Allen» из альбома «OK Computer» (1997)

Я все-таки позвонил Норе. На следующий день после визита к Роденбаху.

Об этом знает только Роза. Дома я ничего не сказал. Кармен решила бы, что я идиот, раз отказываюсь обсудить свои проблемы с психологом, как она не раз предлагала, а вместо этого охотно соглашаюсь на беседу с какой-то шарлатанкой.

Да я и сам не знаю, почему вдруг решил позвонить Норе. Должно быть, это как-то связано с моей аварией. То, что я выполз из машины без единой царапины, в то время как весь бок «шеви» был покорежен до неузнаваемости, можно считать таким же чудом, как и гол Марко в ворота русских в восемьдесят восьмом[54].

Фрэнк и Мод тоже не знают, что сегодня я собираюсь посетить Нору. Я попросил Ташу поставить мне в офисном журнале полдня отгула. Она вопросительно посмотрела на меня, подмигнула и сделала выразительный жест руками, намекая на секс. Я не стал комментировать.

Офис духовного наставника находится в многоквартирном доме постройки шестидесятых на Буйтенвелдерт. Страшно волнуясь, я нажимаю кнопку звонка.

Нора — ничем не примечательная изящная брюнетка. Она провожает меня в свой кабинет и предлагает чаю. Я соглашаюсь. Она выходит. Я успеваю осмотреться. Разноцветные камни, уложенные по фэн-шую. Дымящиеся ароматические палочки, источающие запах, который знаком мне по отпуску в Индии. Музыка, явно входящая в гималайский топ-десять. Листовки, рекламирующие мастер-класс «Чтение сновидений», который Нора проводит на следующей неделе.

Вид из окна на квартал однообразной застройки контрастирует с неземной атмосферой, царящей в кабинете.

Может, кому-то и по душе многоквартирные дома, но уж к волшебству и магии они точно не располагают. Впрочем, меня пейзаж почему-то успокаивает. Он напоминает Бреду-Ноорд.

Нора возвращается с подносом и дружески мне улыбается. Чай с виду вполне обычный.

— Вам необходимо было прийти сюда, — говорит она.

И у меня тотчас возникает ощущение дежавю. Да это же мои беседы с психотерапевтом, два года назад! Как случилось, что я снова прохожу все это? «Монти Пайтон», дубль два.

— Давайте двигаться с самого начала, хорошо? — предлагает она, замечая мою подозрительность. И тут же добавляет, что по моему имени и дате рождения, которые я сообщил ей по телефону, уже получила послание для меня свыше. Оно изложено в письме, которое она собирается мне прочесть. Я предпочитаю умолчать, что не верю ни единому слову из этой абракадабры. Нора берет в руки письмо и начинает читать:

> *Мужчина, которому предназначено это письмо, обладает мощным запасом энергии, но сейчас он должен сдерживать свою энергию. Ему надлежит сделать выбор. Все необузданные желания ведут к хаосу, в этом он уже убедился.*
>
> *Это хорошо. Пусть он проникнется этой мыслью. Ему станет легче.*
>
> *В ближайшее время от него потребуется многое. Сейчас он уже не вправе распоряжаться собой по собственному усмотрению. Он должен исполнять свои обязанности. Больше нельзя этого избегать.*
>
> *Все будет, как будет. Он справится, пусть даже он сам сомневается в этом.*
>
> *Скажите ему, чтобы он доверял своей интуиции. Прислушивался к голосу сердца. Это поможет ему, придаст сил.*
>
> *Он справится. Скажите ему, чтобы он не терял уверенности. Вокруг него много людей, готовых помочь.*
>
> *С любовью…*

И я это слушаю? Какой идиотизм!

Нора спокойно откладывает письмо и выжидает.

— Что-нибудь кажется вам знакомым? — наконец спрашивает она.

— Хм… как вам сказать? Это можно привязать к чему угодно…

— Вы так думаете? — Она улыбается. — А хаос, упомянутый в письме?

Ну, допустим, в этом что-то есть.

— Хм… Знаю я эти гороскопические трюки. Каждый из нас попадает в ситуации, которые можно назвать хаосом, разве не так? Вы когда-нибудь бывали на распродажах в «ИКЕА»?

Нора смеется:

— Думаю, в письме речь идет о чем-то более серьезном, вы не находите?

Пожалуй, стоит подыграть ей.

— Недавно я перевернулся на автомобиле, так что этот эпизод вполне можно считать хаосом.

— Авария?

Я киваю.

Она кивает в ответ.

— А вам известно, что мы, люди, защищены силами, о существовании которых даже не подозреваем? (*О, боже, только не это.*) Эта авария была знаком свыше, предупреждением о том, что ваша защита практически исчерпана[55]. (*Хм… Я не уверен, что мне приятно это слышать. То есть я хочу сказать, что, даже если не веришь в Бога, в судьбу или какие там еще потусторонние силы, узнать, что твоя защита на исходе, — это уж чересчур.*)

— Но здесь вы потому, что кто-то серьезно болен, не так ли? (*Я потрясен.*)

— Э-э… да. Моя жена…

— Как зовут вашу жену?

— Кармен.

— Кармен скоро умрет.

Холодок бежит по моей спине. Одно дело — слышать это от Роденбаха, и совсем другое — когда тебе говорит об этом совершенно незнакомый человек из многоквартирного дома на Буйтенвелдерт…

— Вам не нужно этого бояться. Она не боится. И это хорошо.

Я судорожно сглатываю. Хотя я по-прежнему не верю ни единому слову Норы, она растрогала меня.

— Я чувствую, что мне с Кармен нужно еще о многом поговорить… — слышу я собственный голос.

— У вас будет возможность это сделать. *(Не общается же эта Нора с потусторонними силами, в самом деле?)* Постарайтесь проводить с ней как можно больше времени из того, что ей осталось. *(Ну вот, опять двадцать пять. Думаю, я и сам мог бы сообразить, не такой уж я тупица. А ну-ка устроим ей шокотерапию. Эти эзотерические типы обычно пасуют в таких ситуациях…)*

— Вот уже больше года у меня роман на стороне. (*1:0 в пользу Дэнни! По-моему, прозвучало вполне вызывающе. Что ж,*

парируйте…)

Нора профессионально спокойна. Она жестом приглашает меня продолжить. Я вдруг теряюсь, не знаю, что сказать. И стоит ли вообще что-то говорить. В душе я понимаю, почему пришел. Так и говори, чего уж там.

— Кармен ничего об этом не знает. Должен ли я рассказать ей, пока еще есть такая возможность?

Нора выдерживает паузу.

— Она знает. Она давным-давно об этом знает. (*Что?)* Если она спросит, вы должны сказать ей правду (*брр*.), но она не спросит… (*Меня это вполне устраивает.)* Она всегда знала, какой вы на самом деле. Она знает о вас больше, чем вы сами о себе. В последнее время она смирилась с этим. (*Мне нравится эта Нора.)* Как зовут женщину, с которой у вас роман?

— Роза…

— Вы не напрасно встретились с Розой в то время, когда заболела Кармен, — говорит Нора тихим голосом. — Это было необходимо. (*Вот видите! Да, Нора попала прямо в точку. Пожалуй, я поделюсь с ней своими сомнениями. К черту этот циничный треп.)*

— Действительно ли Кармен счастлива со мной? Я ведь никогда не был верным мужем, я скорее гедонист.

— Если бы вы не были гедонистом, она не смогла бы перенести свою болезнь, — вдруг резко произносит она. — Не вините себя. Она очень счастлива с вами. И вам не нужно стыдиться своих слабостей. (*Может, дать ей мобильный телефон Томаса?)* Кармен уже готова к тому, что скоро умрет, — а вот вы к этому не готовы. (*Надеюсь, что это так.)* В глубине души она уже простила вас… *(Уж очень твердо она это произносит.)* Но вы все равно должны ее поддержать. Отложите все дела в сторону и окружите ее своей любовью, что еще осталась в вашем сердце. (*Мне что, стать Флоренс Найтингейл?*[56] *Нет, я на такое не способен.)* Переложите хозяйственные заботы на других. Это возможно?

— Ээ… у нас есть помощница по хозяйству. Она присматривает за моей дочерью и выполняет работу по дому. Но если ее любезно попросить…

— Вот и хорошо. Не волнуйтесь, пусть она и дальше занимается всем, что не имеет отношения к Кармен. А как зовут вашу дочь?

— Луна. Ей недавно исполнилось три года… Мы с ней родились в один день, — говорю я с такой гордостью, что даже краснею.

— Это многое объясняет. У вас с дочерью гораздо более

сильная связь, чем вы думаете. (*Господи, Нора, я уже почти люблю вас.)* Когда вашей жены не будет, вы не захотите держать в доме «о-пэр»… (*Неужели она знает мою «о-пэр»?*) Вы захотите сами ухаживать за своей дочерью. *(Об этом даже речи быть не может. Кто же будет ею заниматься, когда я на работе, а садик закрыт? Или, что более вероятно, если я захочу куда-нибудь пойти?)* Вы станете другим человеком… *(Все, хватит, довольно!)* И ваша жена поддержит вас в этом. Даже если ее не будет рядом. *(Кармен в роли домашнего привидения? Побойся бога, милочка!)*

Нора замечает мое беспокойство и смеется.

— Поверьте мне на слово, — говорит она, — вы и Кармен знаете друг друга дольше, чем вы думаете. Она любит вас. Глубоко. *(Я растроган и снова сглатываю подкативший к горлу ком.)* Вы родственные души. Навсегда.

Молчание. Я часто моргаю.

— Кармен знает, что вы здесь?

— Нет. Она куда более трезво смотрит на эти вещи.

— Расскажите. Ей будет приятно.

— Я не уверен… — нерешительно говорю я. — Вдруг ей все это покажется нелепым и она рассердится? В последнее время мы как будто устали друг от друга, и ее раздражает все, что я делаю.

Нора решительно качает головой:

— Я повторяю вам: Кармен глубоко любит вас. Она не хочет ничьей помощи и поддержки. *(Открытие!)* Я на вашем месте сейчас сразу же отправилась бы домой. Все произойдет быстрее, чем вы думаете. (ШОК.) Вы обязательно должны быть рядом, когда это случится. (**ШОК.**) Она будет очень благодарна вам за это. Сейчас у вас есть шанс вернуть своей жене то, что вы отбирали у нее все эти годы…

■

Уже в машине я снова вспоминаю слова Норы: *«Сейчас у вас есть шанс вернуть своей жене то, что вы отбирали у нее все эти годы…»*

Я регулирую зеркало заднего вида и смотрю на свое отражение. К своему удивлению, я вижу широкую улыбку на своем лице. И чувствую себя невероятно счастливым. *«Сейчас у вас есть шанс вернуть своей жене то, что вы отбирали у нее все эти годы…»* И у меня такой прилив энергии, которому позавидовал бы сам Эдгар Давиде[57].

Спасибо Норе и ее подсказчикам, кто бы они ни были.

2

Я сам себя не узнавал,
Я видел свое отражение в зеркале,
Но это было не мое лицо,
Я чувствовал, что медленно умираю,
И моя одежда висит на мне мешком…

Bruce Springsteen, песня «Streets of Philadelphia» из фильма «Philadelphia»(1993)

Я включаю телефон и вижу, что пришла голосовая почта. Это Кармен. Просит позвонить. По голосу я слышу, что ей плохо.

— Дэнни, я не могу остановить рвоту, — говорит она, рыдая. — Мне так страшно…

— Уже лечу.

Ровно через четыре минуты и пятьдесят одну секунду я в нашей спальне. Кармен сидит, склонившись над ведром.

Я подхожу и сажусь рядом с ней, глажу ее короткие, рыжие с проседью, волосы.

— Я так рада, что ты здесь, — говорит она. Ее голос звучит гулко, отражаясь от стенок ведра. — Меня тошнит все утро. Но больше ничего не выходит.

Внезапно она содрогается всем телом, и тонкая струйка вытекает из ее рта. Я вижу, что это желчь. Никакой пищи. Да она уже давно вышла бы, если бы оставалась в желудке.

Доктор Баккер, наш семейный врач, который приезжает часом позже, выписывает жидкое лекарство для снятия тошноты: два флакона примперана и флакон китрила. Когда Кармен засыпает, я иду в аптеку на Корнелис Шуйтстраат.

По пути звоню Розе. Она рада, что с Норой все прошло удачно. Я говорю, что у Кармен дела неважные и, наверное, мы не сможем увидеться в ближайшее время. Я отменяю наше свидание в пятницу. Роза не сердится. Она желает мне сил и мужества и говорит, что поставит свечку за здоровье Кармен. Женщины, с которой она ни разу не виделась, но о которой уже так много знает. И как будто знакома с ней сто лет.

Вечером приезжает мать Кармен.

Мы все вчетвером идем посидеть на террасе «Короля Артура». Мать Кармен в тонкой шелковой блузке. Мы с Луной в футболках. Вечернее солнце такое ласковое. И даже тепло.

> ► Терраса **«Короля Артура»** находится в самом центре нашей шикарной резервации, на пересечении Корнелиус Шуйтстраат и Йоханнес Верхулстстраат. Мужская клиентура вызывает повышенное раздражение (это юристы из офисов на Де Лайрессестраат и английские джентльмены, постояльцы «Хилтона», которым удалось вырваться от жен и детей), а охотиться на женщин здесь бессмысленно (сплошь местные ископаемые). Но зато солнце светит здесь на час дольше, чем на открытых террасах в таких районах, как Де Пийп или Уд-Вест. Наш квартал настолько роскошный, что здесь, кажется, налажена даже регулировка солнечного света.

Кармен в инвалидной коляске, одетая в теплую куртку, в солнцезащитных очках.

— Как-то зябко, вы не находите? — говорит она, когда нам приносят напитки.

— Да, ты права, — вру я.

— Да, не так тепло, как кажется, — соглашается мать Кармен.

Через пять минут мы возвращаемся домой.

Вечернее солнце не может прогреть кожу да кости.

3

Ты пакуешь чемодан,
собираясь туда,
Где никто из нас не был,
Но где, говорят; стоит
побывать…

U 2, песня «Walk On» из альбома «All that You Can't Leave Behind» (2000)

— Я надеюсь, все это скоро кончится, — говорит мать Кармен и плачет, закрывая лицо руками. Я обнимаю ее за плечи и привлекаю к себе.

Мать, теряющая дочь. Родную дочь, которая угасает у нее на глазах. Дочь, которая, заливаясь слезами, показывала ей место, где когда-то была ее грудь, а теперь там только шов, напоминающий застежку-«молния». Дочь, чьи страдания, как она надеется, скоро кончатся. Непременно нужен закон, по которому матери не должны видеть страдания своих детей.

Она берет мою руку и целует:

— Мы ведь справимся вместе, правда?

Я киваю. Фрэнк сидит молча, наблюдая эту сцену. Ситуация критическая, поэтому и Фрэнк здесь. Это суровое и непреложное правило. Анна тоже здесь. От ее теплых объятий мне становится легче, как и два года назад, когда она с Томасом стояла на пороге нашего дома на Амстелвеенсевег.

— Схожу проведаю Кармен, — говорю я и поднимаюсь наверх.

Кармен просыпается после короткого сна. Она видит, что я захожу в спальню, и улыбается.

— Привет, сокровище, — шепчет она.

— Как ты? — спрашиваю я, присаживаясь на край кровати. Я крепко сжимаю ее руку. Господи, какая же она худая.

— Я больше не вижу смысла в этом, Дэн. Если так пойдет и дальше, надеюсь, все скоро кончится… — Она смотрит на мою руку, которая гладит ее. Я вижу, что Кармен хочет что-то сказать, но она молчит.

— Что такое? — спрашиваю я. Хотя я знаю, что она имеет в виду, все равно держу язык за зубами. Я хочу, чтобы она сама начала этот разговор.

— Я хочу знать, есть ли какие-то правила, на случай если я… если я захочу с этим покончить. И что ты об этом думаешь.

— Ты имеешь в виду эвтаназию?

— Да, — произносит она, испытывая облегчение оттого, что я называю вещи своими именами.

— Ты хочешь, чтобы я позвонил доктору Баккеру и узнал, как это работает?

Она кивает. Я обнимаю ее. Она еще более хрупкая, чем новорожденный.

— Пойду позвоню ему. Что-нибудь еще я могу сделать для тебя?

— Я хотела бы, чтобы завтра пришел кое-кто из наших.

— Только скажи. Кто?

— Томас и Анна. Мод. Фрэнк.

— Анна уже здесь. Фрэнк тоже.

— Здорово! Позови их сюда на минутку.

— Хорошо. Может, ты перекусишь пока?

— Наверное, это необходимо, да?

— С сегодняшнего дня ты можешь делать только то, что хочешь.

4

Просто позвольте мне
Идти своим путем…

Ramses Shaffy, песня «Let me» из альбома «Dag en nacht» (1978)

С тех пор как Луна узнала, что такое утренние потягушки в постели, мы втроем каждое утро только этим и занимаемся.

Я прошу Фрэнка, который ночевал у нас, так же как и мать Кармен, сфотографировать нас втроем в постели. Одной рукой я обнимаю свой солнечный лучик (3 года), пышущий здоровьем, а другой — прозрачную от худобы, но все равно сияющую жену (36 лет). На Кармен шелковая пижама, Луна в белой пижаме с мишками. Мама и дочь широко улыбаются. Я вижу, что Фрэнку с трудом удается держать камеру ровно.

Мы завтракаем с Фрэнком и матерью Кармен на постели Кармен. Ближе к полудню приходит Мод. Как только она заходит в спальню, крепко прижимает к себе Кармен и начинает рыдать. Входят Анна и Томас. Даже наша «о-пэр», по собственной инициативе, устроилась в изножье кровати Кармен. Кармен наслаждается суетой. Сама она ничего не ест. Кажется, она еще больше похудела. Я бы сказал, что сейчас она весит около сорока двух килограммов.

Тем временем появляется доктор Баккер. Вчера я звонил ему, и он подробно объяснил, что нужно для проведения эвтаназии. Кармен должна написать письмо с изложением условий, при которых ей хотелось бы распрощаться с жизнью. Она должна подписать письмо. После этого ей необходимо переговорить сначала с Баккером, а потом с другим, независимым, врачом. Оба врача должны прийти к единому мнению, что «ситуация безнадежная, сопряженная с нечеловеческими страданиями». И что нет никакого давления или принуждения со стороны семьи или кого-то еще. С этого момента Кармен сама сможет решить, когда она захочет умереть.

Вот так все это работает, по крайней мере если идет по плану. Наш доктор повредил спину и поэтому специально пришел сегодня, чтобы поговорить с Кармен. Я приглашаю его пройти в дом.

Тяжело дыша, он поднимается в спальню на втором этаже.

Жалуется Кармен на свою спину. Кармен участливо спрашивает, не слишком ли ему больно и не лучше ли ему было бы прийти завтра.

— Завтра может быть еще хуже, а болеутоляющие не помогают, — говорит он. — А как вы? Очень страдаете от боли?

— В общем-то, да — со вчерашнего дня у меня тоже болит спина, — говорит она, к моему немалому удивлению. Мне она ничего об этом не рассказывала.

Доктор изучает участок спины, на который указывает Кармен.

— Боюсь, опухоль снова активизируется.

— Да, — сухо отвечает Кармен.

— Я выпишу вам таблетки морфия. Дэн сказал мне, что вы хотели привести в порядок все бумаги, прежде чем вам станет невмоготу?

Кармен кивает. Доктор говорит, что пришлет своего коллегу, чтобы соблюсти юридические формальности эвтаназии.

— Отлично, — говорит Кармен.

Второй доктор приходит ближе к вечеру. Держится довольно официально. Я спрашиваю, следует ли мне выйти из комнаты. Я понятия не имею, как все это должно происходить. Возможно, как в передаче «Мистер и Миссис», когда тебе не разрешают слышать ответы, что дает твоя жена, и приходится сидеть в углу с надетыми наушниками.

Но врач разрешает мне остаться. Кармен говорит о том, как сильно ей хочется самой принять решение о том, чтобы положить конец болезни и выбрать время для этого. Такое впечатление, будто она проходит собеседование при устройстве на работу. И ей приходится подавать себя в выгодном свете. Доктор подписывает форму, не задавая лишних вопросов. Кармен благодарит его. Она счастлива. Я это вижу. Как будто ей только что вручили ключи от ее новенькой машины.

— Ты, смотрю, прямо-таки ожила? — говорю я с удивлением.

— Да. Теперь у меня снова есть право выбора. И я сама могу решать, что делать со своей жизнью.

5

То, чего ты не знаешь,
Ты просто чувствуешь…

U 2, песня «Beautiful Day» из альбома «All That You Can't Leave Behind» (2000)

Следуя примеру матери Кармен и Фрэнка, Мод тоже решила расположиться в нашем доме, чтобы обеспечить моральную и организационную поддержку, пока Кармен с нами. Фрэнку и Мод придется спать вместе на одной кровати в гостевой комнате. Когда Фрэнк выходит из спальни, Кармен шутит по этому поводу и уговаривает Мод устроить ему незабываемую ночь. «Ты просто дождись, пока он уснет, и сядь на него, а потом начинай кричать: *А теперь секс, ты, увалень!»* Обе звонко смеются. Сегодня Кармен снова выглядит жизнерадостной.

— Мы сегодня поужинаем вместе? — спрашивает она с надеждой.

— А тебя не будет тошнить от запаха всей этой горячей еды?

— Конечно, будет, но что ж теперь делать?

Наша «о-пэр» готовит ужин. Кармен не ест, а другие едва притрагиваются к своим порциям. От еды исходит такой же запах, как и из ведра Кармен. Рис с чем-то зеленым и желтым. Я узнаю в желтом кукурузу, а зеленым может быть все что угодно. Кармен наблюдает за тем, как мы пытаемся есть, переводит взгляд с тарелки на тарелку и не может удержаться от смеха. Кажется, я угадал истинное предназначение нашей «о-пэр» — быть шутом при умирающей.

После ужина я остаюсь с Кармен. Остальные спускаются вниз.

— Дэнни… мне нужно… покакать.

— Мне выйти?

Из службы медпомощи на дому сегодня прислали нечто, похожее на стульчак. Внешне напоминает складной стул, только с отверстием в сиденье. Снизу подставлено ведро.

— Мм… подожди минутку… не знаю, смогу ли я встать сама.

Кармен пытается подняться с постели, очень медленно. Она уже почти стоит, когда вдруг падает назад и сразу начинает плакать.

— Ноги совсем не держат, — говорит она, всхлипывая.

— Давай я помогу.

Я придвигаю стульчак прямо к постели, подхватываю Кармен под мышки и приподнимаю. Она сама стягивает пижамные брюки и трусы. Я медленно опускаю ее на сиденье.

— Ну вот… бабка села наконец, — говорит она.

Испражнившись, она явно колеблется.

— Подтереть тебя? — предлагаю я.

Она кивает и от смущения едва осмеливается взглянуть на меня:

— Боюсь упасть…

— Просто обопрись на меня. Уж за задницу-то я смогу тебя удержать, — говорю я и подмигиваю.

Кармен смеется сквозь слезы. Ее лицо обращено ко мне, а руки обвивают мою шею.

— Мой дорогой друг… — шепчет она. Одной рукой я крепко держу ее под мышками, а другой подтираю. После этого чувствую, что колени подгибаются. Кармен повисает на мне всей своей тяжестью, потому что ноги отказываются ей служить. Свободной рукой я натягиваю на нее пижамные брюки.

— У тебя есть какие-нибудь просьбы ко мне — чего мне нельзя делать, после того как тебя не будет с нами? — спрашиваю я, укладывая ее в постель, тяжело дыша от напряжения.

— Нет.

— Ты хотела бы, чтобы я повременил с сексом?

— Нет. — Она улыбается. — Делай то, чего тебе хочется. Хотя… я надеюсь, ты не свяжешься снова с Шэрон. Для меня она символ твоей неверности. Она была первой, с кем ты мне изменил?

— Нет. Должно быть, это был кто-то из моих «экс». Думаю, Мерел. Или Эмма. Но Шэрон была первой, о ком ты узнала.

Мы оба смеемся.

— Да, но учти, что на тебя начнется настоящая охота. Не успеешь оглянуться. Ты свободен, у тебя собственный бизнес, красивый дом и очаровательная дочка. Ты — лакомая добыча. Я уже сказала Анне, Фрэнку и своей матери, чтобы они не удивлялись, если у тебя появится новая жена быстрее, чем они думают. Так уж ты устроен.

— О?.. — Я слегка удивлен.

— Послушай, это не имеет никакого значения. Я надеюсь, скоро ты снова будешь счастлив. С новой женой. Только тебе нужна та, кто сможет держать тебя в узде, но чтобы при этом она не страдала от твоих диктаторских замашек.

— Что-нибудь еще?

— Она должна быть сексуально озабоченной.

Я снова смеюсь.

— Но тебе придется что-то делать со своей неверностью, Дэнни.

— Стать моногамным…

— Нет, это еще никому не удавалось. А тебе-то уж точно не грозит. Но ты должен сделать так, чтобы твоя женщина не чувствовала себя полной идиоткой. Когда ты трахаешь пол-Амстердама и Бреды, а она единственная, кто об этом не знает. Позаботься о том, чтобы *никто* не знал.

— Как про тебя с Пимом…

— Вот именно. Держи это при себе. Я не думаю, чтобы кто-то был морально готов рассматривать измены как нечто, не имеющее отношение к любви. Мне, например, это не удалось…

Я виновато смотрю в пол. После некоторых колебаний я все-таки решаюсь задать вопрос, который давно меня тяготит. Правда, спросить в лоб не осмеливаюсь и захожу издалека:

— Ты хочешь услышать от меня еще что-то? О чем ты раньше боялась спросить?

Она улыбается:

— Нет. Ты не должен испытывать чувства вины. Я знаю все, что хочу знать.

— В самом деле?

— Да. И меня все устраивает.

Я чувствую себя пигмеем рядом с этой женщиной. Я улыбаюсь и иду в туалет, чтобы опорожнить ведро.

Когда я возвращаюсь, она внимательно наблюдает за тем, как я убираю ведро обратно в стульчак.

— Ты так много сделал для меня за время моей болезни, — растроганно произносит она, — а теперь еще вынужден возиться с моими какашками…

Я вспоминаю слова Норы. *Сейчас у вас есть шанс вернуть своей жене то, что вы отбирали у нее все эти годы.*

Я медлю в нерешительности. Наконец говорю:

— Вчера я был кое у кого, но не осмелился тебе рассказать…

— Правда? Расскажешь? — загораясь любопытством, говорит Кармен.

Смущаясь, я рассказываю ей про Нору и про свои ощущения.

Кармен внимательно слушает, пока я читаю ей полученное от Норы письмо. Я вижу, что она тронута.

— Думаю, это здорово, что ты сходил к ней, и я так рада, что тебе стало легче. Это просто замечательно…

— В самом деле? Но неужели ты веришь во все это? — спрашиваю я удивленно.

— Я не знаю, во что я верю, но то, что сказала тебе Нора, вовсе не глупости. С каждым днем я все острее чувствую, что

готова к смерти.

— Ты веришь в то, что мы все равно будем вместе, даже когда тебя не станет?

— Да, — твердо отвечает она. — Я всегда буду рядом с тобой и Луной.

— Я тоже в это верю, — говорю я, — но иногда слышу, что люди начинают верить в Бога и загробную жизнь только потому, что их земная жизнь окончена. Это своего рода защитная реакция…

— Нет, — решительно говорит Кармен, — все это гораздо глубже. Сильнее. Я просто чувствую, что буду рядом. Это сравнимо с чувством любви. Ты просто знаешь это, и все. Точно так же, как еще в прошлом году, в «Клаб Мед», я знала, что все твои сомнения в любви ко мне — это ерунда. Я как будто любила тебя всегда, еще до того как мы встретились…

К этому моменту я уже лежу рядом с ней на кровати.

— Несмотря на мой эгоизм?

— Ты всегда мог убедить в том, что ты лучше всех, — со смехом говорит она, — хотя, честно признаться, меня это иногда напрягало… Помнишь, как два года назад ты тащил меня в Вонделпарк на День рождения королевы?

— Я делал это прежде всего для себя, — усмехаюсь я.

— Это не важно. Тот поступок был очень символичным. Я часто вспоминала тот день, когда я уже считала себя трупом и не видела ни в чем смысла.

— А если бы ты заранее знала, что я такой бабник, ты вышла бы за меня замуж?

Кармен смотрит на меня, улыбается такой знакомой мне улыбкой, когда один уголок рта приподнимается:

— Да. Конечно.

Мы крепко держимся за руки, вкладывая в это рукопожатие всю свою страсть, и молчим. Мы лежим так несколько минут. Я вижу, что Кармен закрыла глаза. Вскоре она засыпает.

Я спускаюсь вниз, где Мод, Фрэнк и мать Кармен, беседуя, пьют розовое вино. Я широко улыбаюсь.

— Выглядишь счастливым, — говорит Мод.

— Да, — произношу я радостно. — Это было потрясающе.

Привет, Богиня, я устал, я весь на нервах, но чувствую себя нужным и полезным. Дэн в роли Флоренс Найтингейл. Рассказал Кармен про Нору. Она рада. Я тоже. Целую.

6

Мы вдвоем, здесь и сейчас,
Должно быть, это и есть
то мгновенье…

Tröeckener Kecks, песня «Nu of nooit» из альбома «Eén op één miljoen» (1987)

Утром Луна забирается к нам в постель. Кармен лежит с другой стороны и, кажется, спит. Я шепчу Луне, что неплохо было бы заглянуть в гостевую комнату, где мы уложили Мод и Фрэнка. Она с энтузиазмом вскакивает.

— Шшш! — Я прикладываю палец к губам. — Маме нужно поспать!

— О да, — тихо говорит она, прикрывая рот ладошкой.

Следом за ней я поднимаюсь в гостевую комнату. Фрэнк еще спит. Мод — на ней длинная футболка — читает в постели. Непохоже, чтобы у них была бурная ночь. Позор. А Кармен была бы так довольна. Мод машет Луне, и та радостно карабкается на нее.

Я спускаюсь вниз и снова ложусь в постель рядом с Кармен. Она все еще спит. Я с любовью смотрю на нее, нежно беру ее руку и сжимаю, стараясь не разбудить. У нее тяжелое дыхание. Медленное, с нерегулярными остановками. Это мне кажется или действительно интервалы становятся длиннее? Если ей суждено умереть сейчас, во сне, это было бы здорово. У нее такое спокойное лицо. До меня вдруг доходит, что я впервые в жизни сталкиваюсь со смертью. Что же происходит в этот момент? Когда организм решает прекратить дыхание, остановить сердцебиение? И долго ли это длится? Можно ли увидеть приближение конца? И что бывает за мгновения до этого? Следует ли немедленно вызвать врача или просто позволить этому случиться? У меня нет ни малейшего представления об этикете смерти и уж тем более о том, как *дать человеку умереть.* Приходится довериться интуиции, а моя интуиция подсказывает, что сейчас Кармен так хорошо и спокойно, что вполне можно отойти в мир иной.

Медленное дыхание продолжается минут десять. А потом Кармен снова начинает дышать нормально. И это тоже хорошо.

Пусть у нее будет еще один приятный день.

7

Я стал уютно онемевшим…

Pink Floyd, песня «Comfortably Numb» из альбома «The Wall» (1979)

Когда Кармен просыпается, я спрашиваю, не хочет ли она что-нибудь съесть.

— Да. Полтаблетки морфия.

— Снова болит?

Она кивает:

— Жуткая боль. В спине.

— Тогда я дам тебе целую таблетку.

— А разве можно?

— А что делать? Ты боишься, что она убьет тебя?

Она хохочет:

— Если бы… — И вдруг хмурится: — Не пора ли сказать Луне, что меня скоро не будет?

— Я уже немного подготовил ее к этому, сегодня утром.

— И что она сказала?

— Что… — Я сглатываю. — Это хорошо, если тебе больше не будет больно.

Мы вместе плачем, тронутые непосредственностью нашего солнышка.

— Тебе полегче? — спрашиваю я.

Она кивает.

— Почитать письма, которые пришли на твой адрес?

Она снова кивает.

Как настоящая звезда, она отвечает своим фанатам. Как настоящий пресс-секретарь, я печатаю ответы, которые диктует Кармен. Всем она сообщает о том, как счастлива.

— Ты оставила Луне замечательные письма в своем дневнике, — говорю я. — Я хотел бы зачитать их на траурной службе в церкви.

— О?.. Что именно?

Я беру ее дневник, оставленный для Луны, раскрываю на странице, заложенной желтым самоклеющимся листочком, и начинаю читать вслух:

Я очень надеюсь, что оставила свой след в душах многих людей, и потом они всё расскажут тебе. Я

искренне считаю, и дело вовсе не в моей болезни, что если ты хочешь добиться чего-то в жизни, то должен идти вперед и добиваться своей цели. Нужно радоваться каждому дню, потому что никогда не знаешь, что будет завтра. Возможно, это звучит банально, но сейчас я не могу подыскать других слов, чтобы выразить эту мысль.

Когда-то, когда я работала «о-пэр» в Лондоне, я часто ходила с друзьями в пабы и рестораны. Помню, в какой-то момент у меня была всего одна пара туфель, да и то с дырявыми подошвами. У меня не было денег на то, чтобы отдать их в починку. И если и стоял выбор между новыми подошвами для туфель и прекрасным вечером в компании друзей, я выбирала второе. Я решила для себя: лучше выйти в прохудившихся туфлях и приятно провести время с людьми, чем сидеть одной дома с новыми подошвами.

Потом я много путешествовала по миру. И слышала от многих, что когда-то они тоже стояли перед подобным выбором, но поступили иначе. Луна, зачастую находится сотня причин не сделать чего-то, но всего одной причины достаточно, чтобы это сделать. Печально, когда приходится сожалеть о том, чего не сделал, потому что научиться можно только своими делами.

— Что-то в этом есть, раз я сама такое написала, — говорит она, краснея.

Потом я заканчиваю паковать чемодан, в который сложил для Луны сувениры от Кармен. Я зачитываю Кармен некоторые письма, которые написали для нашей дочери друзья, родные и коллеги.

Рамон пишет, что встречался с Кармен всего пару раз, на вечеринках в агентстве, где он работал вместе с папой (то есть со мной), поэтому не может многое рассказать о характере мамы, но у него сохранились очень живые воспоминания о ней. «Я помню, как был горд твой папа, когда представлял ее мне. И как я ему позавидовал. Луна, я не буду ходить вокруг да около, а скажу начистоту: твоя мама была роскошной женщиной. Я скажу папе, чтобы он не давал тебе это читать, пока ты не станешь взрослой, но у твоей мамы были такие си… извини, такой бюст, что все шеи сворачивали. Вот и все. По крайней мере, теперь ты это знаешь. Целую. Рамон, друг твоего папы».

Кармен заливисто хохочет:

— Как мило с его стороны написать такое…

Я читаю письма, которые пришли вчера и сегодня. Пока я

читаю вслух, Кармен периодически проваливается в дрему. Иногда она резко пробуждается, словно вспоминая что-то важное.

— Дэнни, а ты что, увеличил нашу свадебную фотографию?

— Что?

— Наша свадебная фотография. Огромная. На камине.

— А… нет…

— А то я боялась. — Она улыбается. — Хорошая штука этот морфий.

Молчание.

— Что ты сказал, Дэнни?

— Ничего, дорогая. Ничего.

Она вздыхает:

— Я что-то устала, пожалуй, посплю немного. Вы сегодня снова устроите здесь застолье?

От морфия у Кармен случаются галлюцинации, но она по-прежнему радуется всему. Я горжусь ею. Целую.

8

Потом мы будем пить семь дней подряд,
Будем пить, такая жажда,
Всем хватит, только наливай,
Мы будем пить семь дней подряд.
Мы будем есть семь дней подряд, мы будем есть…

Bots, песня «Zeven dagen lang» из альбома «Voor God en Vaderland» (1976)

Торговцы на Корнелис Шуйтстраат с удовольствием потирают руки, приветствуя проводы Кармен. Да и как им не радоваться, если предстоит обслужить роту гостей. Ван Нугтерен, бакалейщик, готовит целые подносы с сушеными томатами, виноградом и овощными салатами. «Нан», супермаркет деликатесов, едва справляется с ежедневными заказами на молоко, паштеты, ростбиф и стейки тартар («о-пэр», хотя и протестуя, все-таки покупает мясо), фермерский сыр, яичный салат и булочки для завтраков и ланчей от клиента «Дэн и Кармен и Луна и Мод и Фрэнк и мать Кармен и Компания». Фармацевты на Корнелис Шуйтстраат наверняка решили, что мы собираемся открыть собственную аптеку или что у нас целая команда велосипедистов. Каждый день кто-то из нас приезжает забрать новую порцию лекарств для миссис Кармен ван Дипен. Это преднизон, китрил, парацетамол с кодеином, темазепам, примперан, витаминные коктейли, морфий и ватные палочки со вкусом лимона, которые нейтрализуют привкус рвоты во рту. В «Пастеунинг», винном магазине, торгующем оптом, со смехом спрашивают, не вечеринка ли у нас, когда я звоню, чтобы заказать еще два ящика розового вина. Каждый вечер мы выпиваем не меньше четырех бутылок. И это не считая того, что выпито днем. Каждый раз, спускаясь вниз, я застаю все новых гостей в саду, в гостиной и на кухне. И всех нужно кормить[58]. Такие проводы, какие устроили мы, конечно, сближают, но обходятся в целое состояние. Теперь я понимаю, откуда идет выражение «смертельно дорого».

— Деньги не сделают тебя счастливым, зато при их наличии можно чертовски здорово повеселиться, — говорит Кармен. Она наслаждается тем, что наш дом открыт для всех. Каждый хочет повидаться с Кармен, побыть с ней как можно дольше. Никто не хочет пропустить такое важное мероприятие. Ничуть не уступающее фестивалям «Пинкпоп» и «Дэнс Вэллей», параду, карнавалу или джазовому фестивалю в Бреде. Море впечатлений. Поневоле начинаешь мечтать о том, чтобы такие проводы случались каждый год.

Посиделки у смертного одра продолжаются вот уже неделю, но Кармен чувствует себя превосходно. Даже лучше, чем в начале недели. Морфий позволяет ей безболезненно прожить целый день. «И с этими галлюцинациями столько всего интересного насмотришься», — шутит она. Даже тошнота больше не беспокоит. Для нее это состояние теперь так же обычно, как и то, что иногда бывает необходимо высморкаться.

— Может, пока отложить на несколько дней прием лекарств? — спрашивает доктор.

— Да. Будем считать это реабилитационным периодом, — говорю я.

— Или передышкой перед внезапным летальным исходом! — смеясь, добавляет Кармен.

Баккер как-то странно поглядывает на нас, но вынужден согласиться с тем, что эвтаназия в этом «пуле веселья»[59], возможно, несколько преждевременна.

Кармен спрашивает, не хочу ли я составить расписание визитов гостей на ближайшие дни. Помимо родителей и лучших подруг, которые навещают ее постоянно, она хочет видеть и своих коллег из «Эдвертайзинг брокерз», и кого-то из школьных друзей, и соратниц по «Муфлону». Я созваниваюсь со всеми, и в результате у меня получается довольно плотный график посещений. Когда наверху собираются девчонки из «Эдвертайзинг брокерз», оттуда периодически доносятся взрывы хохота. Спустя полтора часа я поднимаюсь к ним сказать, что веселье окончено. Звезда должна отдыхать. А уже через час на пороге стоят женщины из «Муфлона» (по крайней мере, те, кто еще жив), и в этот же день заглядывает и сотрудник похоронного бюро.

9

Я никогду не падаю духом,
И не отношусь к себе слишком серьезно…

Fun Lovin' Criminals, песня «Fun Lovin' Criminals» из альбома «Come Find Yourself» (1996)

Сотрудник похоронного бюро присел у постели Кармен. Она захотела обсудить свою «прощальную вечеринку», так что я отыскал в «Желтых страницах» ритуальную службу и пригласил к нам агента.

Мы показываем ему эскиз и текст приглашений.

— Только подумайте, — удивленно произносит агент, — вы уже даже разработали эскиз траурных открыток.

— Приглашений, — поправляет его Кармен.

— Ээ… да, вы правы. Приглашений.

Мы говорим, что хотим выставить гроб с телом Кармен дома. И чтобы траурная церемония прошла в Обрехткерк — церкви, что за углом. Тогда, пока мы с Луной живем здесь, каждые полчаса нам будет напоминать о Кармен звон «маминых колоколов». Мы говорим, что службу хотим провести сами, вместе с нашими родными и друзьями. Мы показываем ему компакт-диск Кармен, который записывали на протяжении последних месяцев, и говорим, какие песни хотели бы слышать в церкви. Агент обещает узнать, есть ли там стереосистема. Я говорю, что это не имеет значения, мы сами все организуем.

Мы уточняем, что Кармен хочет быть похороненной в Зоргвлиед, а после похорон мы хотели бы заехать выпить в «Мирандапавильонен».

— И перекусить, — добавляет Кармен. — Там должны быть шоколадные пирожные с орехами, лепешки, вафли, сэндвичи с лососем и сливочным сыром, мороженое.

— Вам не нужно ничего записывать, — говорю я, когда вижу, что агент достает ручку. — Двое наших друзей уже занимаются угощением.

Агенту нравится наш подход к делу.

— Может быть, я помогу вам выбрать гроб, или вы уже и с этим решили? — шутливо произносит он.

— Давайте посмотрим, что у вас есть, — предлагает Кармен.

Мы выбираем простой белый гроб.

— Мое голубое платье от «Риплей» будет отлично смотреться в нем, — говорит Кармен. И переводит взгляд на меня: — Если, конечно, ты считаешь его симпатичным.

Я говорю, что оно ей очень идет. У меня язык не поворачивается назвать его «симпатичным».

— А в какой машине вы поедете в церковь? — спрашивает агент.

— В белой. Не надо ничего вычурного.

— Отлично.

— Что ж… наверное, я уже могу сказать вам «до встречи»? — говорит Кармен.

Мужчина робко улыбается и откланивается.

— Было бы забавно, если бы он пожелал мне ни пуха ни пера, — замечает Кармен, когда за ним закрывается дверь.

■

В тот вечер мы снова собираемся ужинать на кровати Кармен. Традиционный горшок с зеленым кормом, которым «о-пэр» травит нас вот уже неделю, вызывает отвращение. Сегодня вечером я сказал всей банде, что готов убить за котлеты, чипсы с арахисовым маслом и майонезом и бочонок китайской еды. Кажется, со мной согласились многие. Поэтому я дал нашей «о-пэр» выходной.

Мод с Фрэнком идут в местный китайский ресторан и возвращаются, нагруженные пакетами со снедью. Уже несколько дней мы не ели ничего, кроме зеленого и желтого, и вот наконец спальню наполняют ароматы китайских блюд. «Именинница», как называет себя Кармен, довольствуется двумя стаканчиками йогурта.

Уже спустя несколько минут ее начинает тошнить. Она склоняется над ведром и пытается вызвать рвоту, но ничего не получается. Тогда она сует два пальца в рот, и опять ничего.

— Черт возьми, ну почему же не выходит? — ругается она.

И вдруг из нее хлещет потоком все, что она успела сегодня проглотить, включая утреннюю горстку хлопьев с клетчаткой. Пока Кармен рвет, я целую ее в макушку. Держу наготове салфетки. Все притихли. После того как из нее вытекает последняя струйка рвоты, из ведра доносится ее голос: «Господи, здесь как в могиле! Кто-нибудь уже умирал или знает, как это?»

На мгновение повисает зловещее молчание. А потом все, как по команде, начинают смеяться.

10

И пусть ничто не удержит нас вместе,
Мы украдем всего один день,
Я, я стану твоим королем, а ты,
Ты станешь моей королевой,
Мы станем героями, хоть на один только день…

David Bowie, из песни «Heroes» из альбома «Heroes» (1977)

— Тогда я надену новый жакет «Дизель» поверх платья, — говорит Кармен, когда просыпается утром. — Только вот не решила, что на ноги. Может, кроссовки «Пума»?

Я с трудом представляю, что она имеет в виду. В течение нескольких последних месяцев она натащила в дом столько обновок — и туфли, и сапоги, и одежду.

— А ты в чем будешь? Собираешься купить что-то новенькое?

— Да. Я еще не думал об этом. Недавно видел в магазине костюм песочного цвета, я бы мог его потом и на работу носить. Или, может, взять кремовый костюм с отливом от «Юп», я видел на Хууфтстраат… Но его можно надевать только на вечеринки.

— Покупай его, — с энтузиазмом говорит Кармен. — Я бы хотела ассоциироваться у тебя с вечеринками, а не с работой.

Я смеюсь, растроганный, и обнимаю ее. От нее пахнет. Кармен не принимала ванну вот уже неделю.

— Я хочу побаловать тебя. Сегодня примешь ванну.

— Дэнни, нет, ничего не получится…

— Доверься мне, — говорю я и направляюсь в ванную. Я наполняю ванну водой и добавляю несколько капель любимого масла Кармен. Достаю из шкафа самое мягкое полотенце, две салфетки для лица, чистые трусы и свежую пижаму. Чтобы защитить худые ягодицы Кармен, я выкладываю на дно ванны три полотенца, сложенные вдвое. После этого возвращаюсь в спальню.

— А теперь приподними-ка свою задницу. — Я снимаю с нее пижамные брюки и застываю от изумления. За последние дни она совсем исхудала. Попа провалилась, а маленькая буква V поверх ягодиц, которую я всегда находил такой сексуальной, исчезла.

Я снимаю пижамную куртку с Кармен и внутренне съеживаюсь от ужаса. Ее ребра можно пересчитать глазами. Уцелевшая грудь представляет собой пустую чашечку размера «D». Кармен дрожит от холода. Я быстро накидываю ей на плечи халат. Потом поднимаю ее, усаживаю в коляску и толкаю в ванную. Ставлю коляску параллельно ванне. Кармен боится.

— Не волнуйся. Я не дам тебе упасть.

Я снимаю с себя джинсы, носки, ставлю одну ногу в ванну, потом вторую. Когда я чувствую, что уверенно стою на ногах, я поднимаю Кармен и говорю, что ей нужно всего лишь поставить ногу в ванну, не опираясь на нее. Потом проделать то же самое другой ногой. Я сгибаю ноги в коленях и прошу Кармен сделать так же. В следующее мгновение она уже лежит в теплой воде. Глаза Кармен наполняются слезами счастья. Я окунаю салфетку в воду, намыливаю и начинаю мыть свою жену.

— О-о-о… какое блаженство, — говорит она, не открывая глаз. Хотя она изнемогает от усталости, внутренне она довольна. Я провожу салфеткой по ее худому телу. От ступней поднимаюсь к ногам. От лобка к животу. Я мою единственную, усохшую грудь, после чего, глубоко вздохнув, перехожу на правую половину И тут, впервые, я касаюсь того места, где когда-то была ее грудь. Моя рука с салфеткой скользит по нему как ни в чем не бывало. Кармен открывает глаза и нежно произносит: «Иди сюда…»

Я наклоняю к ней голову. Она целует меня в губы.

— Я люблю тебя, — шепчет она.

Потом я вытираю ее насухо, проделывая ту же самую процедуру, только в обратном порядке. В спальне надеваю на нее чистую пижаму. Через две минуты Кармен засыпает.

В туалете я набираю и отправляю эсэмэску.

Я дошел до ручки, Роза. Мне не терпится поговорить с тобой. Целую.

Она перезванивает сразу же. Я рассказываю ей о том, чем занимался только что, и рыдаю. Роза утешает меня и говорит, что облегчение, которое наступит после события, станет для меня наградой за мои труды. Сегодня ей звонил Фрэнк и подробно рассказал обо всем, что происходит у нас. Роза говорит, что гордится мной.

После разговора с Розой я иду в спальню и нежно целую мою спящую жену в макушку. С улыбкой счастья на лице я засыпаю.

11

Малышка, думаю, это конец,
Приглашаю тебя на последний танец…

The Troggs, песня «With a Girl Like You» из альбома «With a Girl Like You» (1968)

— Дэн?

— Да? — сонно отзываюсь я. В спальне горит свет. Я бросаю взгляд на часы. Четверть второго ночи. В доме все спят.

— Я хочу есть…

— Что бы ты хотела?

— Ммм… пофферти.

— Тогда подожди минутку.

Вскоре мы сидим в постели и уминаем воздушные блинчики — посреди ночи.

— Думаю, я все-таки надену кроссовки от «Гуччи», а не «Пуму».

— Хм…

— Они в шкафу. Вместе с голубым платьем.

До меня не сразу доходит, о чем она говорит. А когда понимаю, я начинаю хохотать. И не могу остановиться. Кармен тоже заливисто смеется.

— Стой, стой, а то я описаюсь… — произносит она, всхлипывая от хохота. Ее мочевой пузырь тоже дает сбои.

— Может, включить музыку? — спрашиваю я, отсмеявшись. — Твой диск? Ты как, справишься?

Она кивает. Мы подпеваем исполнителям, продолжая жевать блинчики. Трек номер шесть — это наш свадебный танец.

— Потанцуем? — предлагаю я.

— Сумасшедший!

Я поднимаю ее. Ее ступни едва касаются пола. Она виснет в моих руках, и я поворачиваю ее, нежно покачиваю из стороны в сторону. Мы танцуем гораздо медленнее, чем на нашей свадьбе, но все-таки мы танцуем. Я в трусах, Кармен в шелковой пижаме. Я нежно напеваю ей на ухо.

Я хочу прожить жизнь с такой девушкой, как ты… И делать все, чего хочешь ты… Кстати, ты одеваешься так, как надо… И

говоришь именно так, как я люблю… Скорей бы пришло время, когда мы будем вместе… А пока приглашаю тебя на танец…[60]

Когда смолкают последние аккорды, я дарю Кармен французский поцелуй. Это куда более интимно, нежели секс.

Я просыпаюсь через полчаса. Пофферти просятся наружу.

— Я в порядке, — доносится голос Кармен, приглушенный ведром. — Они были просто сказочно вкусными…

Она вытирает рот салфеткой.

— Что ж. Я снова спать. Спокойной ночи.

12

Накануне…

George Michael, песня «Waiting for that Day» из альбома «Listen Without Prejudice, Vol. 1» (1990)

Проходят восьмые и девятые сутки проводов Кармен. Время от времени она плачет. Когда боль в спине становится невыносимой. Или когда закашливается и замечает, что обмочилась. Когда забывается от морфия, которого ей требуется все больше и больше, чтобы заглушить боль. Днем она все чаще пребывает в прострации, как итальянский турист, зависший в кафе при торговом центре.

Еще одним поводом для слез становится Луна. Страшно подумать, что ей досталось всего три года материнского тепла и любви. «Лучше бы она была непоседой», — смеется сквозь слезы Кармен, когда смотрит «Улицу Сезам» вместе с Луной, уютно устроившейся рядом с ней в постели.

По вечерам в спальне, когда вся банда внизу распивает розовое вино, мы иногда плачем вместе. Вспоминая наши совместные отпуска, друзей, красивые моменты нашей жизни. Но чаще мы все-таки смеемся.

Каждое утро Кармен бодро спрашивает, какие у нас планы на день. Кто придет навестить ее сегодня. Она уже успела повидаться со всеми. Я между делом подсчитал, сколько народу побывало в нашем доме, и вышло, что за эти девять дней мы приняли тридцать шесть человек. Некоторые пришли только раз, а кого-то мы до сих пор не можем вытолкать за дверь.

Периодически кто-то из друзей, и мужчины, и женщины, спускается вниз в слезах.

— Она сказала, что ей так жалко нас, вынужденных страдать вместе с ней, — всхлипывает Анна, пробыв с Кармен около часа. Я поднимаюсь наверх проверить, как себя чувствует моя жена после этой встречи. Когда я захожу в спальню, я застаю Кармен сидящей на краю кровати, с дымящейся сигаретой. Ее худые ноги покачиваются, рука, сжимающая сигарету, дрожит, так что ей с трудом удается поднести ее ко рту. На лице счастливая улыбка. Как будто ничего и не случилось. Морально Кармен гораздо сильнее всех нас в эти дни.

Все идет своим чередом, по расписанию. Мы все так же

обедаем и ужинаем вместе, наверху, Кармен весело блюет в ведро, «о-пэр» вздыхает и стонет, выполняя работу по дому. Мод, Фрэнк и мать Кармен принимают гостей и играют с Луной, я по несколько раз на дню поднимаю Кармен и усаживаю ее на горшок, выношу ведра.

Ее печень явно при последнем издыхании: стул стал серым, а моча темно-коричневой. Глаза у Кармен желтые, как самоклеющиеся листочки. И совсем ввалились. Сегодня я забрал готовые фотографии, на которых Кармен запечатлена со всеми, кто приходил на этой неделе. И практически на всех снимках, особенно на тех, что были сделаны в последние два дня, Кармен выглядит ужасно. Как будто весит уже меньше сорока килограммов. Я думаю, так оно и есть.

Я выношу в туалет ее ведро с рвотой, уже бог знает какой раз за день, когда вдруг слышу ее крик:

— Дэн! Скорее… я сейчас описаюсь…

Памперсы, которые я купил вчера, могут противостоять недержанию, вызванному кашлем и смехом, но только не полноценному потоку мочи. Я бегу к ней:

— Лежи. Я сейчас подставлю тебе судно.

— Нет… я больше не могу терпеть, — в панике кричит она, — о, уже льет, Дэнни…

Я быстро хватаю из шкафа несколько полотенец, стягиваю с Кармен пижамные брюки, подкладываю под нее сложенное вдвое полотенце, а другое запихиваю между бедер. Оно тут же пропитывается мочой. Смотрю на себя как бы со стороны. Я с полотенцем, прижатым к влагалищу жены. По которому когда-то сходил с ума. Которое ласкал сотни раз. Сюда проникал мой член, мои пальцы, мой язык. Сюда я кончал снова и снова, с нашей самой первой встречи. Помню, как Кармен пальцами раздвигала половые губы, и это возбуждало меня еще больше. А потом кричала, чтобы я проникал в нее все глубже и глубже. И вот теперь большим полотенцем я вытираю насухо ее промежность, потому что моя любимая уже не может держать мочу. Кармен плачет от стыда.

— Не расстраивайся, любовь моя, — шепчу я. Крепко обнимаю ее и осыпаю поцелуями. Свой осколочек фантастического жизнелюбия.

Обмыв ей бедра и промежность, я ложусь рядом с ней и глажу ее лицо. Она выглядит такой жалкой, потерянной.

— Тебе уже трудно справляться с этим, Дэнни, ведь правда? Я боюсь, что мне придется лежать вот так неделями, и будет все хуже и хуже. — Она всхлипывает. — Я не знаю, хочу ли я, чтобы это продолжалось…

Меня охватывает страшное предчувствие. Не знаю, стоит ли заводить об этом разговор.

— Дорогая, я готов вместе с тобой обдумать это, но, в конечном счете, тебе решать. Я буду счастлив и дальше ухаживать за тобой, сколько бы это ни продлилось. Но если ты не хочешь продолжать это, я смирюсь и с этим. Я приму любой твой выбор.

Она кивает:

— Спасибо Всевышнему. Я увиделась со всеми, с кем мне хотелось увидеться, я сделала все, что хотела сделать. И сказала все, что хотела сказать. Теперь я хочу уйти. Завтра.

— Ты в этом твердо уверена?

— Да.

— Тогда я сейчас же позвоню доктору.

13

Я прожил жизнь, испил ее до дна,
И столько пройдено дорог, что кажется,
Полмира…

Frank Sinatra, песня «My Way» из альбома «My Way» (1969)

Наш семейный доктор медленно поднимается по лестнице, я за ним. Он потирает спину. Я не пристаю с расспросами. Горестные стенания «о-пэр» я еще могу вынести, к тому же они давно стали для меня с Мод, Фрэнком и матерью Кармен предметом шуток, но доктору не пристало жаловаться на здоровье. Тем более когда Кармен напичкана морфием и завтра собирается умереть.

— Как ваша спина? — осведомляется Кармен, когда он заходит в комнату.

Прежде чем Баккер успевает ответить, я бросаю суровый взгляд в его сторону.

— О, все в порядке, благодарю… Но у вас дела не очень, я правильно понимаю? — поспешно спрашивает он.

— Да, — отвечает Кармен. — Боль еще сильнее, чем вчера, и приступы такие, что я вообще ничего не соображаю. Я больше не хочу продолжать это… И хочу, чтобы это закончилось завтра, — твердо прибавляет она.

Баккер пристально вглядывается в ее лицо:

— Хорошо. Я расскажу вам, как все это будет происходить. Завтра я принесу с собой лекарство. Вы его выпьете. Через тридцать секунд все будет кончено. Вы ничего не почувствуете.

— Звучит заманчиво, — замечает Кармен.

Доктор смеется:

— Вы хотите, чтобы кто-нибудь присутствовал при этом?

— Только Дэнни, — не колеблясь, отвечает Кармен.

Я чувствую гордость, как будто меня только что пригласили смотреть финал Лиги чемпионов из ложи для очень важных персон.

— Что ж, — заключает доктор, — в таком случае я позвоню вам завтра утром, чтобы услышать ваше окончательное решение,

и тогда мы увидимся во второй половине дня.

Я с ужасом представляю себе завтрашний вечер, когда раздастся звонок в дверь. И на пороге будет стоять палач.

Внизу, в гостиной, я объявляю всем, что Кармен выбрала эвтаназию и это случится завтра. Все испытывают облегчение. Теперь есть определенность. Фрэнк, Мод и мать Кармен начинают готовить комнату, где будет выставлен гроб. Анна увозит Луну в город, чтобы купить ей заколки-подсолнухи для косичек. Я выхожу в сад с лэптопом, чтобы написать самую трогательную речь, проникнутую духом письма Кармен к Луне.

Ближе к вечеру я поднимаюсь в спальню:

— Я подготовил свою речь…

— Можно послушать? — просит Кармен; глаза ее сияют.

— Да.

Я начинаю читать. Она слушает, закрыв глаза.

> *Ты хотела нести людям добро, написала ты Луне. Ты хотела научить их радоваться каждому дню. Радоваться даже на твоих похоронах. Радоваться будущему. Любви, дружбе, красивой одежде, разным мелочам, приятным моментам. Вкус к жизни — вот что ты проповедовала. И сама была в этом непревзойденным мастером.*

— А потом я зачитаю письмо, которое ты написала Луне.

Я смотрю на Кармен. Она смахивает слезы.

— Ты мой герой… — шепчет она.

> **Кармен решила проститься с нами завтра вечером. Я буду присутствовать. Освободишь для меня вечер вторника? Ты мне нужна. Целую.**

14

Когда грызешь хрящ жизни,
Не ворчи, а лучше свистни,
Жизнь — это смех,
А смерть — это шутка…

«Монти Пайтон», песня «Всегда смотри на светлую сторону жизни» из фильма «Житие Брайана» (1979)

Той ночью я не могу заснуть. Меня мучают сомнения, которыми я не осмеливаюсь ни с кем поделиться. Я не уверен в том, что смогу выдержать свой первый опыт встречи *вживую* со смертью. Я видел мертвых. Двоих в гробах, одного на улице, но, к счастью, он лежал под машиной, поэтому я толком его не рассмотрел. Так что, пожалуй, он и не в счет.

А в гробу я видел свою тетю (и не особенно испугался этого зрелища, поскольку она и при жизни выглядела устрашающе) и бабушку (которую тоже терпеть не мог). Впрочем, это не значит, что мне было уютно на этих похоронах. Нет, я не фанат смерти. А о том, чтобы видеть, как на твоих глазах умирает *живой* человек, даже думать страшно.

Мне неловко оттого, что я так терзаюсь. Кармен совсем не боится, а ведь именно ей предстоит сыграть главную роль в этом спектакле со смертельным исходом. Я буду только зрителем. Впервые в жизни мне предстоит увидеть, как умирает человек, и, в довершение ко всему, этим человеком будет моя жена. Я что хочу сказать: ведь, начиная футбольный сезон, ты разогреваешься на какой-нибудь дворовой команде — не так ли? Почему же меня нельзя ввести в игру постепенно, для начала предоставив возможность увидеть смерть кого-то, кто не так мне дорог? Скажем, прохожего на улице или болельщика с сердечным приступом на игре «Аякса»? Почему именно смерть Кармен я должен увидеть завтра?

И еще: звонить ли мне завтра в похоронное бюро, чтобы подтвердить заказ на обработку и обряжение тела — в идеале, если возможно, сразу же после планируемой кончины Кармен? Договориться часов на семь вечера? Плюс минус час — или это трудно прогнозировать? Заказывают ли такие вещи заранее? И не получится ли так, что я позвоню, а мне скажут: да, конечно, вам

следовало позвонить раньше, потому что сейчас они обслуживают шесть покойников, — и наша очередь подойдет к концу недели, в лучшем случае.

А что потом? После того как Кармен не станет и ее обмоют в нашей постели, мне что, ложиться спать в ту же постель? Я имею право сказать, что нахожу это диковатым?

На веб-сайте, посвященном эвтаназии, не найти ответа ни на один из этих вопросов.

15

И я знаю, это причиняет боль,
И твое сердце разрывает огонь,
Но тебе остается лишь одно:
Выдержать все и идти вперед…

U 2, песня «Walk On» из альбома «All That You Can't Leave Behind» (2000)

Меня будит Кармен. Половина седьмого утра. Она в слезах.

Я обнимаю ее и крепко прижимаю к себе.

— Это мой последний день…

— Может, передумаешь?

— Нет… но… все это так странно… Ты не мог бы сделать еще кое-что для меня?

— Что?

— Можешь отсылать лишних гостей, которые придут сегодня? Я сама не смогу это сделать… Мне хочется побыть сегодня с тобой и Луной…

Вчера Кармен сама определила, сколько времени она хочет провести с каждым, кому прийти вместе, а кому порознь. Как рок-звезда, организующая интервью.

— И ты позвонишь доктору? Скажи, что все остается в силе.

Привет. Сегодня тяжелое испытание. Все наши страдают, но одновременно испытывают облегчение. Думай обо мне и зажги свечку еще и за Кармен. Целую.

Первыми наверх поднимаются Томас и Анна. Они задерживаются у Кармен на час. Потом спускаются в гостиную. Анна держит себя в руках. Томас просит меня отойти с ним в сторону. Мы стоим в кухне. У него красные глаза. «Я уже так скучаю по ней».

Он обхватывает мою голову своими ручищами и целует в лоб. Впервые за все время нашего знакомства этот маарсенский

медведь целует меня.

— Дэнни, я… ммм… я должен сказать, что в последнее время не всегда был… ммм… хорошим другом. Я не большой мастак говорить. И… может, я и был иногда несправедлив к тебе… Кармен рассказала мне про ту женщину, Тони, из «Муфлона». Как она рассталась с мужем. И про химиотерапию, на которую только вы приходили вместе. И как ты поддерживал Кармен все это время. И сколько счастья ты принес ей в эти последние недели. Я… я горжусь тобой, старик.

Он стискивает меня так сильно, что я начинаю бояться получить такую же травму, как у нашего доктора, но момент слишком красивый, чтобы жаловаться. Мы плачем. Оба. А потом хохочем.

— Ну все, хватит, задушишь, медведь, — говорю я с улыбкой.

— Тебя задушишь, бабника.

— Онанист.

— Рвотный порошок.

Обнявшись, мы шагаем в сад. Мод смотрит на нас так, будто видит перед собой Луи ван Гаала, распевающего дуэтом с Йоханом Кройффом.

Фрэнк спускается вниз со счастливой улыбкой на лице:

— Это было здорово. Мы от души посмеялись.

Мод возвращается со слезами на глазах:

— Это удивительно. Она выглядит такой умиротворенной.

Многие не спускаются вниз по собственной воле, мне приходится самому выпроваживать их из спальни, вежливо намекая на то, что сеанс окончен. Кармен лежит, как королева, выслушивая приятные речи своих подданных. Вскоре выясняется, что мы уже на полтора часа выбиваемся из графика. Мне не хватает твердости выгнать всех, желающих проститься с Кармен. Но в то же время не хочется лишать себя возможности побыть с ней подольше.

— Может, позвонить доктору и сказать, что мы задерживаемся? — спрашиваю я.

— Да, будь добр. В самом деле, нам ведь некуда торопиться?

Я звоню доктору и прошу его прийти в половине восьмого, а не в половине шестого, как договаривались.

— Она еще развлекается, — добавляю я.

Мать Кармен — последняя, кто заходит к ней передо мной и Луной. Она возвращается через четверть часа. Я уже готов подхватить ее на руки, но она бодра. И вид у нее счастливый.

— Мы сказали все, что хотели сказать друг другу, — говорит она. — На прощание она лишь произнесла: «До встречи в пятницу, на моих похоронах».

16

Никогда не забывай о том,
кто ты,
Маленькая звезда,
Никогда не забывай, откуда
ты явилась,
Из любви…

Madonna, песня «Little Star»
из альбома «Ray of Light»
(1998)

Луна провела сегодняшнее утро в яслях. Я не хотел, чтобы она весь день видела перед собой плачущие лица. По дороге в ясли я объяснил ей, что доктора больше не могут вылечить маму. Луна отреагировала на это горестным «Ох». Я сказал ей, что сегодня днем она в последний раз увидит маму. А после этого мама умрет.

— Как маленькая птичка? — спрашивает она.

— Да, — говорю я сквозь слезы, — совсем как маленькая птичка.

— И как Элвис и Бивис?

— Да, — рассмеялся я. — Как Элвис и Бивис.

— Но ведь маму не спустят в унитаз. Она не отправится в рыбий рай.

— Нет. Мама отправится в человеческий рай. И там она будет самым красивым ангелом.

Я только что забрал дочку. Воспитательницы, которых я все это время держал в курсе событий, сказали мне, что Луна с гордостью сообщила ребятам, что сегодня вечером ее мама умрет и превратится в ангела. Совершенно неожиданно Луна стала самой популярной малышкой в группе.

У меня внутри все сжимается, когда я веду Луну в спальню. Кармен начинает плакать, как только видит нас.

— Ты объяснишь? — спрашивает она дрожащим голосом.

Я киваю.

— Луна, подойди, сядь ко мне на колени, — прошу я. Мы садимся у постели Кармен.

Луна очень спокойна. Она внимательно разглядывает маму. Не отворачивается, просто смотрит на Кармен во все глаза.

Я начинаю:

— Луна, я ведь говорил тебе, что мама очень больна и сегодня умрет?

Луна кивает.

— Скоро придет доктор и принесет с собой лекарство. Мама выпьет его и заснет. Но не по-настоящему, потому что она уже не проснется. Зато она больше не будет страдать, не будет болеть.

— И ее больше не будет тошнить?

— Нет. — Мне приходится выдержать паузу, потому что я вижу, что у Кармен текут слезы. — Больше ее не будет тошнить.

Тем временем Кармен берет руку Луны и нежно гладит ее.

— А потом она умрет. Очень мирно.

— И маму положат в ящик?

— Да. Потом маму положат в ящик.

— И она будет, как Белоснежка?

— Да, только еще красивее, — говорю я сквозь слезы.

Луна смотрит на меня и целует в щеку. Я продолжаю:

— И мы поставим этот ящик в гостиной, накроем его стеклянной крышкой. И мама будет одета в свое самое красивое платье.

— Какое? — с любопытством говорит Луна.

— Голубое, — отвечает Кармен.

— Подожди, я схожу принесу, — говорю я.

Я беру платье от «Риплей», которое вот уже несколько дней висит на вешалке возле шкафа.

— Красивое, правда? — спрашиваю я у Луны.

Она кивает.

— А потом мы сможем любоваться мамой еще несколько дней, сколько нам захочется, но только она уже ничего не сможет нам сказать.

Луна снова кивает. Похоже, она находит все это абсолютно логичным.

— А после того, как мама полежит в гостиной несколько дней, мы пойдем в церковь, с многочисленными друзьями мамы, и будем там петь песни и рассказывать красивые истории о маме. А потом мы похороним маму. Как ту маленькую птичку в книжке, помнишь?

Я вижу, что она сбита с толку.

— Но разве мама не отправится на небеса?

Кармен смеется.

— Да, — говорю я. — Но это очень трудно объяснить. Даже взрослые толком не понимают этого. Я думаю, тело мамы будет похоронено в земле, но на небесах у нее будет новое тело.

— Тело ангела! — радостно произносит Луна.

— Да… — говорю я, кусая губы, чтобы не разрыдаться.

— Я думаю, это неправильно, что мама умирает.

— Я тоже так думаю, — шепчет Кармен.

— Разве я больше не смогу тебя увидеть?

— Нет, — отвечает Кармен. — Но через много-много лет, когда ты станешь очень старенькой и тоже умрешь и превратишься в ангела, думаю, мы с тобой встретимся снова…

— О…

— Вот почему мы собрали вон в том чемодане столько вещей, напоминающих о маме, — говорю я. — Когда ты подрастешь, ты сможешь прочитать все это и посмотреть.

— И папа сможет рассказывать тебе обо мне… А потом, возможно, у тебя появится и новая мама, — прибавляет Кармен.

Молчание.

— Ну, что ты думаешь? — обращаюсь я к Кармен, потому что не знаю, как еще спросить, готова ли она проститься с дочерью.

— Думаю, пора.

Кармен вся в слезах.

Она протягивает к дочери руки. Я спускаю Луну на пол. Теперь она стоит у изголовья кровати.

— Я люблю тебя, дорогая, — говорит Кармен.

— Я люблю тебя, — говорит Луна, почему-то смущаясь.

И вдруг начинает целовать Кармен. Так, как никогда прежде этого не делала. Она целует щеки Кармен, ее глаза, лоб, губы, попутно смахивая слезинку с ее щеки. У меня сжимается сердце, я бы все отдал, если бы можно было изменить это, я бы… я бы…

Но я ничего не могу изменить.

Могу только встать на колени рядом с Кармен и Луной и в последний раз обнять их вместе.

Потом я забираю Луну и веду ее к двери.

Кармен кивает.

— Прощай, моя родная, любимая малышка, — снова говорит она, еще более жалкая и несчастная.

Луна ничего не говорит. Она машет рукой на прощание. И посылает Кармен воздушный поцелуй. Кармен зажимает рот рукой, обливаясь слезами.

Я и Луна выходим из спальни. Кармен больше никогда не увидит Луну.

Господи, пусть будут те небеса, где они смогли бы встретиться вновь.

Пожалуйста.

Пожалуйста.

Прошу Тебя, Господи.

17

Ты уходишь, я здесь остаюсь,
Прощания миг наступает так скоро…
Мне остается сказать лишь одно:
Спасибо тебе за все…

Tröeckener Kecks, песня «Een dag, zo moo!» из альбома «Andere plaats, andere tijd» (1992)

Мы уже сказали друг другу все, что должны были сказать. Но у нас впереди еще полтора часа до прихода доктора. Это как на отдыхе, когда ты уже собрался в дорогу и последний час проводишь в ожидании автобуса, который отвезет тебя в аэропорт. Я хочу обставить прощание в стиле Кармен. Спускаюсь вниз и снимаю на видеокамеру стену гостиной, которую сегодня утром расписали Мод с Фрэнком. Потом скидываю джинсы и футболку, надеваю голубую рубашку, приготовленную с утра. Она в тон платью Кармен. Наступает черед кремового костюма — я достаю его из чехла и тоже надеваю.

В спальне я встаю у кровати и развожу руки в стороны.

— Смотри, — говорю я. — Шопинг — здоровая привычка.

У Кармен загораются глаза.

— Ты все-таки купил его!

— Для тебя. Ну как?

— Роскошно… — Кармен тронута. Она улыбается и жестом просит меня повернуться кругом. — Просто фантастика, и сидит на тебе как влитой. Ты будешь думать обо мне всегда, когда будешь его надевать?

— Всегда. На каждой вечеринке, куда отправлюсь в нем.

— Тогда я уверена, что ты будешь часто думать обо мне, — смеется она.

Я ложусь рядом с ней и обнимаю ее настолько нежно, насколько могу. Несколько минут мы молчим.

— Мне вот что любопытно, — произносит вдруг Кармен так, как если бы говорила о том, что собирается пойти в кино на нашумевший фильм. — Я рада, что все это случится. И как бы мне

ни было грустно расставаться с тобой и Луной, я не хотела бы оказаться на твоем месте. Остаться одной, с Луной на руках, без тебя — я бы не выдержала. Нет, я ни за что не поменялась бы с тобой местами…

— А я с тобой…

— Значит, будем считать, что нам обоим повезло? — Она смеется.

Мы говорим о нас, как уже привыкли за эти последние недели. Вспоминаем, за что полюбили друг друга, что ценим друг в друге, чему научились друг у друга, обо всем, что делали вместе. Мы счастливы, что были семьей. К черту все ссоры, проблемы, к черту этот рак, к черту мою аварию, к черту Пима, Шэрон и всех баб, которых я трахал, за исключением Розы. И Мод.

— Будем снимать наши обручальные кольца? — осторожно спрашиваю я.

— Да. — Мы беремся за руки и повторяем ритуал, который проделывали в день нашей свадьбы. Только наоборот. Я убираю кольца в серебряную шкатулку и кладу ее в чемодан с сувенирами для Луны.

Кармен смотрит на кольцо, которое я ношу на безымянном пальце другой руки.

— Можно, я снова надену его тебе? — смущенно спрашивает она.

Я снимаю кольцо, подаренное ею полгода назад, и передаю его Кармен. Она пытается прочесть слова, выгравированные на внутренней стороне. Но безуспешно.

— *«Моей самой большой любви, ххх Кармен»,* — читаю я вслух.

— О да, — говорит она, удовлетворенно глядя на кольцо.

Она пытается надеть мне его на палец, но у нее нет сил. Мы делаем это вместе.

— Ты будешь его носить?

— Всегда.

— Хорошо, — нежно произносит она.

Молчание.

— У меня есть кое-что, чем тебя развеселить, — говорю я.

Я беру видеокамеру. За это время я снял весь дом на видео. Этот дом мы купили вместе, но вышло так, что за последние одиннадцать дней Кармен видела лишь одну его часть — спальню, если не считать пятнадцати минут в ванной. Мой голос комментирует за кадром:

> — Привет, Кармен. Прошло время, и ты, возможно, не узнаешь этот уголок: это наш сад. Здесь ты можешь увидеть новый тент, под которым, как обычно, Фрэнк,

Мод и твоя мать зависают с одиннадцати утра и до бесконечности, в то время как их лучшая подруга и дочь лежит наверху, смертельно больная… *(Смех…)* Может, в вас проснется совесть и вы поднимете тост за Кармен? (*Они поднимают бокалы, выкрикивают тосты.)* Заметь, Мод с трудом удерживает бокал, а твоя мать так напилась, что у нее язык заплетается. (*Слышны угрозы…)*

Кармен смеется.

…Теперь переходим в холл, и ты только взгляни: светильник, который ты купила несколько недель назад, в спешке прилеплен мастером Риком, который так и не удосужился закрепить его как следует. А здесь мы можем видеть — *я поднимаюсь по лестнице* — потрясающие фотографии, которые мы купили в Ирландии, наконец развешенные по стенам, где, как тебе казалось, им не место, а я думал иначе — и в конце концов решил воспользоваться тем обстоятельством, что ты прикована к постели…

Кармен хохочет во весь голос.

…И вот мы попадаем в гостиную. Здесь сидят Анна с Томасом, уплетают фрикадельки. О, небольшое уточнение: у Томаса аж две порции, насколько я могу судить. Это он наверстывает упущенное после вегетарианского месива, которым его пичкает наша «о-пэр». *(«Привет, Кармен!» — кричат Анна и Томас в камеру с полным ртом.)* Должен сказать, что в округе стало неспокойно, с тех пор как наши друзья зачастили к нам в дом. Кстати, в Маарсене по-прежнему считается нормой жевать с закрытым ртом, но Томас, видимо, об этом не знает. А вот и твоя фотография ню, которую я получил в подарок на свой день рождения. Кажется, от нее возбуждается даже Фрэнк…

Кармен смеется, качает головой.

…И наконец *(камера показывает другую, пустую, половину комнаты и выставленные вдоль стены вазы для цветов, часть из которых еще пустые),* наше почетное место *(мой голос замолкает на мгновение, а потом звучит чуть тише),* где будешь лежать ты…

Кармен всхлипывает и хватает меня за руку. Я спрашиваю, не хочет ли она, чтобы я остановил запись, но она качает головой.

> …Здесь мы видим фотографию, на которой ты, я и Луна. Мы сделали ее как раз перед тем, как ты облысела во второй раз. Я повесил ее здесь, в гостиной, только вчера…

Кармен удовлетворенно кивает и тихо произносит:
— Отличное место.

> …И последнее, но не менее важное. *(Камера перемещается к другой стене.)* Это послание, которое Фрэнк и Мод, по моей просьбе, оставили сегодня на этой стене и которое будет всегда напоминать мне о тебе, пока мы с Луной живем в этом доме. *(Камера дает крупный план, и на экране появляются два слова, написанные во всю стену огромными заглавными буквами серебристого цвета; мой голос умолкает, пока камера держит в фокусе эти слова…)*

— Carpe diem[61], — шепчет Кармен, неподвижно глядя на экран. Потом кивает и переводит на меня взгляд, исполненный нежности. — Потрясающе. Даже дом готов.

Звонок в дверь.

18

Никаких тревог, никаких сюрпризов,
Тишина…

Radiohead, песня «No Surprises» из альбома «OK Computer» (1997)

С чемоданчиком в руке доктор Баккер поднимается по лестнице. Он в хорошем настроении и бодро пожимает нам обоим руки.

— Итак, — говорит он, присаживаясь на стул у постели.

— Как ваша спина, лучше? — спрашивает Кармен.

Баккер начинает нудно рассказывать, в каком месте у него болит и как он мучился, пока боль не утихла. Кармен вежливо слушает. На этот раз я не прерываю его. Пусть себе болтает, это несколько разряжает обстановку.

— Но речь сейчас не обо мне, — спохватывается он и меняет тему: — Милая леди… Такая форма рака в столь молодом возрасте — большая редкость. Вам ужасно не повезло…

— Да. Наверное… — говорит Кармен, переводя взгляд на меня.

Мы больше не верим в невезение. Невезения не существует. Точно так же, как не существует везения. Вера в удачу, в счастливый случай — это оскорбительно для жизни. Что случилось — то случилось. И мы никогда не узнаем почему. Возможно, через час Кармен об этом узнает. И мне останется лишь позавидовать ей.

— Вы позволите мне подготовить все необходимое? — спрашивает доктор Баккер.

Мы киваем. Он достает из своей сумки маленькую бутылочку.

— Вы не принесете мне большой стакан, Дэниел?

Я бросаюсь вниз по лестнице к витрине с посудой. Смотрю на выставленные там стаканы. Интересно, какой же стакан годится для такого случая? Я беру с полки стакан для коктейля. «ТОЛЬКО НЕ ЗАБУДЬ ПОТОМ ВЫБРОСИТЬ», — повторяю я про себя снова и снова. А то не успеешь оглянуться, как кто-нибудь еще выпьет из этого стакана, — и придется устраивать сразу двое похорон. Баккер осторожно выливает содержимое бутылочки в стакан. Он наполовину полон.

— Похоже на воду, — замечает Кармен.

— По вкусу напоминает анис. Вы должны выпить это медленно, но за один прием.

Кармен кивает.

— После этого через десять секунд вас начнет клонить в сон. Вам лучше попрощаться друг с другом, прежде чем вы примете лекарство. Потому что иногда все происходит очень быстро.

— Хорошо.

— Вы готовы, Кармен? — торжественно произносит доктор.

— Полностью, — с улыбкой отвечает Кармен.

— Тогда прощайтесь.

Я ложусь рядом с Кармен, так что ее и мое лицо почти соприкасаются, и смотрю в ее глаза. Мы оба взволнованны и нервно улыбаемся.

— Я рада, что была твоей женой, — шепчет она. — И сейчас я счастлива.

— Никто из наших никогда не поверил бы в это…

— Но это правда. Спасибо тебе за все, Дэнни. Я люблю тебя. Навсегда.

Я всхлипываю:

— Я буду всегда любить тебя, Карм…

Доктор сидит сложа руки, смотрит в окно.

— Наслаждайся жизнью, — нежно произносит она и гладит меня по щеке.

— Постараюсь. И я буду хорошим отцом для твоей дочери.

— Прощай, моя любовь…

— Прощай, любимая…

Мы целуемся, и Кармен говорит доктору, что она готова.

— Дэниел, вы не поможете мне усадить Кармен и подложить ей под спину несколько подушек? Так ей будет легче пить.

Мы помогаем Кармен приподняться. Это не требует больших усилий.

Доктор передает ей стакан.

Кармен в последний раз смотрит на меня. Она улыбается. Я беру ее за руку.

— Ну, с Богом, — говорит Кармен. Она подносит стакан ко рту и начинает пить.

Пока доктор внимательно следит за тем, как она пьет, спокойно повторяя ставшие уже, наверное, привычными для него слова «Допиваем… допиваем… допиваем…», я ловлю себя на том, что восхищаюсь мужеством своей жены.

Стакан пуст.

— На вкус очень даже ничего, — шутит Кармен. — Чем-то напоминает узо.

— Это верно! — говорит доктор Баккер, убирая подушки из-за ее спины.

Кармен снова ложится. И вновь смотрит на меня. Удовлетворенная, спокойная, любящая.

— Ммм… как хорошо, — произносит она в следующее мгновение, как будто нежится в теплой ванне. Глаза ее закрыты.

Баккер смотрит на меня и подмигивает. О, он сделал, как лучше.

Я продолжаю гладить руку Кармен. Баккер держит запястье другой руки Кармен. И поглядывает на часы.

— Все, она уходит, — тихо произносит он, не отрывая взгляда от Кармен.

Я смотрю на Кармен. Мою Кармен. Она больше не двигается.

— Нет, я еще здесь, — вдруг раздается ее голос, очень тихий, и на мгновение она открывает глаза.

Я не вздрагиваю, я просто улыбаюсь.

После этого она уже ничего не говорит. Ее дыхание замедляется. Так же, как и пульс, что подтверждает доктор.

— Через минуту все будет кончено, — говорит он.

Проходит минута. Дыхание Кармен периодически останавливается.

— Не пугайтесь, — говорит доктор. — Она уже ничего не чувствует.

Проходит две минуты. Кармен все еще дышит, правда урывками.

— Давай же, девочка, сдавайся, — произносит доктор.

Проходит еще минута.

— Она очень сильная, просто поразительно! Ну же, ну…

Я снова горжусь своей Кармен, хотя на самом деле не уверен, что можно гордиться тем, что тело твоей жены не сдается, в то время как его хозяйка, сама Кармен, уже отказалась от борьбы.

Снова проходят минуты. Кармен неглубоко дышит. Иногда слышится хрип.

— Все выглядит страшнее, чем есть на самом деле, — снова подает голос доктор.

Мне вовсе не страшно. Я только думаю о том, каково сейчас ее матери там, в саду, мучиться в неведении, гадая, что же здесь происходит. И не передумала ли Кармен?

Спустя пять минут, в течение которых доктор излагает мне юридические аспекты активной и пассивной эвтаназии и других технологий прерывания жизни, а я пространно отвечаю ему, не сводя глаз с Кармен, он предлагает сделать ей внутривенную инъекцию.

— Она что-нибудь почувствует?

— Нет, совсем ничего.

— И тогда ее тело перестанет бороться?

— Да. Сразу после этого она умрет.

— Тогда делайте.

Баккер заглядывает в свой чемоданчик. Достает оттуда шприц, наполняет его такой же бесцветной жидкостью, какую Кармен выпила, и кладет на тумбочку. Потом приступает к поиску доступной вены. Которой, конечно, не находит. До меня вдруг доходит, что те же проблемы возникали при химиотерапии. Вены у Кармен действительно спрятаны глубоко под кожей. Баккер стягивает жгутом руку Кармен и смотрит, смотрит. Ничего.

— Вы не отойдете в сторону? — просит он и заходит с другого края, держа шприц в одной руке, а другой рукой опираясь на водяной матрас. Мне все это представляется рискованным трюком, и я не знаю, то ли дрожать от страха, то ли смеяться. Если доктор потеряет равновесие, он упадет прямо на иглу со смертельным лекарством. Примет смерть из своих же рук, можно сказать. И все кончится тем, что я останусь с мертвым телом доктора и полуживым телом Кармен. Пойди потом объясни все это полиции.

Баккеру не удается найти вену и на другой руке Кармен. Он предпринимает несколько попыток, но безуспешно. Игла не может нащупать вену. Нет, я все-таки не могу избавиться от ощущения, что участвую в какой-то комедии. Тело Кармен так привыкло наслаждаться жизнью, что не собирается сдаваться.

— Тогда придется искать в паху, — говорит доктор.

Вот уже двадцать пять минут, как Кармен выпила лекарство.

— Есть! — восклицает Баккер.

Через пятнадцать секунд Кармен перестает дышать.

Я глажу ее руку, целую в лоб и чувствую, как по моей щеке скользит слеза.

— Прощай, моя дорогая Карми… — шепчу я.

Доктор уже не прислушивается к ее дыханию. Он звонит своему коллеге, который должен прийти и засвидетельствовать свершившийся факт эвтаназии, как это положено с технической и юридической точки зрения.

Я спускаюсь в сад и сообщаю всем, что Кармен скончалась. Все покорно воспринимают это известие. С облегчением, хотя и не осмеливаются об этом говорить.

Фрэнк и Мод просто кивают.

Томас смотрит прямо перед собой. Анна крепко сжимает его руку.

Одна только Луна веселится, хихикает, щипля мать Кармен за

нос.

Ее мать, ее дочь, их друг, моя жена мертва.

ЭПИЛОГ

Любовь…
Так что же такое любовь?

André Hazes, песня «Wat is dan liefde?» из альбома «'n Vriend» (1980)

Лучше любить и потерять,
Чем вовсе не знать любви.

Альфред Теннисон, поэма «In Memoriam» (1850)

Мы все смотрим на Артиста, Прежде Известного Как Кармен[62].

Что можно сказать? То, что мы видим, совсем не похоже на ту Кармен, которую мы знали. Кармен ушла — одному Богу известно куда — и лишь беспечно оставила после себя свое тело. С какой стороны ни посмотри — когда работники морга бесстрастно приступают к работе, натянув резиновые перчатки, мы быстро покидаем комнату, — это всего лишь мертвое тело. Мертвее не бывает.

И хорошо, что Кармен уже мертва; если бы она увидела тех ребят, что сейчас… готовят ее тело к погребению, у нее случился бы инфаркт. Когда я увидел, как они бесшумно заходят в наш холл, почтительно сложа руки на животе, у меня мурашки побежали по спине. Работники морга обменялись рукопожатиями с матерью Кармен и мною, прошептали профессиональные соболезнования. Один из них — точная копия персонажа из мультфильма «Везунчик Люк»: впалые щеки, бритый череп, поза и повадки стервятника, которому не терпится впиться в свою добычу. Его коллега похож на толстяка из семейки Адамсов. Он от природы лысый и дряблый и постоянно облизывает губы в предвкушении работы с телом Кармен. Что ж, по крайней мере, им удалось превратить свое хобби в профессию.

Пока их босс, стоя в секции «CARPE DIEM» нашей гостиной, объясняет, как будет функционировать система охлаждения, установленная над гробом с телом, я вижу, как стервятник поднимается по лестнице. Краем глаза успеваю заметить, что в

руках у него и толстяка носилки. Мне совсем не хочется это видеть. Я быстро проскальзываю в сад.

Наконец меня и мать Кармен приглашают взглянуть и оценить результат. Мы глубоко вздыхаем и заходим в гостиную. Мне предстоит увидеть свою жену в гробу.

Но я не разочарован. Ярко-голубое платье от «Риплей» с жакетом от «Дизель» действительно ей идет. Завтра Анна, как обещала, нанесет ей макияж. Мы хотим, чтобы тело Кармен было таким же красивым, как и живая Кармен.

Анна и Томас прощаются и уезжают в Маарсен. Мать Кармен ложится спать. Фрэнк, Мод и я открываем еще одну бутылку вина. Обсуждаем все, что нам предстоит в ближайшие дни. Похороны назначены на пятницу.

— Вы всех обзвонили? — спрашиваю я.

— Да, родственников, друзей, коллег — всех.

— Хорошо, — говорю я, разглядывая свой бокал.

— Роза знает? — спрашивает Фрэнк.

— Еще нет, — отвечаю я, качая головой, — как раз собирался отправить ей эсэмэску.

Фрэнк кивает.

— Я хочу задать вам обоим один вопрос, — говорю я, пристально глядя в глаза Мод и Фрэнку. — И хочу услышать честный ответ.

Они кивают.

— Я не знаю, приглашать ли Розу на похороны?

Молчание.

— Пригласи, — говорит Фрэнк после паузы.

Мод через некоторое время прибавляет:

— Да. Я думаю, это правильно.

■

Я иду спать в половине двенадцатого. Странное чувство охватывает меня, когда я переступаю порог спальни. Взгляд привычно скользит к тому месту на кровати, где Кармен пролежала одиннадцать дней. Оно пустует. Я раздеваюсь и ложусь в постель. Мать Кармен уже убрала комнату и сменила постельное белье. Но я все равно не могу спать посередине и ложусь на свою половину.

Потом достаю мобильник.

> **Кармен тихо умерла сегодня, в четверть девятого вечера. Я присутствовал. Сейчас чувствую себя нормально. Позвоню тебе завтра. Сможешь в пятницу прийти на похороны?**

Я беру пульт от телевизора. Смотрю, какую погоду обещают

завтра утром. Двадцать один градус, солнечно. Ммм… Завтра я буду совершенно свободен и смогу почитать газету и выпить капучино на террасе «Хетт Блауэ Теехус».

Возвращая пульт на тумбочку, я замечаю в углу пару белых кроссовок с зелено-красно-зеленой полоской. Я смеюсь и качаю головой. Это те самые «Гуччи», в которых Кармен до последнего сомневалась. Завтра я позвоню агенту похоронного бюро и попрошу надеть их на нее. С другой стороны, это глупо. Я встаю с постели, надеваю халат и беру кроссовки. Тихо-тихо, чтобы не разбудить Луну, спускаюсь вниз. С кроссовками в руке, я взволнованно открываю дверь гостиной, где над гробом с телом Кармен мирно жужжит система охлаждения.

БЛАГОДАРНОСТИ

Ты так тщеславен, думаешь, что эта книга о тебе,
И не рассчитывай, не стоит…

Carly Simon, песня «You're So Vain» из альбома «No Secrets» (1972)

Вполне возможно, что кто-то из врачей, хирургов, психотерапевтов и прочих целителей узнает себя в каких-то персонажах, событиях или эпизодах этой книги. И вряд ли обрадуется. Я утешаю себя тем, что роман — это, по определению, плод фантазии автора.

Других персонажей я назвал бы интерпретацией и комбинацией образов реальных людей. Это условие назвала непременным мой редактор, когда прочитала первоначальный вариант рукописи. Четыре сотни плотно набранных страниц формата А4 с безнадежным количеством плохо выписанных характеров (к тому же с трудно запоминаемыми именами, так что иногда казалось, будто читаешь семейную сагу Луи Куперуса[63], хотя — к счастью — более жизнерадостную и — к сожалению — куда хуже написанную), нескончаемыми описаниями бесчисленных визитов к врачам, смачными сексуальными сценами в духе подросткового чтива и, что самое главное, никому не нужными философскими рассуждениями о смысле жизни.

Госпитали, отели, рестораны, пабы, клубы и другие учреждения и заведения существуют в действительности.

СПАСИБО ВАМ,

Бренда, Дон, Курт, Наат, за безжалостную критику по прочтении первоначальной рукописи;

Барт Х., Барт В., Энжин, Эрик Х., Эрик Л., Геерт, Хьюго, Ян, Марко, Марс, Сиб, Сикко и Йоннеке, за ваш труд, вложенный в эту рукопись, музыку, веб-сайт, дизайн, игры и презентацию;

Йоннеке и Юст, за веру в меня;

Андрэ, Боно, Бретт, Брюс, болельщики трибуны F, Ханс,

Хууб Х., Хууб ван дер Л., Ян, Йохан, Майкл, Милан, Рамзес, Рик, Рональд, Шандор, Том и все остальные, у кого я позаимствовал материал для своих рэмплов;

Ют, за одобрение и поддержку;

Наат, за все, что ты сделала для меня, за все, что разрешала делать;

Ева, за то, что успевала поцеловать своего папу, пока он писал эту книгу.

notes

Примечания

1

Перевод Н. Шульгиной. — *Примеч. ред.*

2

Финал Лиги чемпионов, 24 мая 1995 года, Вена, стадион «Эрнст Хаппель». 1:0 (Клюйверт). Ван дер Сар, Райцигер, Блинд, Ф. де Бур, Райкаард, Зеедорф (Кану), Литманен (Клюйверт), Давидс, Финиди, Р. де Бур, Овермарс. (Примечания без пометки о принадлежности сделаны автором. — *Примеч. ред.*)

3

Рэмпл из песни «Een Dag, Zo Mooi», входящей в альбом «Andere Plaats, Andere Tijd» (1992) группы *Tröckener Kecks*.

4

Анимированная игрушка в виде героя Элмо из популярной детской телевизионной образовательной программы «Улица Сезам». — *Примеч. ред.*

5

Матч «Аякс» — «Панатинаикос», 3 апреля 1996 года, 0:1. Ван дер Сар, Ф. де Бур, Блинд, Райцигер, Богард, Р. де Бур, Литманен, Давиде, Финиди, Кану, Овермарс. В игре на выезде «Аякс» одержал легкую победу со счетом 0:3.

6

Рэмпл из песни Брюса Спрингстина «Бобби Джин» («Bobby Jean»), входящей в альбом «Рожденный в США» («Born in The U. S. A.») (1985).

7

Рэмпл из романа Герарда Реве «Вечера» («De avonden»; 1947).

8

Луи ван Гаал (р. 1951) — известный нидерландский футбольный тренер, в прошлом футболист. — *Примеч. ред.*

9

Голландский гуру мотивации.

10

«День рождения королевы», национальный праздник в Голландии.

11

9 апреля 1997 года. 1:2. Ван дер Сар, Мельхиот, Блинд, Ф. де Бур, Мусампа, Шолтен, Литманен, Витчге, Бабангида, Р. де Бур, Овермарс. 0:1 (Аморузо), 0:2 (Виери), 1:2 (Литманен). А во второй игре в ворота «Аякса» забили четыре мяча Ломбардо, Виери, Аморузо, Зидан.

12

Слова из песни группы *REM* «Everybody Hurts», входящей в альбом «Automatic for the People» (1992).

13

Так говорил Рихард Крайчек, теннисист.

14

Намек на комедию «Кларенс, косоглазый лев» (1965; режиссер Эндрю Мартон). — *Примеч. перев.*

15

Боккаччо, неверно истолкованный Рональдом Гифартом (Ronald Giphart) в романе «Тысяча поцелуев» («Ik mhels je met duizend armen»).

16

Лейдсеплейн — площадь в Амстердаме, центр ночной жизни. — *Примеч. пер.*

17

Самый унылый игрок за всю историю «Аякса». В конце концов оказался в «ПСВ», это ему ближе по духу.

18

Амстердамский фолк-певец, пользующийся огромной популярностью, но презираемый критиками.

19

Джулия Робертс говорит Хью Гранту. Из этого можно сделать вывод, что у самой Джулии сисек нет или, по крайней мере, их не разглядишь невооруженным глазом.

20

Нидерландский футболист суринамского происхождения. Выше пенальти, пробитых им мимо ворот, пожалуй, только его эго. [Тем не менее это не помешало Зеедорфу четыре раза в составе разных клубов выиграть Лигу чемпионов. — *Примеч. ред.*]

21

Рэмпл из «Новогоднего послания» (2002) Юпа-фант-Хека (Youp van't Hek).

22

Вольный рэмпл из романа Габриэля Гарсиа Маркеса «Любовь во время холеры» (1985).

23

Нигерийский футболист, любимец публики, во времена, когда «Аякс» играл на стадионе «Де Меер». Выписывал ногами такие кренделя, что клоун Коко отдыхает.

Рекомендую посетить сайт *www.kluun.nl*.

25

Рэмпл из мультфильма «Смурфы».

26

В финале чемпионата мира по футболу 1974 года сборная Нидерландов уступила сборной ФРГ со счетом 1:2. — *Примеч. ред.*

27

В прошлом лучший футболист Европы, почти не уступает восходящей звезде Рафаэлю ван дер Ваарту. [Зинедин Зидан, завершивший спортивную карьеру в 2006 году, также три раза признавался ФИФА лучшим футболистом мира, а в 2004 году УЕФА признала его лучшим футболистом последних 50 лет. Сравнение этого выдающегося французского футболиста со способным голландским игроком выглядит по меньшей мере некорректно. Оставим его на совести автора. — *Примеч. ред.*]

28

Слова из песни «Суррогат любви» («Substitute for Love»).

29

Слова из песни «Луч света» («Ray of Light»).

30

Слова из песни «Кожа» («Skin»).

31

Нидерландский футболист, выступал за «Аякс», «Милан», «Барселону» и другие клубы. [Карьеру футболиста Патрик Клюйверт завершил в 2008 году. — *Примеч. ред.*]

32

Слова из песни «Небо подходит небесам» («Sky Fits Heaven»).

33

Нападающий, играл за «Аякс» в начале девяностых. К сожалению, на поверку оказался звездой-однодневкой.

34

Рэмпл из песни группы *Tröeckener Kecks* «Redding», входящей в альбом «Met hart en ziel» (1990).

35

«Аякс» — «Торино», 0:0, Олимпийский стадион, 13 мая 1992 года. Общий счет 2:2 (Йонк, Петтерссон). Менцо, Силой, Блинд, Ф. де Бур, Алфен, Винтер, Йонк, Креек (Винк), Ван’т Схип, Петтерсон, Рой (Ван Лоэн).

36

Стенли был мастер давать советы, а не ловить мячи, что для вратаря не слишком ценное качество. Но он был настолько обаятельным парнем, что никто не осмеливался критиковать его. Кроме Луи ван Гаала. Весь стадион «Де Меер» был втайне благодарен за это Луи.

37

Египетский футболист, одно время играл за «Аякс». Совершенно неуправляемый — видимо, руководство по его пользованию безнадежно утеряно. Возможно, сейчас, пока вы читаете эти строки, он уже выступает за какой-нибудь средний европейский клуб, причем за бешеный гонорар. [Сейчас Мидо принадлежит английскому клубу «Мидлсбро», а выступает за «Вест Хэм» на условиях аренды. — *Примеч. ред.*]

38

Рэмпл из сингла «Остановись во имя любви» («Stop! In The Name of Love», 1965) группы *The Supremes*.

39

6:1. Четыре мяча забил Клюйверт, два — Овермарс. 25 июня 2000 года. Ван дер Сар, Стам, Райцигер, Ф. де Бур, Зенден, Дж. ван Бронкхорст, Давидс, Коку, Бергкамп, Клюйверт, Овермарс.

40

Рэмпл из репертуара болельщиков, занимающих трибуну F. На мотив песни Луи Армстронга «Когда пройдет парад всех святых» («When The Saints Go Marching In»). Этой речевкой болельщики «Аякса» отвечают на злобные выпады в адрес команды и ее фанатов.

41

Рэмпл из книги Макса Велтхейса (Max Velthuijs) «Лягушка и птичка» («Kikker en het vogeltje»; 1991).

42

Перефразировка высказывания Йохана Кройффа, экстренера «Барселоны»: «Оборона у них дырявая».

Порядок превыше всего! *(нем.)*

44

Рэмпл из песни Ханса Теувена (Hans Teuuwen) «Dat dan weer wel», входящей в альбом «Dat dan weer wel» (2002).

45

«Де Кюйп» — домашняя арена роттердамского футбольного клуба «Фейеноорд», принципиального соперника амстердамского «Аякса». — *Примеч. ред.*

46

В 1970-х Том Бланкер считался самым ярким талантом «Аякса» со времен Йохана Кройффа. И до известной степени это правда.

47

Поэтический рэмпл из песни «Лео» («Leo»; 1977), которую исполняла Риа Вальк (Ria Valk).

48

Эти слова Тони Сопрано говорит своему психиатру в 12-й серии («Изабелла»).

49

Рэмпл из книги Яна Волкерса «Турецкие сладости» (1969).

50

Главная торговая улица Амстердама.

51

Рэмпл из песни Андре Хазеса (André Hazes) «Wat is dan liefde», входящей в альбом «’n Vriend» (1980).

Мокум — прозвище Амстердама. — *Примеч. пер.*

53

Джон Клиз философствует.

54

Гол Марко ван Бастена в матче против сборной СССР на чемпионате Европы 1988 года футбольные болельщики признали лучшим забитым с лёта мячом в истории европейских первенств. — *Примеч. ред.*

55

Рэмпл из романа Ричарда Баха «Мост через вечность» (1984).

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — сестра милосердия и общественный деятель Великобритании. — *Примеч. пер.*

«Коктейль Молотова» среди футболистов.

58

Рэмпл из номера Вима Зонневельда «De Jongens» («Conferences»; 1970).

59

Рэмпл из песни Хенка Элсинка (Henk Elsink) «Harm met de harp» (1961).

60

Слова из песни «С такой девушкой, как ты» («With a Girl Like You»; 1968) рок-группы «Троггз» (*Troggs*).

61

Лови день (лат.). То есть пользуйся сегодняшним днем, лови мгновение. — *Примеч. ред.*

62

Аналогия с музыкантом Принцем, некоторое время выпускавшим свои работы под именем «артист, прежде известный как Принц».

63

Луи Куперус (1863–1923) — нидерландский писатель, представитель натурализма в нидерландской литературе. — *Примеч. ред.*